

Юридическая Библиотека VII

№ 8.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИ
РОССІЙСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ

340.6.
Ф 681

ГИШНОТИЗМЪ ВЪ ПРАВѢ

Д-ра С. Фишера.

ЮРИДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТА
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА



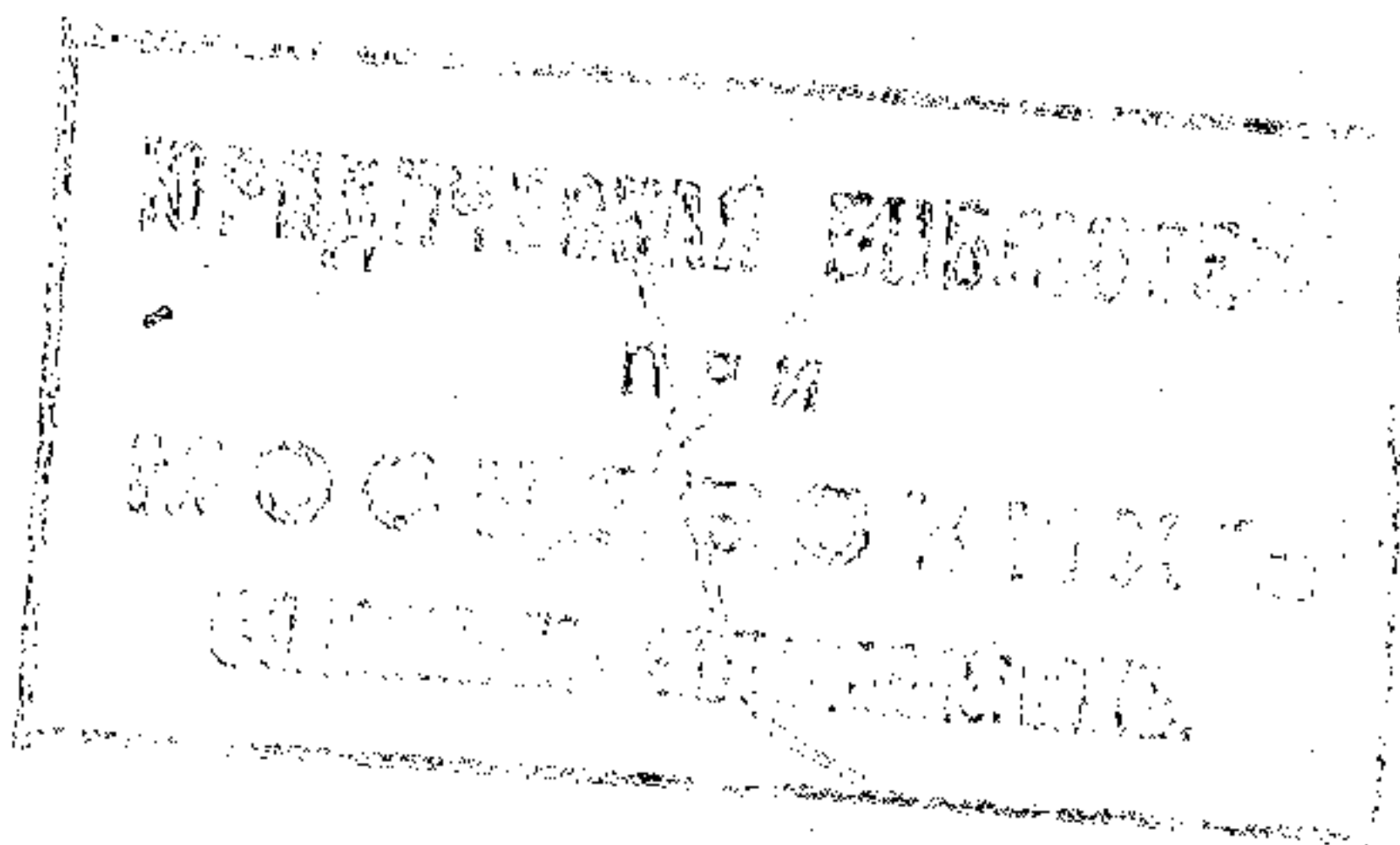
ЮРИДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТА
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА

ЮРИДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТА
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Я. Канторовича.

1896.



ГИПНОТИЗМЪ ВЪ ПРАВѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще совсѣмъ недавно гипнотизмъ занималъ весьма ограниченное мѣсто въ наукѣ и былъ извѣстенъ только въ тѣсномъ кругу медиковъ, въ качествѣ исключительнаго терапевтическаго средства. Въ публику только изрѣдко и мелькомъ проникали кой-какіе неопредѣленные слухи о томъ или другомъ случаѣ исцѣленія помощью гипнотизаціи, имѣвшемъ мѣсто въ практикѣ какой-либо медицинской извѣстности. Къ этимъ случаямъ относились большею частью скептически, недо-вѣрчиво, и самое понятіе гипнотизма относилось къ числу тѣхъ таинственныхъ явленій, (какъ спиритизмъ, окультизмъ и др.), которыя одними принимаются небрежно, какъ пустые, вздорныя бредни, а другими съ мистическою вѣрою, какъ сверхъестественныя чудеса.

Всего нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Шарко приступилъ къ обнародованію своихъ изслѣдованій надъ больными Salpêtrière. Съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ ученыхъ во всѣхъ странахъ Европы—медики, фізіологи, психологи—занялись изслѣдованіемъ гипнотизма, и благодаря произведеннымъ ими многочисленнымъ и разнообразнымъ наблюденіямъ и опытамъ, гипнотизмъ выведенъ изъ уз-

кой сферы клинических пробных экспериментов и сдѣлался предметомъ изученія широкой научной мысли.

Едва ли какое либо другое открытіе въ нашемъ XIX в., столь богатомъ открытіями, чревато такими послѣдствіями, какъ открытіе гипноза. Потому что паръ и электричество касаются только матеріальной стороны нашего существованія, расширяя владычество человѣка надъ ограниченнымъ, пространствомъ и временемъ, тѣлеснымъ міромъ, въ то время какъ гипнозъ раздвигаетъ границы нашего духовнаго міра и приближаетъ насъ къ таинственному сверхчувственному міру...

Въ настоящее время невозможно еще ни предвидѣть, ни измѣрить горизонты, которые откроются научной мысли въ будущемъ изслѣдованіями въ этой области. Удивительныя явленія прозрѣнія, предвидѣнія, которыя обнаруживаются въ сомнамбулистическомъ снѣ, изумительные опыты внушенія, которыми измѣняются всѣ умственные и душевныя способности человѣка до полной замѣны личности гипнотизируемаго другой, чуждой ему, личностью, и многочисленные другіе феномены въ области явленій гипноза, — все это поражаетъ насъ изумленіемъ, наполняетъ насъ трепетомъ предъ великими тайнами человѣческой души и заставляетъ насъ проникаться смутною, неопредѣленною увѣренностью, что это — еще не *все*, что будущему откроются совершенно новыя, несознанныя еще современнымъ человѣкомъ, соотношенія между че-

ловѣческимъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ, между человѣческимъ духомъ и природой...

Практическая медицина уже давно приняла къ свѣдѣнію результаты изслѣдованій и наблюденій въ области гипноза и стала ими пользоваться съ терапевтическими цѣлями. Также психологія и философія внимательно слѣдятъ за новѣйшими наблюденіями въ этой области и обнаруживаемыми, благодаря имъ, феноменами душевной жизни, и вводятъ эти наблюденія въ составъ своего экспериментальнаго матеріала. Юриспруденція только въ самое послѣднее время обратила вниманіе на эти явленія и обратилась къ ихъ изученію съ точки зрѣнія правовыхъ принциповъ. Въ иностранной литературѣ имѣется пока еще очень мало изслѣдованій о гипнотизмѣ въ правѣ—не болѣе двухъ-трехъ монографій. Въ нашей литературѣ почти вовсе ничего не имѣется по этому предмету. Между тѣмъ юриспруденціи, какъ наукѣ, имѣющей дѣло съ актами человѣческой *воли*, съ соотношеніями между выраженіями этой воли и объективными нормами закона—нельзя игнорировать явленія гипноза и не принимать къ своему разсмотрѣнію тѣ измѣненія, которыя вносятся гипнозомъ въ духовное содержаніе гипнотизируемыхъ.

Выпуская эту книжку о «Гипнотизмѣ въ правѣ», мы не претендуемъ на исчерпывающую полноту матеріала по такому обширному и сложному вопросу. Мы имѣли въ виду, какъ и въ другихъ выпускахъ «Юридической Библіотеки», главнымъ образомъ публику, а не специалистовъ, и поэтому

мы считали нужнымъ по возможности устранить всякія подробности спеціально фізіологическаго или психологическаго, или юридическаго содержанія.

При составленіи работы мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

- 1) Beaunis: «Le somnambulisme provoqué. Etudes psychologiques et physiologiques». Paris, 1887.
- 2) Bernheim: «De la suggestion et ses applications à la thérapeutique». Paris, 1886.
- 3) » «De la suggestion à la veille».
- 4) Gilles de la Tourette: «L'hypnotisme et les états analogues au point de vue médico-légale. Paris, 1887.
- 5) Laurent: «Les suggestions criminelles». Paris, 1891.
- 6) Liégeois: «De la suggestion hypnotique dans ses rapports avec le droit civil et le droit criminel». Paris, 1884.
- 7) » De la suggestion et du somnambulisme dans leurs rapports avec la jurisprudence et la médecine légale». Paris, 1889.
- 8) Revue de l'hypnotisme (за разные годы).
- 9) A. v. Bentivegni: «Die Hypnose u. ihre civilrechtliche Bedeutung». Leipzig, 1890,
- 10) Dr. Lilienthal.: «Der Hypnotismus und das Strafrecht» Berlin u. Leipzig, 1887.
- 11) Д-ръ Янушкевичъ: «Гипнотизмъ». (Реальная Энциклопедія медицинскихъ наукъ, томъ 4).

Введеніе.

Научная разработка гипнотизма принадлежит новѣйшему времени. Но явленія гипноза, подъ различными названіями и формами, были извѣстны уже въ глубокой древности. Мы находимъ эти явленія при многихъ чудесахъ ветхаго за-вѣта, нѣкоторые тексты котораго показываютъ, что многія явленія гипноза были извѣстны евреямъ. Также талмудъ упоминаетъ о состояніи, въ которомъ человѣкъ «спитъ и не спитъ, бодрствуетъ и не бодрствуетъ, и хотя отвѣчаетъ на вопросы, но душой отсутствуетъ». Древніе жрецы Египта и Греціи пользовались гипнотическимъ состояніемъ для исцѣленія больныхъ (посредствомъ наложенія рукъ на больныхъ или фиксированія взгляда при произнесеніи молитвы), выдавая эти исцѣленія за чудеса. Въ особенности гипнотическимъ состояніемъ пользовались нѣкоторыя индійскія религіозныя секты для приведенія себя въ состояніе религіознаго экстаза. Индійскіе факиры для приведенія себя въ это состояніе съ давнихъ временъ и до нынѣ прибѣгаютъ къ самогипнотизированію, посредствомъ продолжительнаго фиксированія взора или многократнаго повторенія однообразнаго звука. Существующая до нынѣ одна изъ древнѣйшихъ индійскихъ сектъ *йога* или *йогины* также прибѣгаетъ для приведенія себя въ состояніе экстаза къ различнымъ манипуляціямъ, несомнѣнно гипнотизирующаго свойства къ такимъ же приѣмамъ прибѣгали и нѣкоторые монашескіе ордена.

въ началѣ христіанской эры, напримѣръ, такъ называемыя *маскодругиты* или *пасалоринжиты*, которые при молитвѣ въ теченіе многихъ часовъ вкладывали указательный палецъ въ ноздрю и тѣмъ приводили себя въ особое сноподобное состояніе, сопровождавшееся различными галлюцинаціями. Монахи Аѳонской горы, извѣстные подъ названіемъ гезихастовъ или квіэтистовъ, а также *омфалотимжиковъ*, крѣпко прижимали подбородокъ къ груди и фиксировали область пупка. Пребывая въ такомъ состояніи многіе часы, задерживая притомъ дыханіе, они впадали въ гипнозъ, причемъ испытывали свѣтовое ощущеніе, что въ XIV в. подало поводъ къ спорамъ, такъ какъ нѣкоторые считали этотъ свѣтъ божественнымъ, а другіе отрицали возможность видѣть божественный свѣтъ тѣлесными глазами. Гипнозъ на почвѣ истеріи игралъ также не маловажную роль въ средніе вѣка въ процессахъ о вѣдьмахъ.

Въ XVI ст. возникла теорія «*магнетизма*», имѣвшая для всей дальнѣйшей исторіи науки о гипнозѣ огромное значеніе. Вѣра въ цѣлебныя свойства магнита существовала съ древнихъ временъ, еще въ началѣ нашей эры, какъ равно вѣра въ цѣлебное дѣйствіе прикосновенія нѣкоторыхъ лицъ. Ношеніе магнитныхъ амулетовъ было весьма распространено и считалось очень дѣйствительнымъ лекарствомъ. Эта вѣра въ значеніе магнита для организма поддерживалась также средневѣковыми врачами, прописывавшими магнитныя мази, магнитные порошки и вообще приписывавшими магниту благотворное вліяніе на психику больного. Одинъ изъ врачей XVI ст. Theophrastus Bombastus Paracelsus придумалъ цѣлую теорію вліянія магнита, небесныхъ свѣтилъ и прикосновенія нѣкоторыхъ людей на болѣзни, объединивъ всѣ эти явленія подъ общимъ названіемъ «*магнетическая симпатія и антипатія*». Большое раз-

вѣтіе получило ученіе магнетизма благодаря его послѣдователю von Helmont'у и италіянцу Santanelli.

Ученіе школы «магнетизма» послужило основаніемъ возникшаго въ послѣдней четверти XVIII ст. ученія такъ называемаго «*месмеризма*», которое, какъ извѣстно, вызвало огромный интересъ какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и въ публикѣ. Основателемъ этого ученія былъ Францъ Антонъ Месмеръ, открывшій въ 1766 г. въ Вѣнѣ такъ называемый животный магнетизмъ. Месмеръ утверждалъ, что внутри человѣческаго организма находится таинственное магнитное истеченіе (*fluidium*), которое можетъ быть перенесено человѣкомъ на другого человѣка и чрезъ это вызывать различныя явленія. Онъ увѣрялъ, что переводить на больныхъ этотъ животный магнетизмъ, прикасаясь къ нимъ пальцами или производя около тѣла опредѣленные движенія (пассы) руками, или же посредствомъ прикосновенія больныхъ къ желѣзнымъ шестамъ, соединеннымъ съ магнитнымъ бакетомъ — сосудомъ, наполненнымъ водою и обломками желѣза и стекла. Вскорѣ Месмеръ перенесъ свою дѣятельность въ Парижъ и тутъ принималъ въ обширныхъ размѣрахъ леченіе животнымъ магнетизмомъ. Ученіе Месмера возбудило огромный интересъ въ публикѣ. На его сеансы собиралась масса народа, о нихъ рассказывали чудеса, и имя Месмера сдѣлалось самымъ извѣстнымъ. Вскорѣ однако открылись весьма предосудительные факты изъ практики Месмера и обнаружилось шарлатанское отношеніе его къ паціентамъ или, вѣрнѣе, къ паціенткамъ, вслѣдствіе чего метода леченія его, по приказу короля, подверглась изслѣдованію со стороны назначенной изъ членовъ Парижской Медицинской Академіи комиссіи, которая высказалась противъ месмеризма, и послѣдній былъ запрещенъ къ примѣненію.

Какъ весьма мѣтко замѣчаетъ Прейэръ, ученіе о живот-

номъ магнетизмъ играло такую же роль по отношенію къ гипнозу, какую играли алхимія по отношенію къ химіи или астрологія по отношенію къ астрономіи. Не смотря на приговоръ Парижской медицинской академіи, отрицавшій существованіе животнаго магнетизма, месмеризмъ нашелъ многочисленныхъ послѣдователей. Послѣ него цѣлый рядъ изслѣдователей занимался вопросомъ о животномъ магнетизмѣ, который, пройдя чрезъ многія измѣненія и постепенно разрабатываясь, развился въ современное ученіе о гипнозѣ.

Отцомъ гипнотизма слѣдуетъ считать ученика Месмера, маркиза Риуфегур, который въ 1784 г. впервые примѣнилъ къ месмерическому сну внушеніе. Онъ сталъ внушать находящимся въ месмерическомъ снѣ субъектамъ опредѣленныя мысли, задавать имъ вопросы и получать отвѣты. Это состояніе считалось за особый видъ месмеризма и получило названіе искусственнаго сомнамбулизма. Дальнѣйшее видоизмѣненіе месмеризмъ получилъ, благодаря португальскому аббату Фаріа, производившему въ 1815 г. въ Парижѣ опыты и публичные сеансы *яснаго сна* (*sommeil lucide*), какъ онъ называлъ гипнозъ. Фаріа отрицалъ существованіе магнитныхъ истеченій и приписывалъ всѣ явленія гипноза дѣйствию воображенія усыпленнаго. Онъ съ большимъ успѣхомъ разрабатывалъ способъ усыпленія субъекта посредствомъ простаго приказанія, внушеннаго субъекту, и пользовался внушеніемъ для произведенія различныхъ явленій гипноза.

Новый весьма важный толчокъ гипнотизму былъ данъ англійскимъ врачомъ Бредомъ (Braid), который долженъ считаться основателемъ современнаго ученія о гипнозѣ. Ему же принадлежитъ самое названіе «гипнотизмъ» (греч. ὕπνος), которое онъ впервые употребилъ въ 1842 г. Бредъ первый далъ научную постановку явленіямъ, вызваннымъ месмеризмомъ,

указавъ дѣйствительный источникъ ихъ происхожденія. Присутствуя на магнетическихъ сеансахъ, устраиваемыхъ, какъ интересное зрѣлище, за входную плату путешествующимъ магнетизеромъ Лафонтеномъ, Бредъ сумѣлъ отдѣлать все чудесномистическое и шарлатанское, что было внесено въ эти явленія, и выяснить научнымъ образомъ возможность гипноза безъ посредства гипнотизера и тѣмъ опровергнуть ученіе о какихъ либо жидкостяхъ или агентахъ, будто переходящихъ съ усыпителя на усыпляемаго. Такимъ образомъ ему первому принадлежитъ открытіе новаго способа для вызыванія искусственнаго сна. Имъ же было значительно развито ученіе о внушеніи, которымъ онъ пользовался въ обширныхъ размѣрахъ для терапевтическихъ цѣлей.

Ученіе Бреда послѣ его смерти было на долгое время забыто. Его приѣмами пользовались только разныя темныя личности, большею частью пріѣзжіе изъ Америки, производившіе публичные сеансы и эксплуатировавшіе легковѣріе публики, называя показываемыя ими чудеса «электро-біологією». Въ наукѣ появлялись время отъ времени единичныя изслѣдованія, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія изслѣдованія, опубликованныя въ 1873 г. физиологомъ Чермакомъ (Czermak). «О настоящихъ гипнотическихъ состояніяхъ у животныхъ». Чермакъ указывалъ на тождественность такихъ состояній у животныхъ и людей, причемъ исходилъ изъ стараго опыта, известнаго еще въ XVI ст. подъ названіемъ *experimentum mirabile* (чудесный экспериментъ) и состоящаго въ томъ, что можно курицу привести въ совершенно неподвижное состояніе, если придавить ее клювомъ къ полу или столу и провести отъ клюва въ его направленіи длинную прямую черту меломъ. Чермакъ вызывалъ состояніе неподвижности и оцѣпененія у различныхъ животныхъ и на основаніи цѣлаго ряда

исслѣдованій построилъ ученіе о гипнозѣ. Исслѣдованія эти продолжалъ Прейэръ (1873—1878), который, впрочемъ, отрицаетъ тождественность состояній гипноза у животныхъ и людей и называетъ это состояніе у животныхъ *каталепсією*, объясняя это состояніе *истугомъ*.

Эпоху въ исторіи гипнотизма составляютъ изслѣдованія и опыты, произведенные въ 1878 г. Шарко въ парижской больницѣ Salpêtrière. Шарко пришелъ къ изученію гипноза путемъ послѣдовательнаго изученія симптомовъ истеріи вообще, которая и послужила для него исходной точкой гипнотическихъ явленій. Ученики Шарко продолжали эти изслѣдованія и вскорѣ выработали законченную систему гипнотизма, носящую названіе школы парижской. Рядомъ съ этой школой образовалась другая школа, такъ называемая школа Нанси, расходящаяся съ парижской школой какъ въ своихъ общихъ принципіальныхъ воззрѣніяхъ на явленія гипноза, такъ и въ системѣ гипнотизаціи.

Ниже мы остановимся подробнѣе на различіи воззрѣній этихъ двухъ школъ, исчерпывающихъ собою современное ученіе о гипнозѣ, а теперь перейдемъ къ опредѣленію самого понятія гипноза.

Что такое гипнозъ? Какъ опредѣлить это патологическое состояніе организма, искусственно вызываемое и прекращаемое физическими и психическими приѣмами?

Какъ въ большинствѣ случаевъ при объясненіи психо-физиологическихъ фактовъ, весьма трудно въ краткомъ опредѣленіи исчерпать всѣ признаки опредѣляемаго понятія. Явленія гипноза слишкомъ сложны и разнообразны для того, чтобы они могли быть вполне охарактеризованы краткой формулой. Можно, конечно, сказать, какъ это дѣлаетъ Бентивеньи *):

*) Adolf von Bontivegni. Die Hypnose und ihre civilrechtliche Bedeutung, 1890.

«Гипнозъ есть аналогичное сну состояніе, въ продолженіе котораго физическія и духовныя способности подвергаются особаго рода измѣненіямъ, не встрѣчающимся обыкновенно ни на яву, ни во время обыкновеннаго сна». Но такое опредѣленіе далеко не обнимаетъ понятіе гипнотизма. Подъ этимъ понятіемъ соединяются весьма различныя явленія и состоянія, характеризующіяся различными симптомами, и общее опредѣленіе гипноза не можетъ исчерпать всѣ случаи гипноза. Необходимо познакомиться съ отдѣльными признаками состоянія гипноза, нужно прослѣдить различныя физическія и духовныя измѣненія, которымъ подвергается загипнотизированный человѣкъ, чтобы составить полное представленіе о понятіи гипноза.

Такъ какъ гипнотизмъ насъ интересуетъ лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ праву, то мы не станемъ описывать всѣхъ явленій гипноза, а займемся лишь тѣми изъ нихъ, которыя особенно характерны для этого состоянія или-же имѣютъ отношеніе къ нашему предмету.

Шарко и его ученики различаютъ три гипнотическихъ состоянія: каталептическое, летаргическое и сомнамбулистическое.

Характернымъ признакомъ каталептического состоянія является неподвижность. Члены человѣка, погруженнаго въ это состояніе, сохраняютъ то положеніе, которое имъ придали. Если такого человѣка поставить, онъ будетъ стоять, не чувствуя, повидимому, утомленія, пока ему не придадутъ другого положенія. Горизонтально или вертикально вытянутая рука можетъ пребыть 15—20 минутъ въ этомъ положеніи, и самый чувствительный аппаратъ не откроетъ ни малѣйшаго дрожанія въ рукѣ. Видъ человѣка, погруженнаго въ каталептическое состояніе, чрезвычайно характеренъ: глаза широко раскрыты, черты лица неподвижны, вслѣдствіе неподвижности вѣкъ слезы текутъ по лицу. Дыхательныя движенія замедлены.

Общая чувствительность тѣла уничтожена, такъ что если бить или щипать каталептика, онъ не чувствуетъ никакой боли и выраженіе его застывшаго лица нисколько не измѣняется. Тѣмъ не менѣе органы чувствъ способны къ воспринятію впечатлѣній. Особенно развито у каталептиковъ мускульное чувство, помощью котораго у нихъ могутъ быть вызваны разныя ощущенія: такъ, если имъ сжать кулаки, то лицо ихъ принимаетъ гнѣвное выраженіе, если имъ придать положеніе кланяющагося, лицо ихъ принимаетъ почтительное выраженіе. Если человѣкъ, погруженный въ каталептическое состояніе, выполняетъ какое нибудь движеніе, то послѣднее носитъ вполнѣ автоматическій характеръ и не обнаруживаетъ присутствія воли. Если каталептику дать въ руки орудіе, которымъ онъ привыкъ пользоваться, то онъ немедленно начнетъ имъ работать до тѣхъ поръ, пока его у него не отнимутъ. Если каталептику закрыть глаза, то каталептическое состояніе переходитъ въ летаргическое.

Летаргическое состояніе характеризуется вялостью членовъ. Глаза полузакрыты. Поднятая рука падаетъ внизъ подобно неодушевленному тѣлу. Голова опущена на грудь. Вообще, человѣкъ производитъ впечатлѣніе трупа. Такъ какъ мозгъ принимаетъ участіе въ общей вялости тѣла, то и сознаніе совершенно уничтожено. Характернымъ признакомъ для летаргическаго состоянія является также чрезвычайная раздражительность нервовъ и мускуловъ. При давленіи на какой нибудь нервъ всѣ мускулы, управляемые этимъ нервомъ, моментально сокращаются. При давленіи на темя это состояніе переходитъ въ сомнамбулизмъ.

Явленія, характеризующія это послѣднее состояніе, относятся главнымъ образомъ къ области духовной дѣятельности. Всѣ душевныя способности при сомнамбулистическомъ состояніи

получаютъ въ высшей степени повышенную дѣятельность. Память усилена до того, что человѣкъ въ сомнамбулизмѣ въ состояніи повторить цѣлыя фразы, сказанныя на незнакомомъ ему языкѣ. Также всѣ другіе органы чувствъ отличаются въ этомъ состояніи замѣчательной воспримчивостью. Сомнамбулы читаютъ безъ напряженія въ полутьмѣ мелкую печать, которую они обыкновенно съ трудомъ разбираютъ и при болѣе сильномъ освѣщеніи. Въ такой же степени усилены чувства слуха, обонянія и вкуса. Особенно сильно развито въ состояніи сомнамбулизма мускульное чувство. Съ завязанными глазами сомнамбулы свободно расхаживаютъ по комнатѣ, правильно пишутъ и даже въ состояніи вдѣть нитку въ игольное ушко. Лица, погруженные въ сомнамбулизмъ, чрезвычайно чувствительны относительно переменъ температуры. Мускульная сила этихъ лицъ также значительно увеличена: въ этомъ легко убѣдиться динамометрическими измѣреніями. О пріобрѣтаемой въ этомъ состояніи крайней воспримчивости къ внушенію будетъ рѣчь впереди.

Не слѣдуетъ однако думать, что эти три состоянія съ характеризующими ихъ признаками неизмѣнно повторяются при всякомъ гипнозѣ. Это описаніе Шарко имѣетъ только значеніе схемы, подъ которую подведено большинство наблюдаемыхъ явленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно наблюдать только одно или другое состояніе, иногда-же наблюдаемыя явленія нельзя подвести ни подъ одно изъ состояній. Charcot, Binet и Fèrè (изъ школы Шарко) описываютъ еще переходныя состоянія (*léthargie lucide* и *état de charme*).

Схема Шарко принята далеко не всѣми наблюдателями. Вѣрность ея оспаривается въ особенности такъ называемой школой Нанен, представителями которой являются Bernheim, Beaunis, Liegeois и др.

Одинъ изъ главныхъ представителей этой школы Бернгеймъ даетъ другую схему гипнотическихъ явленій. Онъ рассматриваетъ девять степеней гипноза. Каждая послѣдующая изъ этихъ степеней характеризуется какимъ нибудь новымъ признакомъ по отношенію къ предыдущей и представляетъ такимъ образомъ болѣе глубокую степень гипноза.

Въ первой, самой легкой степени гипноза, субъектъ чувствуетъ только легкую сонливость. Онъ въ состояніи по первому требованію открыть глаза. Вліяніе гипнотизера едва замѣтно.

При второй степени загипнотизированный своимъ внѣшнимъ видомъ производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ и въ предыдущей. Но онъ уже не въ состояніи раскрыть глаза по желанію. Вліяніе гипнотизера болѣе замѣтно.

Въ третьей степени появляется каталепсія. Загипнотизированный остается въ извѣстномъ внутреннемъ ему положеніи до тѣхъ поръ, пока ему не прикажутъ измѣнить это положеніе. Но онъ также можетъ напряженіемъ воли выйти изъ указаннаго ему положенія.

Въ четвертой степени каталепсія сильнѣе выражена и никакимъ напряженіемъ воли загипнотизированный не можетъ измѣнить указанное ему положеніе. Къ этому присоединяется еще возможность автоматическихъ вращательныхъ движеній рукъ или другихъ членовъ тѣла, продолжающихся довольно долгое время.

Въ пятой степени къ каталепсiи съ автоматическими движеніями присоединяются еще конвульсивныя сокращенія цѣлыхъ группъ мускуловъ, которыя могутъ быть вызваны внушеніемъ. Загипнотизированный не въ состояніи тогда согнуть вытянутую руку, разжать кулакъ, повернуть голову и т. д.

Въ шестой степени загипнотизированное лицо обнаружи-

васть уже въ большей или меньшей степени автоматическую податливость. Если его предоставить самому себѣ, оно неподвижно, но по соотвѣтственному внушенію его можно заставить двигаться, останавливаться, измѣнять направленіе и т. д.

Во всѣхъ этихъ шести степеняхъ загипнотизированные недоступны галлюцинаціямъ и при пробужденіи сохраняютъ воспоминаніе обо всемъ происшедшемъ во время гипноза. Общимъ признакомъ послѣдующихъ трехъ степеней является болѣе или менѣе полное исчезновеніе изъ памяти загипнотизированнаго всего, что случилось во время гипноза.

Въ седьмой степени появляется это исчезновеніе воспоминаній, но галлюцинацій нѣтъ еще и на этой ступени.

При восьмой степени появляются галлюцинаціи, которыя однако могутъ существовать лишь во время гипнотического сна.

Въ девятой степени галлюцинаціи, внушенные во время гипноза, могутъ появиться по пробужденіи.

Явленія, описанныя Бернгеймомъ и Шарко, въ сущности одни и тѣже. Разница заключается только въ классификаціи этихъ явленій. Но обѣ названныя школы, Парижская и Нансійская, радикально расходятся между собою въ общихъ, такъ сказать, воззрѣніяхъ на явленія гипноза, вслѣдствіе чего въ ихъ мнѣніяхъ обнаруживается принципиальное разногласіе, касающееся не только объясненія тѣхъ или другихъ явленій гипноза, но и самихъ явленій—ихъ основныхъ причинъ и психо-физиологическаго содержанія. Каждая школа, исходя изъ своей общей точки зрѣнія, иначе наблюдаетъ и иначе объясняетъ явленія гипноза, и поэтому на международныхъ конгрессахъ гипнотизма и физиологической психологіи въ Парижѣ въ 1889 г. о каждомъ вопросѣ гипнотизма высказывались представителями полемизирующихъ школъ діаметрально противоположные взгляды.

Для нашей цѣли представляется весьма существеннымъ

указать тутъ различіе въ основныхъ руководящихъ взглядахъ обѣихъ школъ.

Школа Шарко или Парижская считаетъ гипнозъ патологическимъ состояніемъ, вызываемымъ и обусловливаемымъ исключительно нервозомъ. По взгляду этой школы, существуетъ только истерическій гипнозъ, такъ какъ явленія гипноза могутъ возникать только на почвѣ разстройства нервной системы или по крайней мѣрѣ предрасположенія къ нервнымъ заболеваниямъ. При здоровомъ состояніи гипнозъ невозможенъ. «Всякій субъектъ, оказавшійся воспріимчивымъ къ гипнотизаціи, принадлежитъ къ великой семьѣ невропатовъ» — говоритъ одинъ изъ представителей Парижской школы Babinsky.

Такимъ образомъ Парижская школа отводитъ гипнозу весьма ограниченное мѣсто, считая явленія гипноза симптомами и послѣдствіями нервно-патологическихъ состояній, на ряду съ многочисленными другими послѣдствіями невроза. Школа Нанси, напротивъ, считаетъ гипнозъ фізіологическимъ состояніемъ, тождественнымъ по своимъ основаніямъ съ состояніемъ естественнаго сна, не имѣющимъ ничего общаго съ разстройствами нервной системы и возможнымъ для всѣхъ людей, даже вполне здоровыхъ. По мнѣнію Fogel'я, гипнозу подвержены *всѣ* люди, хотя *временно* нѣкоторые могутъ оказываться невоспріимчивыми къ гипнотизаціи. Bernheim прямо утверждаетъ, что врачъ, который не въ состояніи загипнотизировать 80% своихъ больныхъ въ госпиталѣ, долженъ считать себя неопытнымъ и воздержаться отъ сужденія. По мнѣнію этой школы, гипнозъ представляетъ исключительно психическое явленіе, вызываемое воздѣйствіемъ на психику гипнотика. Оно сводится къ усиленію воспріимчивости гипнотика къ внушенію, причемъ эта воспріимчивость можетъ быть у различныхъ людей и при различныхъ условіяхъ различна. Эта воспріим-

чивость может быть очень велика у нѣкоторыхъ субъектовъ даже на яву, безъ всякаго воздѣйствія на нихъ путемъ гипнотизаціи. На этомъ основаніи школа Нанси отрицаетъ непосредственное воздѣйствіе физическихъ способовъ гипнотизаціи, объясняя дѣйствіе этихъ способовъ психическими вліяніями.

Соотвѣтственно этому различію взглядовъ, весьма различно число гипнотиковъ у послѣдователей школы Парижа и Нанси: у первыхъ оно весьма ограничено, потому что у нихъ симптомы гипноза совпадаютъ непременно съ симптомами истеріи; у вторыхъ оно почти безгранично, потому что всякій человѣкъ можетъ, по мнѣнію этой школы, быть загипнотизированъ, причемъ представители этой школы не ищутъ въ истеріи благопріятствующаго гипнозу момента, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, истерія мѣшаетъ гипнотическому состоянію. Въ увлеченіи полемики школа Нанси утверждаетъ, что ученики Шарко либо не умѣютъ гипнотизировать, либо съ предвзятой мыслию дѣлаютъ опыты надъ одними лишь истериками, а Парижская школа доказываетъ, что ея противники или не замѣчаютъ, что экспериментируемые ими—истерики, или субъекты ихъ обманываютъ, симулируя гипнотическое состояніе.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе мнѣній указанныхъ школъ. Для насъ важно только указать, что точка зрѣнія школы Нанси въ настоящее время получила преобладающее вліяніе и все болѣе и болѣе подтверждается фактами изъ области новѣйшихъ наблюденій надъ явленіями гипноза. Гипнозъ, такимъ образомъ, является не съ специально-клиническимъ характеромъ, не частичнымъ случаемъ клинической практики, какимъ онъ представляется по ученію школы Шарко, а получаетъ широкое значеніе, въ качествѣ общаго психо-фізіологическаго факта, проявленіе котораго можетъ обнаруживаться во многихъ сторонахъ общественной жизни—

не только въ области терапевтической, но и педагогической, юридической и т. д.

Изъ всѣхъ описанныхъ явленій гипноза наиболѣе интересной съ правовой точки зрѣнія является безчувственность загипнотизированнаго, обуславливающая возможность преступныхъ покушеній противъ него. Но еще болѣе интересны для юриста духовныя измѣненія, совершающіяся въ паціентѣ подъ вліяніемъ гипноза. На наиболѣе важномъ изъ этихъ измѣненій, на усиленіи воспріимчивости къ внушенію мы остановимся нѣсколько дольше.

Что такое представляютъ собою явленія внушенія?

Въ обширномъ смыслѣ слова внушеніе основано на склонности воспринимать и усваивать представленія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ. Такая воспріимчивость существуетъ и въ нормальномъ состояніи, такъ какъ безъ нея немислима какая-бы то ни была духовная жизнь.

Говоря вообще, всѣ люди обладаютъ въ нѣкоторой степени воспріимчивостью къ внушеніямъ. Но обыкновенно эта воспріимчивость выражается только въ фактахъ подражанія (какъ напр. при зѣвотѣ) и только въ исключительныхъ случаяхъ она становится исключительно-повышенной.

Представленія могутъ быть возбуждены въ насъ двоякимъ образомъ: или представленіями другихъ лицъ (гетерономныя представленія), или-же собственными ощущеніями, путемъ логическаго мышленія или работы фантазіи. Воспріимчивость можетъ быть различна у различныхъ субъектовъ и по отношенію къ различнымъ группамъ представленій. У одного можетъ быть чрезвычайно сильно развита склонность принимать за дѣйствительность произведенія своей фантазіи (самовнушеніе, *autosuggestibilität*), у другого можетъ быть развита склонность принимать чужія представленія за впечатлѣнія собственныхъ органовъ чувствъ. Если

мы говоримъ объ измѣненіи воспріимчивости, то необходимо знать, по отношенію къ какому классу представленій воспріимчивость измѣнена.

Въ гипнозѣ измѣненіе воспріимчивости заключается въ усиленіи склонности принимать чужія представленія за собственные ощущенія. Но этимъ психическія измѣненія не ограничиваются.

Число представленій, которыя *могутъ быть* восприняты нами въ каждый моментъ подѣ вліяніемъ тѣхъ или другихъ факторовъ, безконечно велико. Если-же мы воспринимаемъ не всѣ эти представленія, а только незначительную часть ихъ, то ясно, что въ нашемъ интеллектѣ долженъ происходить процессъ сортировки, процессъ выбора, въ результатѣ котораго одни представленія оказываются принятыми, другія отвергнутыми. Этимъ процессомъ руководить способность *вниманія*.

Вундтъ различаетъ активное и пассивное вниманіе. Первое характеризуется тѣмъ, что оно автономно выбираетъ представленія, руководствуясь какимъ нибудь предвзятымъ направленіемъ; второе воспринимаетъ представленія лишь въ силу внутренней связи, существующей между двумя послѣдовательными представленіями. Представимъ себѣ двухъ людей, сидящихъ на берегу рѣки. Одинъ изъ нихъ, страстный рыболовъ занимается ужениемъ. Сквозь прозрачную воду онъ ясно видитъ червяка, привязаннаго къ удочкѣ, и плывущихъ возлѣ него рыбокъ. Другой человекъ любитъ красивымъ дномъ рѣки, разноцвѣтными камешками, игрой свѣта и тѣни въ водѣ. Въ полѣ зрѣнія обоихъ пріятелей находятся рѣшительно одни и тѣ-же предметы. Ихъ органы зрѣнія получаютъ совершенно одни тѣ же впечатлѣнія, и тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ занятъ совершенно различными представленіями, даже если говорить только объ однихъ зрительныхъ представленіяхъ. Рыбо-

ловъ видитъ только свою удочку и рыбокъ, другой видитъ только свѣтовые измѣненія на днѣ рѣки. Такая разница въ представленіяхъ этихъ людей объясняется тѣмъ, что ихъ активное вниманіе дѣйствуетъ по различнымъ направленіямъ, и сообразно этому, выбираетъ лишь соотвѣтствующія каждому изъ этихъ направленій представленія. Если-бы у обоихъ отсутствовало активное вниманіе, а существовало одно пассивное, зрительныя представленія одного и другого были-бы совершенно одинаковы.

При пассивномъ вниманіи предвзятой цѣли не существуетъ. Направленіе вниманія указывается самими представленіями. Каждому изъ насъ случалось сидѣть подолгу въ мечтательномъ настроеніи, пропуская предъ собою длинную цѣпь представленій, являющихся сами собой, но стоящихъ во внутренней связи другъ съ другомъ. При этомъ участвуетъ одно пассивное вниманіе.

Изъ сказаннаго ясно, что только активное вниманіе можетъ руководить выборомъ представленій, которыя должны проникать въ наше сознаніе. Активное вниманіе является, такимъ образомъ, регуляторомъ нашей духовной дѣятельности. Безъ этого регулятора мы воспринимали-бы тысячи для насъ совершенно ненужныхъ представленій, отвергая въ тоже время тѣ представленія, которыя необходимы для правильной умственной дѣятельности.

Гипнотическое состояніе характеризуется именно ослабленіемъ активнаго вниманія и усиленіемъ пассивнаго.

Что указанными нами психическими измѣненіями обусловливается состояніе лица, погруженнаго въ гипнозъ, ясно съ перваго взгляда. Выбирая какое нибудь представленіе при помощи активнаго вниманія, мы прежде всего разсматриваемъ происхожденіе этого представленія и судимъ объ авторитетности его источника; затѣмъ, мы спрашиваемъ себя, совмѣстимо-ли

новое представленіе съ представленіями, уже существовавшими въ нашемъ сознаніи. Если такой совмѣстимости нѣтъ или если происхожденіе представленія заставляетъ насъ сомнѣваться въ правильности соотвѣтствія этого послѣдняго съ явленіями реального міра, то мы это представленіе отвергаемъ. При ослабленіи или отсутствіи активного вниманія такой сортировки представленій не происходитъ, всякое представленіе принимается безъ критики. Это отсутствіе активного вниманія вмѣстѣ съ усиленіемъ гетерономной воспріимчивости заставляетъ человѣка, находящагося въ гипнозѣ, принимать чужія представленія и усваивать ихъ безъ сопротивленія и исполнять чужія желанія еще съ большей настойчивостью, съ большей энергіей, чѣмъ еслибы они были его собственными.

Чужое представленіе, воспринимаемое въ силу психическихъ измѣненій, совершившихся подъ вліяніемъ гипноза, и есть *гипнотическое внушеніе*. Мы познакомимся ниже съ многочисленными примѣрами подобныхъ внушеній.

По мнѣнію парижской школы измѣненіе воспріимчивости къ внушенію представляетъ одинъ изъ признаковъ сомнамбулистическаго состоянія. Представители нансійской школы считаютъ это измѣненіе принадлежностью всякаго глубокаго гипноза.

Аналогію съ гипнотическимъ состояніемъ мы находимъ въ нормальномъ снѣ. Дѣйствительно, чтобы заснуть, мы продѣлываемъ надъ собою тоже самое, что гипнотизеръ продѣлываетъ надъ экспериментируемымъ лицомъ. Мы уединяемся въ комнату, погруженной въ полумракъ. Мы ложимся и этимъ ослабляемъ дѣятельность нашего организма. Мы стараемся сосредоточить наши мысли на желаніи заснуть. Мы внушаемъ себѣ сонъ, какъ внушаемъ себѣ часъ пробужденія.

Для объясненія гипнотическихъ явленій придуманы были многія болѣе или менѣе остроумныя теоріи. Румпфъ хотѣлъ

объяснить гипнотическія явленія физиологическими процессами прилива и отлива крови къ мозгу. Прейеръ выставилъ химическую теорію, по которой все дѣло объясняется образованіемъ въ мозгу раскисляющихъ веществъ. Шнейдеръ даетъ психологическую теорію. Всѣ эти объясненія однако далеко не удовлетворительны. При недостаточности нашихъ знаній относительно всего, касающагося психической дѣятельности, едва-ли можно ожидать въ скоромъ времени удовлетворительнаго объясненія таинственныхъ явленій гипнотизма.

Но если наука и не въ состояніи дать объясненіе этихъ явленій, то существованіе ихъ стоитъ, тѣмъ не менѣе, внѣ всякаго сомнѣнія; съ этими явленіями приходится считаться. Эти явленія представляютъ интересъ не только для ученаго экспериментатора. Ихъ важность для практической жизни становится все болѣе и болѣе ясной. Нигдѣ, однако, эти явленія не сопряжены съ такими важными послѣдствіями, какъ въ области права.

Законодателю извѣстны только два состоянія человѣка, которыя онъ имѣетъ въ виду при установленіи правовыхъ нормъ: состояніе умственнаго здоровья и состояніе умственнаго разстройства. Къ этимъ двумъ состояніямъ приурочиваются вопросы о свободѣ воли и дѣеспособности, о дѣйствительности юридическихъ актовъ и отвѣтственности за преступленія. Если личность считается въ здоровомъ умѣ, въ обладаніи умственными и душевными способностями, она отвѣчаетъ за себя и свои поступки и является право и дѣеспособнымъ субъектомъ. Если, напротивъ, констатировано состояніе умственнаго разстройства, личность освобождается отъ всякой отвѣтственности за свои юридическія дѣйствія, заключенныя ею сдѣлки считаются недействительными, совершенныя преступленія—невмѣняемыми. Къ этимъ двумъ состояніямъ сво-

дится формула отвѣтственности, установленная дѣйствующими правовыми нормами.

Но изученіе явленій гипноза открываетъ новое психо-физиологическое состояніе, для котораго эта формула отвѣтственности представляется неточною или по меньшей мѣрѣ неполною. Состояніе человѣка, который долженъ реализовать гипнотическое внушеніе, отличается отъ обоихъ названныхъ состояній. Всякій человѣкъ, находящійся въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма, говоритъ Ліежуа, становится какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, совершеннымъ автоматомъ въ рукахъ экспериментатора. Если сравнить такого человѣка съ глиной въ рукахъ горшечника, которую послѣдній можетъ мѣсить по произволу и воплотить въ безчисленныхъ формахъ, то этимъ сравненіемъ еще будетъ слишкомъ мало сказано: часто гипнотизированный какъ-бы идетъ на встрѣчу желаніямъ гипнотизера. Онъ видитъ только то, что гипнотизеру угодно, чтобы онъ видѣлъ, чувствуетъ только то, что ему внушено чувствовать, вѣритъ только тому, чему ему приказано вѣрить. Всякая инициатива уничтожена... Идеи, развившіяся самостоятельно или пріобрѣтенныя воспитаніемъ, чувства или склонности, симпатіи или антипатіи, любовь или ненависть, предрасудки или страсти—все это можетъ въ одинъ моментъ быть потрясено, перевернуто или уничтожено *). Очевидно, что такое состояніе требуетъ особаго вниманія со стороны юриста.

Мы рассмотримъ въ слѣдующихъ главахъ тѣ гипнотическія явленія, которыя имѣютъ отношеніе къ праву, и постараемся прослѣдить тѣ осложненія, которыя могутъ возникнуть въ области права подъ вліяніемъ этого новаго фактора.

*) Liegeois, De la suggestion hypnotique.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преступленія, совершаемыя чрезъ посредство гипнотизированныхъ.

Какъ мы уже видѣли въ введеніи, воспріимчивость къ внушеніямъ, такъ сказать, внушаемость у гипнотизированнаго усиливается до такой степени, что онъ безпрепятственно принимаетъ чужія представленія за дѣйствительность, чужія желанія за свои собственныя. При этомъ замѣчательно, что эти представленія, эти желанія онъ перенимаетъ не у всякаго; большинство лицъ, находящихся въ гипнозѣ, принимаютъ и реализуютъ только тѣ внушенія, которыя исходятъ отъ гипнотизировавшаго ихъ человѣка: въ этомъ «гарротъ» между гипнотизеромъ и гипнотизированнымъ заключается одна изъ характерныхъ чертъ механизма внушенія. Гипнотизированный тѣмъ легче исполняетъ чужія желанія, чѣмъ глубже его активное вниманіе уничтожено и чѣмъ болѣе въ его мозгу отсутствуютъ представленія, которыя могли-бы своей несовмѣстимостью съ желаніями и представленіями автора внушенія возбуждать какія либо сомнѣнія. Гипнотизированный является такимъ образомъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ гипнотизера, который можетъ заставить его совершить все, что ему заблагоразсудится, можетъ, стало быть и заставлятъ его совершать преступленія. Эта власть гипнотизера становится особенно опасной въ силу того обстоятельства, что возможность реализовать внушенія не ограничивается временемъ гипнотического

сна. Гипнотизеръ можетъ внушить гипнотизированному лицу дѣйствию, которое тотъ долженъ исполнить, уже находясь въ нормальномъ состояніи. Мы увидимъ позже примѣры такихъ внушеній «на долгій срокъ».

Гипнотизеру нѣтъ надобности предписывать лицу, находящемуся въ гипнозѣ, всякій шагъ, который оно должно совершить для реализаціи внушенія. Такъ, на примѣръ, если-бы гипнотизеръ пожелалъ внушить гипнотизированному какую нибудь кражу, то онъ ему не скажетъ: «Вы отправитесь такимъ-то путемъ въ такой-то магазинъ, тамъ вы скажете, что желаете то-то и то-то купить; пока прикащикъ пойдетъ доставать требуемую вами вещь, вы незамѣтно приблизитесь къ такой-то полкѣ; вы воспользуетесь моментомъ, когда на васъ никто не будетъ обращать вниманія, стащите такую-то вещь и спрячете въ карманъ вашего пальто». Такое внушеніе могло-бы очень легко не удался, такъ какъ гипнотизеру нѣтъ возможности предвидѣть всѣ обстоятельства, которыя могутъ встрѣтиться лицу, исполняющему его внушеніе. При неожиданной комбинаціи лицо это, не получившее на этотъ случай указаній, стало-бы въ тупикъ, и внушеніе осталось-бы, можетъ быть, невыполненнымъ. Но гипнотизеръ и не даетъ такого внушенія. Въ предполагаемомъ нами случаѣ онъ можетъ просто сказать: «нужно, чтобы вы украли въ такомъ-то магазинѣ такую-то вещь»,—и получившій внушеніе уже самъ придумаетъ, какимъ образомъ онъ долженъ совершить эту кражу. Образъ дѣйствій при этомъ вполне будетъ зависѣть отъ индивидуальности гипнотизированнаго. Автоматизмъ послѣдняго относится исключительно къ конечной цѣли внушенія, но въ стремленіи къ этой конечной цѣли индивидуальность гипнотизированнаго остается всегда вѣрна себѣ. Умный и ловкій человекъ скорѣе и легче исполнить внуше-

ніе, чѣмъ глупый или неуклюжій. При исполненіи внушенія ученый человѣкъ воспользуется въ случаѣ надобности своей наукой, художникъ своимъ искусствомъ, силачъ своей силой, гимнастъ своей ловкостью.

Помимо высокаго интереса, который эти явленія въ состояніи возбудить своей чисто научной стороною, они представляютъ чрезвычайную важность также по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что многочисленные изслѣдователи посвятили ихъ изученію много времени и труда. Въ этомъ направленіи было совершено безчисленное множество опытовъ, изъ которыхъ мы приведемъ нѣкоторые, наиболѣе характерные и поучительные.

Gilles de la Tourette *) дѣлаетъ слѣдующее сообщеніе:

«Въ іюнѣ 1884-го года мы сошлись съ нѣкоторыми товарищами изъ Salpêtrière въ лабораторіи нашего учителя, профессора Шарко. Туда-же просили придти W. ., въ высшей степени истеричную особу, легко впадающую въ гипнотическій сонъ и отлично выполняющую внушенія. Мы гипнотизируемъ ее и она переходитъ въ сомнамбулическое состояніе. Затѣмъ начинается между нами и ею слѣдующій разговоръ: «Гдѣ вы теперь находитесь»?—«Ну, конечно, въ лабораторіи, что за вопросъ?»—«Прекрасно, но теперь отправимтесь лучше въ какое нибудь другое мѣсто. Вотъ мы уже въ Булонскомъ лѣсу, въ бесѣдкѣ, мы дѣлаемъ маленькую экскурсію. Видите, какъ тутъ хорошо, какъ тутъ свѣжо! Сядемте-же». Она садится въ очень веселомъ настроеніи, любитъся вѣленью деревьевъ и пьетъ съ удовольствіемъ стаканъ воды, думая, согласно нашему внушенію, что она пьетъ лимонадъ. «Съ вашей стороны было очень любезно привести меня сюда», го-

*) L'hypnotisme et les états analogues.

ворить она: «въ Salpêtriére, по правдѣ сказать, становилось уже очень скучно; у меня сегодня будетъ чудесный день». — «Не правда-ли, мы сегодня будемъ и обѣдать за городомъ, но вы мнѣ также должны обѣщать что-то». — «Что-же именно?» — «Когда вы проснетесь...» — «Но вѣдь я не сплю». — «По-пятно, это я знаю, но не въ этомъ дѣло. Предположимъ все таки, что вы спали-бы. Въ такомъ случаѣ вы должны, если васъ разбудятъ, отравить господина G.» — «Молчите, ради Бога, что будетъ, если услышать, что вы говорите!» — «О, ваши опасенія лишни, мы вѣдь совершенно одни». (Этого простого увѣренія достаточно для того, что-бы W.... больше не видала и вообще не замѣчала никого изъ присутствующихъ при этой сценѣ). — «Но что васъ побуждаетъ желать, чтобы я отравила господина G.? Онъ мнѣ ничего худого не сдѣлалъ, онъ, напротивъ, очень любезный молодой человѣкъ.» — «Я желаю, что-бы вы его отравили!» — «Я этого не сдѣлаю, я не хочу его отравить, я не убійца»!

Желая, чтобы это внушеніе было принято и безпрепятственно реализовано, мы ей говоримъ: «Но вѣдь вы знаете, что онъ причиной вашей ссоры съ госпожей K. (W.... чувствуетъ сильную привязанность къ этой дамѣ). — «Не можетъ быть!» — «Но я васъ увѣряю»!

Подъ вліяніемъ нашихъ настаиваній ея воля все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и она, наконецъ, выражаетъ свою готовность исполнить наши приказанія. «Но у меня нѣтъ никакого яду», говоритъ она: «что, если-бы я ему нанесла ударъ ножомъ, или застрѣлила-бы его изъ пистолета?» Такъ какъ мы знаемъ, что она при звукѣ выстрѣла впадаетъ въ гипнотическій сонъ, а намъ важно было наблюдать ее въ нормальномъ состояніи, чтобы видѣть съ какой степенью самостоятельности она будетъ дѣйствовать при исполненіи внушенія,

то мы ей говоримъ: «Выстрѣлъ произведетъ слишкомъ большой шумъ; мы теперь опять вернулись въ лабораторію Salpêtrière, пусть это васъ не огорчитъ: мы сейчасъ опять отправимся къ нашему загородному обѣду; вотъ стаканъ, въ который я наливаю пиво (фигтивно), я всыплю туда ядъ; все дѣло теперь въ томъ, чтобы вы дали господину G., когда проснетесь, выпить этотъ напитокъ. Во всякомъ случаѣ, чтобы съ вами ни случилось и какъ бы васъ ни стали допрашивать, вы забудете, что это я васъ уговорилъ отравить господина G.; вы не вспомните этого, даже если-бы васъ стали спрашивать при вторичномъ усыпленіи.» W. изъявила и на это свое согласіе.

Затѣмъ мы будимъ ее легкимъ дуновеніемъ на ея глаза, и тогда начинается слѣдующая въ высшей степени драматическая сцена, о которой присутствовавшій при этомъ извѣстный писатель Кларети, пришедшій съ тѣмъ, чтобы собирать матеріалъ для своего романа «Жанъ Морна», выразился, что ему еще ни въ какомъ театрѣ не случалось видѣть лучшей драмы.

Насъ было въ лабораторіи семь или восемь человѣкъ, всѣ хорошо знакомые W.... Какъ только она проснулась, она начала прохаживаться по комнатѣ, подходя то къ тому, то къ другому изъ насъ, слѣдуя своимъ симпатіямъ, заговаривая съ каждымъ. При видѣ Кларети, она вспоминаетъ, что она уже его видѣла въ «концертѣ помѣшанныхъ», и проситъ его выразить еще разъ господамъ Кларети ея благодарность за любезность, съ которою та подарила ей въ вечеръ концерта букетъ. Она обнаруживаетъ интересъ къ медико-фотографическимъ опытамъ, которыя дѣлались въ лабораторіи, и ничто въ ней не показываетъ, что она занята внушенной ей идеей. Окружающими начинается овладѣвать извѣстное безпокойство: удаст-

ся-ли внушеніе, несмотря на первоначальное сопротивленіе, которое оказало W...?

Но она ничего не забываетъ. Черезъ нѣсколько минутъ по пробужденіи она съ самымъ непринужденнымъ видомъ подходитъ къ господину G. «Господи, какъ тутъ жарко!» — говоритъ она ему. «Неужели-же вамъ совсѣмъ пить не хочется? я почти умираю отъ жажды: вамъ, должно быть, также очень пить хочется. Господинъ L., нѣтъ-ли у васъ еще нѣсколькихъ бутылокъ пива? Дайте мнѣ, пожалуйста, одну!» — «Но это совершенно лишнее», говоритъ G: «я увѣряю васъ, мнѣ вовсе не хочется пить». — «При этой жарѣ, это невозможно; впрочемъ, нѣсколько минутъ тому назадъ господинъ L. предложилъ мнѣ пива и вотъ еще полный стаканъ (говоря это, она беретъ стаканъ, въ который мы, по ея мнѣнію, всыпали ядъ), берите его, пожалуйста, изъ моихъ рукъ и пейте.» — «Благодарю васъ, мнѣ не хочется пить; но если вы ужъ такъ желаете, что-бы я пилъ, то извольте, только съ тѣмъ условіемъ, что вы меня за это поцѣлуете.» При этомъ предложеніи W. дѣлаетъ жестъ ужаса: ей приходится цѣловать человѣка, котораго она хочетъ отравить. Но тѣмъ не менѣе она не можетъ ему отказать въ этомъ поцѣлуѣ: она принесла бы какую угодно жертву, лишь-бы исполнить роковое внушеніе. Мы твердо убѣждены, что она продала-бы себя, если-бы исполненіе усвоеннаго внушенія стало возможнымъ только этой цѣной. «Вы требуете многого» — говоритъ она: «но... вотъ вамъ (она цѣлуетъ его). Пейте-же теперь, развѣ вы боитесь, что въ пивѣ можетъ заключаться что нибудь вредное? Смотрите, я сама пью изъ этого стакана. (Она притворяется пьющей, но на самомъ дѣлѣ обращаетъ тщательное вниманіе, чтобы не проглотить какъ нибудь капли жидкости). «Вы мнѣ

дали поцѣлуй, я пью изъ вашего стакана, мы такимъ образомъ расквитались».

Говоря это, G. медленно выпиваетъ свой стаканъ, смотря все время упорно на W.... Ея лицо покрывается страшной блѣдностью. G. выпилъ пиво и остается тѣмъ не менѣе въ живыхъ. Исполненіе внушенія, значить, не вполне удалось. Что дѣлать? Мы опасаемся припадка истерики. Но G. закрываетъ глаза и падаетъ на полъ. «Теперь онъ готовъ», — чуть слышно шепчетъ W....

Мы все хлопочемъ вокругъ G., котораго быстро переносятъ въ сосѣднюю комнату, затѣмъ мы возвращаемся обратно въ лабораторію. W. очевидно взволнована. «Какое несчастіе!» — говорятъ окружающіе — «Бѣдный молодой человѣкъ! Еще такъ молодъ! умереть въ такихъ лѣтахъ! и пр. Онъ вѣроятно былъ разгоряченъ и пиво было очень холодное, а можетъ быть это былъ апоплексическій ударъ!» — «Но,» говоритъ одинъ изъ насъ: «въ пивѣ, можетъ быть, заключался ядъ? У G. много враговъ, кто знаетъ? Что вы думаете объ этомъ, m-lle W...?» — «Я? Ничего!» — «Впрочемъ господа, говоритъ одинъ изъ присутствующихъ: вотъ какъ разъ приходитъ господинъ F., слѣдственный судья (случайно въ комнату входитъ человѣкъ, котораго W... еще никогда не видала), онъ нашъ другъ, попросимъ его изслѣдовать этотъ случай. Пусть никто не выходитъ изъ комнаты!»

Господинъ F. по очереди допрашиваетъ каждого изъ присутствующихъ и записываетъ ихъ показанія. Очередь доходить до W... «Сударыня, вы конечно не замѣшаны въ эту несчастную исторію, но нѣтъ-ли у васъ какихъ нибудь подозрѣній? Не думаете-ли вы, напримѣръ, что въ стаканѣ былъ ядъ?» — «Я васъ могу увѣрить въ противномъ, господинъ F.», отвѣчаетъ она: «доказательство на лицо: господинъ G. поцѣ-

ловаль меня, я позволила себѣ отпить изъ его стакана, и вы видите, что мнѣ это нисколько не повредило» *).

Этотъ опытъ интересенъ въ многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, мы видимъ, съ какой легкостью загипнотизированная дѣвушка усваиваетъ представленія своего гипнотизера. M-lle W... видитъ себя перенесенной въ мгновеніе ока то изъ Salpêtrière въ Булонскій лѣсъ, то обратно. Невѣроятность такого перемѣщенія не смущаетъ ее.

По желанію гипнотизера она видитъ себя среди цвѣтовъ и зелени, вдыхаетъ полной грудью запахъ полей и пьетъ съ наслажденіемъ простую воду, принимая ее за лимонадъ.

Далѣе, этотъ опытъ можетъ служить подтвержденіемъ сдѣланнаго нами замѣчанія, что гипнотизированные, получившіе извѣстное внушеніе, не нуждаются въ точныхъ предписаніяхъ, а по пробужденіи сами выбираютъ средства для реализаціи внушенія. Такъ, M-lle W... угощаетъ назначенную ей жертву пивомъ, мотивируя свою любезность страшной жарой, и когда G. отказывается отъ угощенія, она принимается его уговаривать и даже пускается на хитрости для достиженія своей цѣли. Дѣлая видъ, что она пробуетъ пиво, она уже готовитъ себѣ опору для защиты на тотъ случай, если-бы возникли какія нибудь подозрѣнія. Само собою разумѣется, что не всѣ гипнотизированные одинаково искусно преслѣдуютъ свои цѣли. Понятно, что чѣмъ лицо, получившее внушеніе, одареннѣе, способнѣе на хитрости, тѣмъ легче удастся исполненіе внушенія. Мы выше уже упомянули о томъ, что при исполненіи внушенія гипнотики вполне сохраняютъ свою индивидуальность и отражаютъ ее въ своихъ дѣйствіяхъ, манерахъ и словахъ. Неспособный на хитрости, конечно,

*) Gilles de la Tourette „L'hypnotisme et les états analogues etc“, стр. 132.

не будетъ умѣть скрывать преступленія. Такъ въ одномъ опытѣ отравленія съ помощью гипнотизма, устроенномъ Ліежуа, за-гипнотизированная дѣвушка, дающая своей мнимой жертвѣ мышьякъ, на сдѣланный ей вопросъ о содержаніи стакана, самымъ наивнымъ образомъ отвѣчаетъ, что въ стаканѣ содержится ядъ. Такимъ лицамъ приходится, конечно, дѣлать болѣе подробныя внушенія. Правда, что такіе лица легко навлекутъ на себя подозрѣнія и попадутъ въ руки правосудія, но они также легко попались-бы, если-бы они совершали свои преступленія изъ-за личныхъ побужденій, такъ что правосудію и въ томъ случаѣ, когда внушеніе исполняется очень наивными лицами, не легко будетъ открыть гипнотическое происхожденіе преступленія, если только внушеніе сдѣлано съ необходимыми предосторожностями.

Не мало также препятствуетъ открытію гипнотизаторскаго авторства преступленія поведеніе гипнотизированныхъ послѣ реализаціи внушенія. Въ цитированномъ нами опытѣ M-Ne W... совершенно отрицаетъ свое участіе въ преступленіи и дѣлаетъ это довольно искусно. Она была настолько хитра, что притворилась пьющей пиво, въ которомъ, по ея мнѣнію, былъ ядъ. Этимъ она, во первыхъ, думала склонить свою жертву къ принятію наитка, во вторыхъ, она хотѣла отклонить всякое подозрѣніе о связи внезапной смерти G. съ выпитымъ пивомъ.

Однако въ большинствѣ случаевъ лица, исполняющія гипнотическое внушеніе, сознаются въ совершенномъ поступкѣ. При этомъ замѣчательно, что при допросѣ они стараются дать разумное объясненіе своему преступленію. Вообще говоря, воспоминаніе обо всемъ совершившемся во время гипнотическаго сна, исчезаетъ по пробужденіи, и лицо, находившееся въ гипнозѣ и усвоившее себѣ внушеніе, само не въ состояніи объяснить себѣ послѣ исполненія внушенія, для чего оно

совершило этотъ поступокъ. Но вслѣдствіе врожденнаго человѣческому разуму стремленія искать причинъ интересующихъ его явленій, бывшій въ гипнозѣ ищетъ всегда объясненія своему поступку, и прибѣгаетъ при этомъ иногда къ чрезвычайно странной мотивировкѣ. Вѣроятность и разумность приводимыхъ мотивовъ зависятъ, впрочемъ, опять-таки отъ того, насколько человѣкъ, выполняющій внушенія, одаренъ силой воображенія и способностью мышленія. Бине и Фере дѣлаютъ слѣдующее сообщеніе объ одномъ любопытномъ опытѣ: «Мы сообщаемъ съ господиномъ В., который сегодня въ первый разъ пришелъ въ Salpêtrière, устраиваемъ гипнотическіе опыты надъ нѣкой С., истерической больной изъ отдѣленія Шарко, страдающей также падучей болѣзью. Больная находится въ состояніи искусственнаго сомнамбулизма. Я приказываю ей пронзить, по пробужденіи, господина В. картонной полоской, которую я ей даю въ руки и которая должна играть роль кинжала. Непосредственно по пробужденіи она бросается на свою жертву и попадаетъ своимъ фиктивнымъ кинжаломъ прямо въ сердце. В. притворяется смертельно раненымъ. Тогда я спрашиваю больную, для чего она убила этого человѣка. Одно мгновеніе она пристально смотритъ на свою жертву, затѣмъ она отвѣчаетъ: «Эта старая свинья приставала ко мнѣ съ разными гадостями».

Бине и Фере стараются объяснить этотъ отвѣтъ слѣдующимъ образомъ: «Больная по совершеніи преступленія ждетъ одно мгновеніе, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ о своихъ побужденіяхъ къ преступленію. Она не находитъ въ своемъ сознаніи требуемаго отвѣта, и старается присматриваться къ внѣшнему виду своей жертвы, чтобы найти какія нибудь представленія объ этомъ человѣкѣ. И даже не обладая большимъ даромъ наблюдательности, она легко замѣчаетъ нѣсколько насмѣшливое выраженіе на лицѣ В. Отвѣтъ теперь найденъ:

этотъ человѣкъ, лежащій на полу, не билъ ее, не обокралъ, и т. д., но его видъ его выдаетъ: другой причины къ убійству у нея не было, а безъ причины она не совершала-бы убійства, стало быть В. имѣлъ относительно нея нечистыя намѣренія » *).

Въ этомъ опытѣ мотивъ еще довольно удачно выбранъ. Но это конечно не всегда бываетъ такъ. Gilles de la Tourette сообщаетъ слѣдующій опытъ: «Н..., которую мы часто гипнотизируемъ, имѣла маленькое столкновеніе съ однимъ изъ нашихъ друзей, В., ассистентомъ клиники. Послѣ того, какъ Н. приведена въ состояніе сомнамбулизма, мы ей говоримъ: «Вы знаете господина В?» — «Да, конечно». — «Это славный молодой человѣкъ, не правда ли?» — «О, нѣтъ! Онъ не хочетъ давать мнѣ пилюли и вообще обращается со мной нехорошо». — «О, если такъ, то мы его устранимъ: на его мѣсто назначать другого ассистента, который навѣрно станетъ съ вами лучше обращаться». — «Я была-бы очень довольна». — «Но вы должны сами объ этомъ позаботиться; вотъ вамъ пистолетъ (мы даемъ ей въ руки линейку), когда вы проснетесь, вы имъ застрѣлите господина В., онъ сейчасъ долженъ сюда явиться; ожидайте его». Въ эту минуту входитъ нашъ другъ В., заранѣе приготовленный къ встрѣчѣ, которая его ожидаетъ. Н. даетъ ему подойти очень близко, и затѣмъ самымъ хладнокровнымъ образомъ стрѣляетъ въ упоръ. В. падаетъ на полъ съ крикомъ: «Я убитъ»! — «Какъ! — говоримъ мы, обращаясь къ Н.: вы убили В., что васъ побудило совершить такое преступленіе»? — «Господинъ В. плохо со мной обращался, я отомстила за себя». — «Но вѣдь за это не убиваютъ людей»! — «Вы думаете? что-же дѣлать!.. Къ тому-же у меня были и другія

*) Lilienthal: Hypnotismus u. das Strafrecht, стр. 41.

причины: однимъ словомъ, онъ долженъ былъ умереть отъ моей руки» *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гипнотизированные вообще не въ состояніи приводить мотивовъ своихъ поступковъ. На всѣ вопросы о причинахъ, побудившихъ ихъ совершить преступленіе, они отвѣчаютъ: «я не могъ поступить иначе, я долженъ былъ это сдѣлать».

Внушенія могутъ быть выполнены или еще въ продолженіи гипнотическаго сна, или непосредственно по пробужденіи, или же въ нормальномъ состояніи чрезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ усвоенія внушенія, иногда даже довольно продолжительный.

Гипнотизеръ, толкающій гипнотизированнаго на преступленіе, врядъ ли заставитъ его совершить это преступленіе, въ гипнотическомъ состояніи. Видъ человѣка, погруженнаго въ гипнотическій сонъ, настолько характеренъ, что при существованіи какихъ-нибудь свидѣтелей, видѣвшихъ этого человѣка при совершеніи преступленія или непосредственно послѣ этого, можетъ легко обнаружиться гипнотическое начало этого преступленія, а это можетъ повести къ возникновенію подозрѣній противъ гипнотизера. По той же причинѣ рѣдки будутъ случаи исполненія преступныхъ внушеній непосредственно по пробужденіи. Въ большинствѣ случаевъ промежутокъ времени между усвоеніемъ и реализаціей внушенія будетъ довольно значительный. Съ какой точностью можетъ быть заранее назначено время исполненія внушенія, показываютъ слѣдующіе опыты, сдѣланные Бернгеймомъ, Бонисомъ, Ліежуа и другими:

«Я говорю госпожѣ Г., что ровно черезъ 5 дней во время

*) Gilles de la Tourette: L'hypnotisme etc., стр. 129.

визита врача у ней будетъ болѣть голова, и дѣйствительно въ указанное время у нея наступаютъ головныя боли. Въ другой разъ я ей говорю: «въ ночь съ четверга на пятницу вы увидите, что въ комнату войдетъ сидѣлка и выльетъ вамъ на ноги ведро воды». Въ слѣдующую пятницу во время осмотра больныхъ. Г. мнѣ жалуется, что въ прошлую ночь сидѣлка ей вылила на ноги ведро воды. Я призываю сидѣлку, и та, конечно, отрицаетъ все. Сестра милосердія объ этомъ тоже ничего не знаетъ. Я говорю больной: «Вамъ, вѣроятно, все это приснилось, Марія вамъ ничего не сдѣлала, вы вѣдь знаете, что я вамъ часто внушаю сны». Но больная не допускаетъ мысли, что ей это могло присниться. Она это видѣла, своими собственными глазами видѣла и почувствовала, какъ она стала вся мокрая *).

Бернгеймъ приводитъ примѣры внушеній еще на болѣе долгій срокъ:

«Въ субботу 22 декабря 1883 года, я, загипнотизировавъ госпожу Г., говорю ей: «Въ среду черезъ три недѣли, ровно черезъ 25 дней, когда я, осматривая больныхъ, буду проходить мимо вашей кровати, вы увидите рядомъ со мною моего коллегу, господина V. P. Онъ васъ станетъ спрашивать о вашемъ здоровьѣ, вы ему подробно расскажете о вашей болѣзни и вообще будете разговаривать съ нимъ о различныхъ интересующихъ васъ предметахъ. При вашемъ пробужденіи вы забудете все сказанное мною». Послѣ того я никогда не намекаю въ ея присутствіи на сдѣланное внушеніе, о которомъ я даже не рассказалъ никому изъ моихъ учениковъ. Между тѣмъ больную неоднократно гипнотизировали, ей давали различныя внушенія, которыя она и выполняла, ее фотографировали въ

*) Bernheim: „De la suggestion et ses applications“, стр. 46 и слѣдующія.

различныхъ гипнотическихъ положеніяхъ. Въ среду 15 января, дѣлая утренній осмотръ больныхъ, я, по обыкновенію, остановился возлѣ ея кровати, стараясь не возбуждать ничѣмъ ея особеннаго вниманія. Она начинаетъ смотрѣть влѣво и вдругъ почтительно кланяется: «Ахъ, господинъ V. P.»! Она ждетъ молча нѣсколько мгновеній, затѣмъ отвѣчаетъ на воображаемый вопросъ: «Мнѣ теперь гораздо лучше, я уже не чувствую боли. Къ сожалѣнію моя нога остается вывихнутой и я не могу обойтись безъ аппарата». Затѣмъ, она прислушивается къ словамъ воображаемаго посѣтителя и отвѣчаетъ снова: «Я вамъ очень благодарна. Вы знаете, что я была кормилицей у вашего коллеги, господина В. Если-бы вы могли дать мнѣ рекомендацію къ нему, то я съ его помощью, можетъ быть, получила-бы пріютъ въ какой-нибудь больницѣ». Она опять прислушивается, затѣмъ благодаритъ, кланяется и слѣдуетъ своимъ взоромъ за призракомъ моего коллеги до самой двери. «Развѣ вы знали», говорю я ей: «что господинъ V. P. сегодня придетъ къ вамъ»? Она отрицаетъ это самымъ рѣшительнымъ образомъ и увѣряетъ, что она ничего не знала и не имѣла никакого предчувствія относительно этого посѣщенія.

Это внушеніе было исполнено такимъ образомъ 25 дней послѣ усвоенія. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи примѣры еще значительно болѣе долгаго срока, послѣ котораго внушеніе было исполнено. Приводя еще нѣсколько такихъ примѣровъ, Бернгеймъ говоритъ: «Какъ ни странны и необъяснимы эти явленія внушеній на долгій срокъ, которыя должны наступать въ извѣстное, заранее назначенное мгновеніе и которыя мозгъ приготовляетъ или разрабатываетъ помимо сознанія человека, я однако не колебался обобщить мои относящіяся сюда наблюденія. Я, можетъ быть, не рѣшался бы этого сдѣлать, если-бы дѣло касалось единичныхъ явленій,

но я такъ часто вызывалъ эти явленія у гипнотизированныхъ, что въ дѣйствительности факта не можетъ быть сомнѣній. Объясненіе относится, конечно, къ области психологіи».

Мы увидимъ позже, что всѣ ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, сдѣлали аналогичныя наблюденія.

При изслѣдованіи этихъ явленій съ точки зрѣнія юриста, возникаетъ прежде всего вопросъ, насколько велико вліяніе гипнотизера на гипнотизированнаго, съ какой силой это вліяніе дѣйствуетъ, можетъ-ли оно преодолѣть всякое сопротивленіе, исходящее отъ индивидуальности загипнотизированнаго? Юридическая важность этихъ вопросовъ очевидна. Чѣмъ значительнѣе вліяніе гипнотизера и чѣмъ слабѣе гипнотизированный въ своемъ стремленіи сопротивляться внушенію, тѣмъ ничтожнѣе должна быть отвѣтственность послѣдняго за поступки, совершенныя въ гипнозѣ, тѣмъ яснѣе, что эта отвѣтственность цѣликомъ должна пасть на гипнотизера.

По этому пункту, какъ, впрочемъ, по большинству вопросовъ, касающихся гипнотизма, мнѣнія наблюдателей расходятся. Одни думаютъ, что гипнотизированные какъ въ гипнозѣ, такъ и по пробужденіи выполняютъ только тѣ внушенія, которыя имъ пріятны или безразличны, что въ производящихся въ лабораторіяхъ опытахъ они исполняютъ все внушенное имъ главнымъ образомъ изъ желанія угодить экспериментаторамъ, что они совершаютъ убійства, отравленія, кражи и т. д., хорошо зная всю фиктивность этихъ преступленій, и что они никогда не стали-бы совершать дѣйствительнаго преступленія подъ исключительнымъ вліяніемъ гипнотического внушенія. Другіе наблюдатели, напротивъ, увѣряютъ, что сдѣланное надлежащимъ образомъ внушеніе должно быть реализовано (если только получившій внушеніе поддается гипнозу) съ такой-же необходимостью, съ какой камень, брошенный въ воду, идетъ

го дну. Они увѣряютъ, что гипнотизированный выполнить внушенное ему преступленіе гораздо вѣрнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ самый закаленный преступникъ, такъ какъ первый не можетъ чувствовать ни страха, ни колебаній, ни угрызений совѣсти. Съ того момента, какъ онъ усвоилъ внушеніе, вплоть до реализаціи послѣдняго, онъ перестаетъ принадлежать себѣ по отношенію къ внушенному поступку, онъ машина, которая подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ необходимо должна выполнять извѣстныя предписанныя ей движенія.

Интересно сопоставить доводы и наблюденія противниковъ. Liégeois, придерживающійся того мнѣнія, что автоматизмъ гипнотизированнаго абсолютенъ, говоритъ слѣдующее *).

«Кто не былъ свидѣтелемъ выполняемаго внушенія, тотъ не можетъ имѣть и приблизительнаго понятія о томъ, насколько абсолютенъ автоматизмъ гипнотика и до какой степени доходить безсознательность и послушаніе субъекта. Недавно молодая дѣвушка, согласившаяся участвовать въ присутствіи своей матери въ моихъ опытахъ, сказала мнѣ вдругъ: «Я чувствую, что если-бы вы мнѣ приказали броситься изъ окна, я была-бы вынуждена повиноваться вамъ».

Liébault внушилъ гипнотизированной, что она находится передъ судомъ, и она начала дѣлать признанія во всей формѣ. Къ счастью, она не сказала ничего компрометирующаго. Не то однако было въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ.

«Brière de Boismont рассказываетъ про одну даму, что она, погруженная профессоромъ Бланденомъ въ сомнамбулистическое состояніе и допрошенная съ слишкомъ большимъ любопытствомъ, кончила тѣмъ, что, сильно покраснѣвши, послѣ нѣкотораго колебанія сказала: «Господи, я люблю М....»!

*) „De la suggestion etc.“, стр. 54.

Испуганный врачъ не далъ ей докончить, онъ разбудилъ ее какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда одинъ изъ родственниковъ молодой женщины подошелъ справиться, удался-ли опытъ».

Demarquay и Giraud-Teulon сообщаютъ аналогичный случай. Гипнотизированная ими дама, стала отвѣчать на ихъ вопросы такими важными, въ высшей степени опасными для нея сообщеніями, что они поспѣшили ее разбудить».

«Итакъ, заключаетъ Liégeois, автоматизмъ абсолютенъ. Я не думаю, чтобы можно было найти болѣе рѣшающее доказательство, чѣмъ примѣры этихъ женщинъ, открывающихъ во время гипнотическаго сна самыя сокровенныя тайны своего сердца или событія изъ своей обыденной жизни, обнаруженіе которыхъ можетъ сопровождаться для нихъ самыми печальными послѣдствіями».

Beaunis думаетъ, что если гипнотизированные иногда и оказываютъ сопротивленіе, выражающееся въ отказѣ отвѣчать на заданные вопросы, то они за то никогда не даютъ гипнотизеру ложныхъ отвѣтовъ. Исключеніе онъ допускаетъ развѣ для очень порочныхъ лицъ. Сопротивленіе однако, по его мнѣнію, не можетъ быть значительно. «Въ сущности, говоритъ онъ, автоматизмъ абсолютенъ; гипнотизированному оставляется лишь столько воли и самостоятельности, сколько это угодно гипнотизеру. Тутъ по истинѣ оправдывается метафорическое сравненіе, по которому гипнотизированный подобенъ посоху въ рукѣ странника» *). Мы увидимъ однако, что такое мнѣніе стоитъ въ противорѣчій съ собственными наблюденіями Бониса.

Gilles de la Tourette приводитъ слѣдующій фактъ, стоящій въ противорѣчій съ сообщеніями Liégeois о безусловной откровенности и правдивости гипнотизированныхъ.

*) Beaunis: Somnambulisme provoqué, стр. 191.

«Мы осведомлены, что С. прежде получала письма от одного шарлатана, съ которымъ она заключила договоръ относительно гипнотическихъ представлений, которыя они должны были вмѣстѣ давать заграницѣй, мы знаемъ, что она получила известную сумму въ видѣ задатка и что она затѣмъ скрылась въ моментъ, назначенный для отъѣзда. Мы погружаемъ ее въ гипнотическій сонъ и допрашиваемъ ее относительно подробностей этой исторіи. Она отвѣчаетъ уклончиво, и затѣмъ, когда мы пристаемъ къ ней съ вопросами, она совершенно умолкаетъ и никакія приказанія не выводятъ ея изъ этого молчанія. Или-же она самымъ безстыднымъ образомъ лжетъ, увѣряя, что никогда ничего подобнаго не было. Лучшимъ доказательствомъ того, что ея индивидуальность остается живой до известной степени, служитъ то обстоятельство, что во время другой гипнотизаціи, когда она болѣе расположена къ довѣрчивымъ сообщеніямъ, она не отказывается рассказать намъ эпизоды изъ этой исторіи, которая стала намъ известной другими путями. Интересно все то, что она въ нормальномъ состояніи намъ рассказывала эти эпизоды и показывала относящіеся сюда письма, тогда какъ мы во время гипнотическаго сна ни разу не могли добиться отъ нея такихъ обстоятельныхъ сообщеній *).

Примѣромъ сопротивленія, которое загипнотизированные иногда въ состояніи оказать, можетъ служить слѣдующій опытъ бордоскаго профессора Питра:

«Однажды я приказалъ одной изъ нашихъ больныхъ, находившейся въ гипнотическомъ снѣ, поцѣловать, непосредственно по ея пробужденіи, одного студента, господина Х. Проснувшись, она приближается къ указанному студенту и беретъ его за руку. Затѣмъ она начинаетъ колебаться, осматривается, и

*) «L'hypnotisme etc», стр. 137.

кажется, неприятно поражена вниманіемъ, съ которымъ всѣ присутствующіе ее оглядываютъ. Нѣсколько мгновений она остается въ этомъ положеніи, съ смущеннымъ видомъ, находясь очевидно въ сильномъ волненіи. Осыпанная вопросами, она, краснѣя, сознается, что она возымѣла желаніе поцѣловать господина X., но что она никогда не рѣшится на такую неприличную выходку.

Другой примѣръ еще характернѣе указываетъ на возможность сопротивленія внушенію. «Я усыпляю больную Э. и, положивъ предварительно на столъ монету, я говорю ей: «Когда вы проснетесь, вы должны взять со стола эту монету, которую здѣсь кто-то забылъ. Никто этого не увидитъ, вы спрячьте монету въ карманъ. Это маленькое воровство, которое для васъ никакихъ неприятныхъ послѣдствій имѣть не можетъ». Послѣ этого я бужу больную. Она подходитъ къ столу, отыскиваетъ монету и прячетъ ее медленно въ карманъ. Но вслѣдъ затѣмъ она вынимаетъ монету изъ кармана и передаетъ ее мнѣ, говоря, что эта монета ей не принадлежитъ и что нужно отыскать человѣка, забывшаго эти деньги. «Я не хочу ихъ оставить у себя», говоритъ она: «это было-бы воровствомъ, а я не воровка» *).

Различіе въ мнѣніяхъ наблюдателей объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что наблюденія были произведены въ одномъ случаѣ надъ субъектами съ менѣе самостоятельнымъ характеромъ и болѣе подверженными вліянію гипнотическихъ внушеній, въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, надъ субъектами съ болѣе самостоятельнымъ характеромъ и менѣе подверженными внушенію. Въ такой области, гдѣ всѣ явленія зависятъ отъ психическихъ особенностей испытуемаго субъекта, нѣтъ возмож-

*) Цитировано у Lilienthal: „Hypnotismus und Strafrecht“ стр. 45.

ности устанавливать общіе, приложимые ко всѣмъ случаямъ законы. Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ гипнотизированныхъ стремленіе къ реализаціи внушенія необыкновенно сильно. Съ нѣкоторыми, при неудавшемся исполненіи внушенія случаются истерическіе припадки. Gilles de la Tourette сообщаетъ слѣдующій случай изъ практики профессора Питра въ Бордо:

«Паулина Ф., 18-ти лѣтъ, истеричная, легко гипнотизируемая дѣвушка, находилась для лѣченія въ моемъ отдѣленіи отъ 30 октября 1884-го года до 27-го августа 1885-го года.

«Въ первыхъ числахъ декабря 1884-го года какое-то неизвѣстное лицо загипнотизировало Паулину и внушило ей отправиться въ 4 часа послѣ обѣда того-же дня къ священнику нашего заведенія и поцѣловать его. Кромѣ того ей было внушено держать въ строжайшемъ секретѣ имя гипнотизера.

«Впродолженіе остального утренняго и послѣ-обѣденнаго времени, больная держала себя очень спокойно. Въ четыре часа она внезапно поднялась, вылѣзла изъ своей кровати и поспѣшными шагами направилась къ двери. Дежурная сестра милосердія спросила ее, куда она хочетъ идти. «Я иду къ аббату Х.», отвѣтила она: «я хочу поцѣловать его». Всѣ подумали, что она сошла съ ума, и не дали ей выйти изъ залы. За этимъ послѣдовала сцена, не поддающаяся описанію. Паулина дѣлала отчаянныя попытки вырваться, такъ что были вынуждены связать ее. Нѣсколько часовъ подрядъ продолжались страшные конвульсивные припадки, она издавала пронзительные крики и мѣшала спокойствію всѣхъ больныхъ. Тогда извѣстили дежурнаго врача, который сначала сдѣлалъ всевозможныя тщетныя попытки успокоить Паулину, пока наконецъ ему не пришло на мысль усыпить ее, чтобы положить гипнотическимъ внушеніемъ конецъ ея волненію. Во снѣ Па-

улина ему рассказала, что она утромъ получила такое-то внушеніе, не называя однако имени внушителя. Дежурный врачъ пожелалъ тогда уничтожить дѣйствіе перваго внушенія помощью новаго внушенія. Онъ попытался сначала приказать Паулинѣ забыть утреннее внушеніе; затѣмъ онъ хотѣлъ убѣдить ее, что онъ-то и есть аббатъ X. и что Паулина можетъ поцѣловать его, если ужъ ей это непременно хочется. Но ни одно изъ этихъ внушеній не было принято, и такъ какъ крики и конвульсивныя припадки начались снова, то больную пришлось погрузить въ летаргическое состояніе, и оставить ее такимъ образомъ до слѣдующаго утра. Когда на завтра больная была разбужена изъ своего летаргическаго сна, у нея сейчасъ-же появилось прежнее волненіе, конвульсивныя припадки и неодолимое желаніе поцѣловать аббата. Чтобы положить конецъ этому состоянію, нужно было отыскать виновнаго гипнотизера (которого, къ счастью, удалось найти послѣ долгаго слѣдствія, потому что Паулина, зная его хорошо по имени, положительно отказывалась назвать его), привести его въ залу и просить его взять обратно внушеніе, которое онъ съ такой неосторожностью далъ ей за день до этого.

«Нѣсколько дней спустя, 12-го января 1885-го года, съ Паулиной повторилось то-же приключеніе. Больная снова возымѣла желаніе поцѣловать священника заведенія. Погруженная въ гипнотическій сонъ, она рассказала, что по пути изъ ванной въ залу, въ углу подъ лѣстницей, она встрѣтила трехъ человѣкъ, сдѣлавшихъ ей это внушеніе. При этомъ они ей приказали, что-бы она никому не говорила, отъ кого она получила это внушеніе, и прибавили, что она будетъ страшно страдать, пока внушеніе не будетъ выполнено.

«13-го января волненіе Паулины было настолько велико,

что я, не находя пути къ отысканію авторовъ внушенія, рѣшился отправиться къ священнику, разъяснить ему въ чемъ дѣло и попросить его позволить Паулинѣ поцѣловать себя. Когда это было сдѣлано, возбужденіе больной тотчасъ исчезло» *).

Интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій опытъ сообщенный также Питромъ: «Мы говоримъ С., находящейся въ гипнозѣ: «Когда вы проснетесь, вы возьмете чернильницу, стоящую на столѣ, отнесете ее въ уголъ лабораторіи и поставите тамъ на полъ». Внушеніе усвоено безъ сопротивленія. Тотчасъ по пробужденіи С. направляется къ столу, беретъ чернильницу и уноситъ ее въ уголъ лабораторіи. Мы стараемся въ это время не смотрѣть на нее, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, я ей говорю: «Дайте-ка мнѣ чернильницу, которую вы, Богъ знаетъ для чего, поставили туда въ уголъ»!—«Развѣ чернильница вамъ нужна?»—Ну конечно, мнѣ нужно писать, принесите-же ее скорѣй»!—«Нѣтъ, гораздо лучше, если чернильница тамъ будетъ стоять».—«Вотъ идея!»—«Ну да, у меня застряла въ головѣ эта мысль, вы можете одинъ разъ не противиться моему капризу».—«Но какъ-же я буду писать»?—«Я буду каждый разъ ходить въ уголъ, чтобы обмакнуть перо».—«Нѣтъ, что за сумашествіе! дайте-же мнѣ чернильницу!» Она слушается, медленно приноситъ чернильницу и... впадаетъ въ летаргію. Мы повторяли этотъ опытъ очень часто, и исходъ получался всегда одинаковый».

Подобныя-же наблюденія дѣлали Бине и Ферс. Нѣкоторые изъ ихъ больныхъ знаютъ, насколько велика власть гипнотизера надъ ними, и иногда старались эксплуатировать эту силу. Такъ напримѣръ, если кто нибудь изъ нихъ рѣ-

*) Gilles de la Tourette: „L'hypnotisme etc“ стр. 127.

шался сдѣлать что нибудь, но боялся, что у него въ рѣшительную минуту не хватитъ смѣлости для исполненія, то онъ обыкновенно просилъ кого нибудь изъ своихъ товарищей, что-бы тотъ его усыпилъ и внушилъ ему этотъ поступокъ.

Но какъ не велика въ извѣстныхъ случаяхъ сила гипнотическаго внушенія, она не можетъ быть безконечной. Сила внушенія, какъ и всякая сила, имѣетъ опредѣленную величину, за границей которой она можетъ быть преодоленна сопротивленіемъ, оказываемымъ со стороны гипнотизируемаго. Фактъ сопротивленія, оказываемаго во многихъ случаяхъ гипнотиками, не подлежитъ сомнѣнію. Главнымъ образомъ сопротивленіе оказывается по отношенію къ внушеніямъ, непріятнымъ для гипнотиковъ или почему либо нежелательнымъ для нихъ, напр., внушеніямъ, находящимся по своему содержанію въ рѣзкомъ противорѣчій съ ихъ характеромъ, привычками, убѣжденіями или не отвѣчающимъ ихъ этическимъ представленіямъ, вообще почему либо встрѣчающимъ въ сознаніи гипнотизируемаго противодѣйствіе вслѣдствіе несогласія внушаемаго поступка съ обычными нравственными понятіями. Напримѣръ весьма трудно превозмочь чувство стыдливости у женщины и заставить ее раздѣваться въ присутствіи мужчинъ. Если въ случаѣ отказа гипнотика исполнить внушеніе, гипнотизеръ станетъ настойчиво требовать исполненія, у субъекта въ такихъ случаяхъ вызывается истерическій припадокъ. Чтобы преодолѣть сопротивленіе гипнотизеръ прибѣгаетъ къ такому приему: онъ внушаетъ ему не самое дѣйствіе, а постепенно и послѣдовательно отдѣльные акты, которые въ совокупности даютъ то дѣйствіе, которое требуется внушить.

Интересно, что сопротивленіе можетъ быть преодолено посредствомъ внутренняго измѣненія личности субъекта, т. е. при превращеніи его въ другое лицо. Тогда онъ соглашается

исполнить то, отъ исполненія чего онъ раньше упорно отказывался, такъ какъ внушенное дѣйствіе, почему либо несогласное съ характеромъ прежней личности, является естественнымъ для новой личности. Одна больная Бернгейма отказывалась принимать пищу, не смотря на гипнотическое внушеніе, и согласилась ѣсть только тогда, когда Бернгеймъ ей внушилъ, что, она старая тетка больной и должна показать больной примѣръ хорошаго поведенія и аппетита.

Для преодоленія сопротивленія достаточно иногда увеличить силу внушенія, что, впрочемъ, возможно только до известнаго предѣла *). Хорошей иллюстраціей этому можетъ служить слѣдующее сообщеніе Бине и Фере. Одной женщинѣ было внушено во время гипнотическаго сна подписать вексель въ миллионъ франковъ. Она положительно отказалась это сдѣлать и, не смотря на всѣ усилія гипнотизера, внушеніе не было реализовано. Но когда при повтореніи внушенія вексельная сумма была значительно уменьшена, гипнотизированная безъ особеннаго колебанія согласилась подписать вексель. Сила внушенія была таже, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, но она могла сказаться лишь при уменьшеніи сопротивленія, которое въ данномъ случаѣ было пропорціонально суммѣ вексельной бумаги.

Аналогичный этому случай сообщаетъ Бонисъ **).

«М-ле А. Е. можетъ быть погружена въ гипнозъ простымъ приказаніемъ: «спите»! Разъ она усыплена, я ей говорю: «Слушайте хорошенько, что я вамъ скажу: когда вы проснетесь, вы отправитесь въ столовую, откроете нижнюю дверцу буфетнаго шкафа и возьмете изъ корзинки съ сереб-

*) Нужно принять во вниманіе, что и сопротивленіе можетъ быть увеличено только до известнаго предѣла.

**) Beaunis, „Somnambulisme provoqué“, стр. 192.

ромъ чайную ложечку. Взявши ее, вы испугаетесь сдѣланнаго и, боясь, чтобы у васъ не нашли ложку, вы ее всунете незамѣтно въ карманъ вашей подруги (ея подруга ш-ме Н. А. присутствуетъ при этомъ). Вы забудете, что я это вамъ внушилъ и когда васъ станутъ спрашивать относительно этого, вы ничего не будете знать». Затѣмъ я ее бужу. По истеченіи одной минуты, лицо ея начинаетъ выражать крайнюю тревогу. Она обводитъ насъ страннымъ взглядомъ, затѣмъ послѣ одной минуты колебанія она встаетъ и направляется легкимъ шагомъ въ столовую. Мы слышимъ, какъ она отворяетъ буфетный шкафъ, до насъ доходитъ стукъ серебряныхъ ложекъ и звукъ, какъ-бы отъ комканія бумаги. Наконецъ она возвращается въ комнату, гдѣ мы находились, вся красная и повидимому въ крайнемъ возбужденіи. «Что это ты тамъ дѣлала?» — спрашиваетъ ее М-ме Н. А. — «Я? ничего». И она продолжаетъ разговаривать съ нами въ самомъ естественномъ тонѣ. Мы выходимъ изъ комнаты и начинаемъ прохаживаться по саду. Видя, что вторая часть внушенія (подсовываніе краденной ложки подругѣ) не исполняется, я во время прогулки-же гипнотизирую ее и начинаю тогда допрашивать: «Что-вы сдѣлали только что»? Самымъ спокойнымъ тономъ, съ видомъ, который долженъ выразить, что она все ожидаетъ и на все готова, она отвѣчаетъ: «Я украла серебряную ложку». — «Но для чего вы это сдѣлали»? — «Я не знаю». — Знаете-ли вы, что это очень дурно»? — «Я не могла поступить иначе, это не моя вина, меня заставили». — «Что вы сдѣлали съ украденной ложкой»? — «Я спрятала ее въ мой свертокъ (ея бумажный свертокъ находился въ столовой)». — «Почему вы не положили ложки въ карманъ вашей подруги»? — «Я не хотѣла навлечь на нее подозрѣнія: я крада и на меня-же должна пасть вся отвѣтственность».

Гипнотизированная не устояла противъ внушенія украсть ложку, но когда дѣло коснулось болѣе тяжкаго преступленія, которымъ она могла повредить любимому человѣку, сила сопротивленія увеличилась на столько, что внушеніе не могло быть выполнено.

Д-ръ Данилло внушилъ гипнотикѣ незамѣтно вытащить платокъ изъ кармана одного изъ присутствующихъ. Проснувшись, субъектъ долго ходилъ за этимъ лицомъ по комнатѣ, очевидно не рѣшаясь совершить кражу; наконецъ онъ вынулъ собственный платокъ, вложилъ его украдкой въ карманъ указанного лица и затѣмъ такъ-же осторожно и воровски его вынулъ. Случай этотъ представляетъ образчикъ софистической придирки къ формѣ, въ которой было сдѣлано внушеніе, съ цѣлью помирить внушенное дѣйствіе съ нравственнымъ понятіемъ *).

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гипнотизированнымъ приходится переживать страшную душевную борьбу, внѣшнее выраженіе которой удачно обрисовано Бонисомъ. Рѣчь идетъ о повтореніи прежняго внушенія (кражи ложки), которое теперь должно быть реализовано присутствовавшей при первомъ опытѣ т-ме Н. А.

«Мы присутствуемъ при чрезвычайно любопытной сценѣ, при внутренней борьбѣ, совершающейся въ ея сознаніи. На ея чрезвычайно выразительномъ и подвижномъ лицѣ отражаются всѣ фазы этой отчаянной борьбы между ея волей и властью сдѣланнаго внушенія; въ ея черныхъ глазахъ рисуется эта сосредоточенность всего ея существа на одной мысли, на мысли о кражѣ, засѣвшей въ ея мозгу; лицо ея принимаетъ выраженіе мрачной рѣшимости. Художнику, кото-

*) Цитировано у д-ра Янушкевича, Реальная Энциклопедія.

рый пожелалъ-бы передать на полотно черты Макбета, достаточно было-бы рабски скопировать стоявшую передъ нашими глазами модель. Очевидно, что въ ней происходитъ ожесточенная борьба между добромъ и зломъ, но эта борьба длится не долго: по рѣшительному, нѣсколько дикому выраженію, которое приняло ея лицо, видно, что она рѣшилась. Она подходитъ къ окну, останавливается тамъ на одну минуту, затѣмъ подходитъ къ шкафу, беретъ оттуда ложку и всовываетъ въ карманъ. Въ то-же мгновеніе всякій слѣдъ внутренней борьбы исчезаетъ съ ея лица» *).

Гипнотизированные, получившіе непріятное для нихъ внушеніе, прибѣгаютъ иногда къ особымъ средствамъ для того чтобы избавиться отъ необходимости реализовать это внушеніе. Такъ у Питра одинъ больной, находившійся въ такомъ положеніи, объявилъ, что онъ не проснется, пока непріятное для него внушеніе не будетъ взято обратно. И дѣйствительно, этого больного никакими способами не удавалось разбудить отъ гипнотическаго сна, если поставленное имъ условіе не было выполнено. Позже гипнотизеры однако нашли способъ уничтожить и это сопротивленіе. Когда они имѣли основаніе опасаться, что больной станетъ прибѣгать къ своему средству, они будили его немедленно послѣ внушенія, не оставляя ему времени для выраженія сопротивленія. Другіе гипнотизированные впадаютъ въ летаргическій сонъ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ имъ нужно выполнить непріятное внушеніе. И это сопротивленіе можно также устранить, если гипнотизеръ немедленно по внушеніи прибавляетъ слова: «и я вамъ запрещаю заснуть». Нѣкоторые гипнотизированные получаютъ истерическіе припадки, если гипнотизеры настаиваютъ

*) Beaunis: „Somnambulisme provoqué“, стр. 195.

на исполненіи непріятныхъ для нихъ внушеній. Такъ Jilles de la Tourette сообщаетъ слѣдующій случай*): «Мы внушаемъ однажды W., что ей очень жарко. Она обтираетъ потъ съ лица и увѣряетъ, что жара, дѣйствительно, невыносимая. Тогда мы предлагаемъ ей идти съ нами купаться. «Какъ, съ вами»? восклицаетъ она. — «Почему-же нѣтъ, вы вѣдь знаете, что въ морѣ мужчины и женщины всегда купаются вмѣстѣ». Она не очень убѣждена, однако внушеніе дѣйствуетъ, и она уже начинаетъ раздѣвать корсажъ, но тотчасъ-же она падаетъ въ истерическій обморокъ, и мы должны, чтобы ей помочь, взять внушеніе обратно. Это дѣлается съ W. помимо ея воли».

По наблюденіямъ Бернгейма и Jilles de la Tourette сопротивление можетъ быть почти всегда уничтожено, если усыпить субъекта вторично и повторить тоже внушеніе болѣе энергично.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести заключеніе, что сопротивление, которое гипнотизированный въ состояніи оказать внушенію, не одинаково въ каждомъ случаѣ. Одни могутъ оказать значительное сопротивление, другіе ничтожное, третьи не въ состояніи оказать никакого сопротивленія. Однимъ это сопротивление не стоитъ никакихъ усилій, другимъ приходится для этого напрягать всю свою волю и всѣ свои способности. При преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены гипнотизированными, приходится, такимъ образомъ, каждый разъ изслѣдовать вопросъ, насколько *данный* гипнотизированный субъектъ въ состояніи сопротивляться гипнотическому внушенію. Общія правила тутъ не могутъ быть приложимы.

*) Gilles de la Tourette: L'hypnotisme, стр. 139.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію юридическаго значенія описанныхъ явленій, мы зададимъ себѣ вопросъ, какъ часто эти преступленія, совершающіяся въ лабораторіяхъ по мановенію экспериментатора, встрѣчаются въ дѣйствительной жизни? При этомъ окажется, что до сихъ поръ неизвѣстно ни одно преступленіе, которое было бы совершено подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, сдѣланнаго по всѣмъ правиламъ искусства. Можно допустить, что такое преступленіе до сихъ поръ и не было совершено. Это объясняется многими причинами. Во первыхъ, въ наше время знаніе гипнотическихъ явленій еще очень мало распространено въ публикѣ, во вторыхъ преступникъ, знакомый съ явленіями гипнотизма, который рѣшился бы воспользоваться своими знаніями для преступныхъ цѣлей, не всегда найдетъ подходящаго субъекта, легко усваивающаго и исполняющаго внушенія, въ третьихъ гипнотизмъ представляетъ, какъ мы увидимъ ниже, далеко не безопасное орудіе. Сомнительныхъ случаевъ, то есть такихъ, гдѣ участіе гипнотическаго внушенія (сдѣланнаго однако безъ знакомства съ гипнотическими явленіями) можно подозрѣвать, извѣстно довольно много. Такъ Бернгеймъ пытается объяснить гипнотизмомъ одно преступленіе, сильно заинтересовавшее въ свое время общественное мнѣніе во Франціи. Мы приведемъ соотвѣтственное мѣсто изъ сочиненія Бернгейма, какъ примѣръ такого сомнительнаго случая.

«Вотъ молодая дѣвушка, воспитанная въ лучшихъ принципахъ, которую всѣ единогласно признаютъ честной и благонаправной. Она выходитъ замужъ и первые годы супружества проходятъ очень счастливо: она оказывается преданной супругой и доброй матерью. Но вотъ одинъ молодой человѣкъ овладѣваетъ ея воображеніемъ; ея мужъ, которому борьба за

существованіе оставляетъ мало свободнаго времени, не обращаетъ на нее вниманія; она отдается этому молодому человѣку. Позже у мужа начинается бродить въ головѣ планъ мести противъ этого человѣка, который, обезчестивши сначала его жену, устраивалъ ему потомъ конкуренцію въ торговыхъ дѣлахъ, вслѣдствіе которой ему грозило раззореніе. Чтобы утолить свою месть, мужъ добился опять довѣрія своей жены и началъ ее убѣждать, что его конкурентъ является причиной всего ихъ несчастія, что его нужно убить и что только этимъ убійствомъ она можетъ достигъ нравственнаго возрожденія. Это внушеніе дѣйствуетъ на нее. Послушная жена, уступая угрозамъ, назначаетъ своему бывшему любовнику свиданіе и, подъ предлогомъ возобновить прежнія сношенія, она совершенно хладнокровно, безъ малѣйшаго волненія, приводитъ его къ мужу, который его убиваетъ. Она не чувствуетъ никакихъ сожалѣній, никакихъ угрызений совѣсти: она вовсе не подозреваетъ, что она совершила тяжкое преступленіе.

«Ничто въ ея прошедшей жизни не указывало на такое извращеніе нравственнаго чувства. Ея бывшая наставница говоритъ про нее на судѣ присяжныхъ, что она была самой послушной и наилучше воспитанной ученицей во всемъ пансіонѣ. Одинъ свидѣтель, надъ которымъ много смѣялись, потому что его не понимали, сказалъ про нее: «она мокрая курица: она повиновалась хорошему также легко, какъ и дурному». Въ переводѣ на психологическій языкъ эта фраза означаетъ: у нея очень воспріимчивый мозгъ, она послушна всякимъ внушеніямъ».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что существованіе опасности злоумышленнаго гипнотическаго внушенія, которое имѣло бы цѣлью заставить загипнотизированнаго совершить пре-

ступленіе, практикой прямо не доказано. Но возможность таких преступных внушеній стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ мы увидимъ ниже, число извѣстныхъ внушеній съ преступными цѣлями (направленными противъ гипнотизированныхъ-же) довольно значительно. Слѣдуетъ, поэтому, опасаться, что при неизбѣжномъ распространеніи знанія гипнотическихъ явленій и преступныя внушенія перваго рода (преступленія чрезъ посредство гипнотизированныхъ) могутъ перейти изъ области теоріи въ практику, изъ лабораторій въ дѣйствительную жизнь. Юриспруденція должна, такимъ образомъ, занять по отношенію къ этимъ преступленіямъ опредѣленное положеніе.

Понятіе гипноза, какъ научно обоснованнаго феномена — сравнительно недавняго происхожденія. Явленія гипноза еще не вышли изъ области лабораторныхъ экспериментовъ и не получили еще достаточно категорическаго и полнаго признанія въ качествѣ опредѣленнаго, прочно установленнаго психо-фізіологическаго *состоянія*. Поэтому ни въ одномъ изъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ не встрѣчаемъ прямого включенія гипнотическаго состоянія въ число состояній, устраняющихъ вѣняемость. Но общіе принципы, на которыхъ построены современныя понятія о преступленіи и наказаніи, о личности преступника, о значеніи наказанія, объ условіяхъ уголовной вѣняемости—безсомнѣнно распространяются и на состояніе гипноза основанія невѣняемости.

Преступленіе, какъ дѣяніе, имѣетъ своимъ источникомъ *познавательную и волевою* способности человека, и лишь по скольку въ преступномъ дѣяніи выразились обѣ эти способности, оно можетъ повлечь за собою уголовную отвѣтственность, т. е. воздѣйствіе на личность путемъ наказанія.

*) Bernheim: „De la suggestion etc.“, стр. 104.

Хотѣніе и познаніе, воля и умъ неразрывно между собою связаны и опредѣляютъ дѣятельность человѣка. Воля невозможна безъ познанія и познаніе невозможно безъ воли. Чтобы хотѣть или не хотѣть какой-нибудь предметъ или дѣйствіе, хотящее существо должно прежде всего познать этотъ предметъ, это дѣйствіе или отношеніе, воспринимать его и включить въ свое сознаніе. Но чтобы познать или понять какой-нибудь предметъ или отношеніе, необходимо прежде всего захотѣть его познать, захотѣть сдѣлать его предметомъ своего вниманія, выдѣлать его изъ круга другихъ предметовъ и отношеній, къ которымъ познавательная способность остается безразличной.

Будемъ-ли мы исходить изъ точки зрѣнія теоріи абсолютной свободы воли, по которой человѣку присуще *свободное хотѣніе*, т. е. способность выбирать между добромъ и зломъ, между дозволеннымъ и недозволеннымъ, или примемъ точку зрѣнія, отрицающую самоопредѣленіе, самопроизвольность воли и подчиняющую человѣческую волю законамъ причинности, сводя свободу воли лишь къ свободѣ *выбора* между мотивами, къ *рѣшимости* подчиниться тому или другому мотиву, — во всякомъ случаѣ для наличности вмѣненія необходима способность *свободнаго проявленія* воли, необходимо нормальное состояніе, въ которомъ субъектъ могъ бы свободно опредѣлить свое волевое отношеніе къ данному дѣйствію.

Въ состояніи, вызванномъ гипнотическимъ внушеніемъ, вполне отсутствуютъ познавательная и волевая способности. Вслѣдствіе особенностей этого состоянія гипнотики не сознаютъ совершаемаго, принимая чужія представленія за свои и не подвергая никакой оцѣнкѣ и критикѣ эти представленія. Они не имѣютъ самоопредѣляющей воли, такъ какъ не способны къ оцѣнкѣ мотивовъ и къ выбору изъ нихъ. Правда, въ мо-

ментъ реализаціи внушенія, усвоеннаго гипнотикомъ задолго до выполненія его, онъ находится, повидимому, въ нормальномъ состояніи. Всѣ поступки, совершаемые имъ въ промежутокъ времени между усвоеніемъ и исполненіемъ внушенія, отличаются, можетъ быть, цѣлесообразностью и служатъ проявленіемъ вполне разумной воли. Но по отношенію къ внушенному ему поступку—а мы только въ этомъ отношеніи его и рассматриваемъ—онъ является автоматомъ, не имѣющимъ вообще никакой воли, такъ какъ этотъ поступокъ есть выраженіе воли совершенно другого лица, именно лица, давшего внушеніе. Гипнотизированный по пробужденіи отъ гипнотическаго сна забываетъ рѣшительно все, что касается процесса внушенія, онъ не знаетъ, для чего онъ совершаетъ внушенный поступокъ. До усвоенія внушенія гипнотизированный могъ, можетъ быть, бороться съ властью гипнотизера, въ его умѣ еще дремали понятія объ опасности, о вредѣ, о справедливости, о законности—и эти понятія мѣшали ему принять внушеніе, но разъ онъ оказался побѣжденнымъ въ этой борьбѣ, разъ сила его сопротивленія оказалась недостаточной для отверженія вліянія гипнотизера, разъ, однимъ словомъ, внушеніе было принято, всякое критическое отношеніе къ внушенному поступку становится невозможнымъ для усвоившаго внушеніе. Тогда уже никакое постороннее представленіе или размышленіе не могутъ препятствовать реализаціи внушенія. Если кому нибудь внушено совершить что нибудь въ такой-то день въ 5 часовъ и 20 минутъ, то непонятнымъ для насъ процессомъ ровно въ 5 ч. 20 м. съ этимъ человѣкомъ происходитъ превращеніе, у него начинается болѣзненный припадокъ, во время котораго дѣйствительность перестаетъ существовать, всѣ чувства подавлены, всѣ органы, функціонируютъ лишь настолько, насколько это необходимо

для исполненія внушенія. Здѣсь дѣйствуетъ какъ бы принужденіе отъ превосходящей, непреодолимой силы.

Что внушеніе для очень многихъ гипнотизированныхъ является дѣйствительно непреодолимой силой, это мы видѣли изъ приведенныхъ выше опытовъ, сдѣланныхъ для изученія вопроса о сопротивленіи внушенію. «Беззащитность гипнотизированнаго противъ вліянія гипнотизера, говоритъ профессоръ Лиліенталь, не есть нѣчто, свойственное исключительно одной какой нибудь личности; эта беззащитность представляетъ общее явленіе, за которое нельзя сдѣлать отвѣтственнымъ только данное лицо. Не только данное лицо, но вообще никто въ подобномъ положеніи не могъ-бы не совершить внушеннаго поступка. И такъ какъ по общепринятымъ воззрѣніямъ никому не можетъ быть вмѣнено въ вину то, что всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы, покоряясь необходимости, то и состояніе гипноза должно освободить отъ всякой отвѣтственности» *).

И дѣйствительно, почти всѣ юристы, занимавшіеся вопросомъ о степени отвѣтственности гипнотизированныхъ лицъ, рѣшали въ томъ смыслѣ, что никому не можетъ быть вмѣнено въ вину преступленіе, совершенное подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія.

При этомъ судья долженъ, однако, всегда имѣть въ виду степень участія воли гипнотизированнаго въ совершеніи поступка. Не всякое преступленіе, совершенное подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, должно остаться безнаказаннымъ. Если лицо, реализовавшее преступное внушеніе, до впаденія въ гипнотическій сонъ знало или подозрѣвало, что его хотятъ загипнотизировать съ преступной цѣлью, и не оказало попыткѣ гипнотизаціи достаточнаго сопротивленія, то это лицо должно быть привлечено къ отвѣтственности. Правда, что по

*) Lilienthal: „Hypnose und Strafrecht“, стр. 75.

совершеніи внушенія у него отсутствуетъ сознание преступности поступка, что послѣ впаденія въ гипнотическій сонъ ему нѣтъ возможности не принять внушенія, но до гипнотизаціи это лицо владѣетъ вполне и своимъ сознаниемъ и свободной волей. Если оно въ этомъ нормальномъ состояніи знаетъ, что его толкаютъ на преступленіе и относится къ этому совершенно пассивно, то такое поведеніе уже крайне подозрительно. Въ такихъ обстоятельствахъ на гипнотизированнаго можно смотрѣть, какъ на соучастника преступленія, заслуживающаго соотвѣтственнаго наказанія. Такіе случаи вполне возможны въ дѣйствительной жизни. Мы упоминали выше, что больные Бине и Фере просили своихъ сосѣдей внушить имъ извѣстные поступки, которые они хотѣли совершить, но для совершенія которыхъ у нихъ не хватало рѣшимости. Если-бы эти поступки были преступны, то больные были-бы не менѣе виновны, чѣмъ если-бы они совершали эти поступки безъ помощи внушенія.

Déjardins идетъ еще дальше. Въ засѣданіи Académie des sciences morales et politiques онъ высказалъ мнѣніе, что всякій, согласившійся дать себя гипнотизировать, отвѣтственъ за преступленія, которыя онъ выполняетъ подъ вліяніемъ внушенія, происшедшаго во время гипнотическаго сна. Соглашаясь быть гипнотизированнымъ, человѣкъ этотъ знаетъ, что онъ рискуетъ стать орудіемъ преступленій, и своимъ согласіемъ перенялъ также и отвѣтственность за эти преступленія. Это мнѣніе очевидно не выдерживаетъ критики. Съ такимъ-же правомъ можно было-бы отвѣтственность за убійство распространить на купца, продавшаго убійцѣ пистолетъ или другое оружіе, которымъ совершено преступленіе, потому что и купецъ знаетъ, что, продавая пистолетъ, онъ рискуетъ стать сообщникомъ убійства. Если-бы мы были отвѣтственны за всѣ *возможныя* косвенныя по-

слѣдствія нашихъ поступковъ, то мы находились бы въ вѣчномъ опасеніи попасть въ тюрьму и были-бы осуждены въ очень многихъ случаяхъ на бездѣтельность.

Говоря о юридическомъ значеніи преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, мы, разумѣется, имѣли въ виду такіа внушенія, которымъ гипнотизированный не *можетъ* оказать сопротивленія. Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ внушеніе послѣ болѣе или менѣе напряженной борьбы можетъ быть отвергнуто. Если въ такихъ случаяхъ со стороны гипнотизированнаго не было оказано никакого сопротивленія преступному внушенію, то онъ долженъ считаться участникомъ преступленія *).

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что человѣку, выполнившему какое нибудь преступленіе подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, это преступленіе не должно вмѣняться въ вину, если онъ передъ гипнозомъ не зналъ о готовящемся внушеніи и во время гипноза не въ состояніи былъ оказать этому внушенію достаточнаго сопротивленія. Спрашивается теперь, какое участіе въ преступленіи должно быть приписано гипнотизеру? Слѣдуетъ-ли его считать только подстрекателемъ, сообщникомъ человѣка, реализующаго внушеніе, или-же онъ долженъ быть признанъ единственнымъ авторомъ преступленія, на котораго падаетъ цѣлкомъ вся отвѣтственность? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Мы знаемъ, что внушеніе состоитъ въ воздѣйствіи одного лица на духовный міръ другого. Внушеніе въ этомъ широкомъ смыслѣ слова практикуется безпрестанно въ обыденной жизни.

*) Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ можно констатировать способность извѣстнаго лица къ сопротивленію гипнотическому вліянію.

Всякое приказаніе, уговариваніе и даже просьба есть въ сущности ничто иное, какъ внушеніе. Если подобныя внушенія и не реализуются съ такой-же необходимостью, какъ гипнотическія, то это происходитъ лишь оттого, что въ нормальномъ состояніи воспріимчивость не такъ сильно развита, какъ въ гипнозѣ. Тѣмъ не менѣе оба рода внушеній имѣютъ много общаго между собою, какъ по сущности процесса и средствамъ, которыми они производятся, такъ и по цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ. Удивительный духъ дисциплины, господствующій въ арміяхъ, поддерживается главнымъ образомъ внушеніемъ: дисциплина усиливаетъ воспріимчивость солдатъ ко всему, исходящему отъ ихъ начальниковъ, уничтожая или, по крайней мѣрѣ, ослабляя ихъ вниманіе ко всему остальному. Вообще во всѣхъ случаяхъ, когда говорятъ, что одинъ человѣкъ имѣетъ большое вліяніе на другого, это значитъ, что воспріимчивость послѣдняго усилена по отношенію ко всему исходящему отъ перваго. Эти лица находятся въ отношеніяхъ, аналогичныхъ отношеніямъ гипнотизера и гипнотизированнаго.

Извѣстно, какую могущественную роль играетъ внушеніе въ системѣ воспитанія, которая, въ сущности говоря, основана на воспріимчивости ребенка къ различнымъ внушеніямъ, исходящимъ отъ взрослыхъ и имѣющимъ цѣлью содѣйствовать развитію характера ребенка въ томъ или другомъ направленіи. Общимъ образомъ можно сказать, что міровоззрѣніе каждаго человѣка есть въ сущности результатъ многочисленныхъ и разнообразнѣйшихъ внушеній, исходящихъ отъ окружающей среды, отъ непосредственныхъ примѣровъ, отъ чтенія газетъ, книгъ, отъ представленій на сценѣ и т. д. Въ обыденной жизни примѣры прямого, непосредственнаго внушенія на яву встрѣчаются очень часто. Извѣстно, какъ часто наше сознаніе усвоиваетъ чужое представленіе, какъ собственное, хотя бы оно не имѣло ре-

альной почвы, и наша воля принимает чужое желаніе, какъ наше собственное желаніе, хотя бы оно ни въ какой связи съ нашимъ внутреннимъ міромъ не стояло. Иногда энергичное слово, повелительный тонъ, убѣдительные жесты могутъ имѣть значеніе внушенія, которое воспринимается и исполняется, хотя бы оно вовсе не отвѣчало желаніямъ исполняющаго и хотя бы исполняющее лицо не имѣло никакихъ раціональных основаній къ исполненію этого внушенія. На этомъ основано вліяніе «героевъ толпы», и этимъ объясняется психологія многихъ массовыхъ движеній въ исторіи.

Если имѣть это въ виду, то не трудно будетъ понять, что на практикѣ не всегда возможно провести строгую границу между обыкновеннымъ и гипнотическимъ внушеніемъ. Припомнимъ случай, цитированный Бернгеймомъ. Какую роль игралъ тамъ мужъ? Былъ-ли онъ гипнотизеромъ-внушителемъ или обыкновеннымъ подстрекателемъ? Извѣстно, что внушенія могутъ быть сдѣланы подходящимъ субъектамъ безъ всякихъ предварительныхъ процедуръ. Одновременно съ словеснымъ внушеніемъ происходитъ гипнотизація. Бернгеймъ и Лиежуа сообщаютъ о многочисленныхъ опытахъ, гдѣ внушенія были усвоены и реализованы на яву. Теоретически, проведеніе границы между обыкновеннымъ и гипнотическимъ внушеніемъ представляется дѣломъ очень простымъ. При обыкновенномъ внушеніи субъектъ не теряетъ сознанія происходящаго, онъ усваиваетъ полученное имъ внушеніе лишь тогда, когда послѣднее не встрѣчаетъ въ немъ слишкомъ сильнаго сопротивленія, т. е. когда содержаніе внушенія болѣе или менѣе совмѣстимо съ его склонностями и чувствами. Въ этомъ случаѣ внушитель есть только подстрекатель чело-вѣка, реализующаго внушеніе. Гипнотическое же внушеніе характеризуется главнымъ образомъ автоматичностью чело-вѣка, усваивающаго внушеніе. И какъ нельзя считать убійцу

подстрекателемъ топора, убившаго жертву, такъ нельзя говорить о гипнотизерѣ, какъ о подстрекателѣ гипнотизированнаго. Гипнотизеръ, внушившій преступленіе, является единственнымъ дѣятелемъ преступленія и долженъ нести одинъ всю отвѣтственность. Все сводится такимъ образомъ къ рѣшенію вопроса, было ли извѣстное внушеніе гипнотическимъ или обыкновеннымъ. Но на этотъ-то вопросъ въ большинствѣ случаевъ очень трудно бываетъ дать опредѣленный отвѣтъ.

Но еще сложнее теоретическое рѣшеніе вопроса о степени отвѣтственности гипнотизера и гипнотизированнаго при такъ называемыхъ неопредѣленныхъ внушеніяхъ, при которыхъ гипнотизеръ предписываетъ только характеръ дѣйствій, имѣющихъ совершиться, но не самыя дѣйствія. Какъ примѣръ такого внушенія, приведемъ слѣдующіе опыты Бониса:

«М-лле А. Е. находится въ университетской фізіологической лабораторіи. Во время ея гипнотическаго сна я ей внушаю, что она по пробужденіи увидитъ много прекрасныхъ вещей, которыя ей очень понравятся и которымъ она будетъ очень рада. По пробужденіи я ее снова усыпляю и спрашиваю ее, что именно она видѣла. Оказывается, что она видѣла садъ, въ которомъ прогуливались дамы въ прекрасныхъ платьяхъ, затѣмъ она видѣла великолѣпные костюмы, драгоценности и т. д. (М-лле А. Е. портниха и очень интересуется платьями).

Въ другой разъ я устраиваю съ ней же опытъ неопредѣленнаго внушенія на яву. Я ей говорю: «Черезъ минуту вамъ захочется сдѣлать нѣчто очень смѣшное и это доставитъ вамъ большое удовольствіе». — «Но что-же именно»? — «Этого я не знаю. Я знаю только, что это будетъ смѣшно и заставитъ васъ смѣяться». Затѣмъ я ее предоставляю самой себѣ. По истеченіи нѣкотораго времени я замѣчаю, что она смѣется и закрываетъ лицо руками.

«О чемъ вы думаете»? — «Ни о чемъ». — «Нѣтъ, вы думаете

о чемъ-то». — «Но я этого не сдѣлаю». — «А я вамъ говорю, что вы это сдѣлаете» — «Нѣтъ». — «Хотите побиться объ закладъ»? — «Нѣтъ, нѣтъ» — и она смотритъ въ уголь комнаты, гдѣ находится этажерка. Нѣсколько минутъ спустя она выходитъ изъ комнаты и направляется въ садъ, я тоже отправляюсь туда и нахожу ее спящей въ стоячемъ положеніи.

«Для чего вы заснули»? — «Потому что я не хочу исполнить того, что вы мнѣ приказали». — «Но я вамъ ничего не приказалъ, я даже не знаю, о чемъ вы думаете». — «Да, но я это знаю». — «Почему же вы не хотите исполнить это»? — «Потому что вы станете смѣяться надо мною». — «Тѣмъ не мѣняе вы это сдѣлаете». — «Да, я это сдѣлаю». — «Ну, такъ я не желаю васъ мучить, я возьму обратно внушеніе, но скажите мнѣ, о чемъ вы думали». — «Я хотѣла обязать своимъ платкомъ статуэтку, которая находится на этажеркѣ» *).

Въ заключеніе мы скажемъ нѣсколько словъ о рядѣ явленій, имѣющихъ чрезвычайное сходство съ явленіями, только что разсмотрѣнными, и могущихъ бросить нѣкоторый свѣтъ на послѣднія. Мы говоримъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ лунатиками и истеричными особами.

Усиленіе воспріимчивости къ извѣстному классу представленій и ослабленіе активнаго вниманія свойственны не одному только гипнотическому состоянію. Эти признаки встрѣчаются также у многихъ психически больныхъ людей, главнымъ образомъ, у истеричныхъ особъ и у лунатиковъ. Но тогда какъ у гипнотизированныхъ воспріимчивость усилена по отношенію къ представленіямъ другихъ лицъ, у лунатиковъ она развита главнымъ образомъ по отношенію къ представленіямъ, созданнымъ собственной фантазіей. Легко представить себѣ, что подобное усиленіе воспріимчивости можетъ вести къ само-

*) Beanis: „Somnambulisme provoqué“, стр. 186.

внушеніямъ (autosuggestion), которыя могутъ привести къ тѣмъ-же послѣдствіямъ, какъ и внушенія, полученные во время гипнотическаго сна отъ гипнотизера. Это теоретическое предположеніе подтверждается многими фактами.

Liegeois и Gilles de la Tourette цитируютъ слѣдующій рассказъ одного настоятеля монастыря.

«Въ N... монастырѣ, гдѣ я былъ пріоромъ, находился монахъ, который былъ извѣстенъ за лунатика. Иногда онъ, во время своихъ припадковъ, выходилъ изъ своей кельи и самъ-же возвращался безъ чужой помощи, иногда-же онъ заблуждался и его приходилось отыскивать. По совѣту врачей, онъ употреблялъ нѣкоторыя лѣкарства: припадки стали рѣже и монахомъ перестали заниматься.

Однажды вечеромъ, когда я, занятый въ своей комнатѣ разсматриваніемъ документовъ, не могъ лечь спать въ урочный часъ, дверь въ мою комнату отворилась, и я увидѣлъ монаха, находившагося повидимому въ состояніи сомнамбулизма. Глаза его были широко раскрыты, но вполне неподвижны, въ рукѣ онъ держалъ большой ножъ. Онъ направился прямо къ моей постели, положеніе которой ему было хорошо знакомо, и принялся ощупывать одѣяло, какъ-бы желая удостовѣриться, что я нахожусь въ своей кровати. Послѣ этого онъ погрузилъ ножъ три раза въ постель съ такой силой, что клинокъ пронзилъ насквозь одѣяло и матрацъ, или вѣрнѣе рогожку, замѣнявшую мнѣ матрацъ. При входѣ въ мою комнату монахъ имѣлъ мрачный видъ и брови его были сморщены. По нанесеніи удара его лицо прояснилось и онъ казался удовлетвореннымъ. Свѣтъ двухъ лампъ, горѣвшихъ на моемъ столѣ не производилъ, повидимому, никакого впечатлѣнія на его глаза. Онъ вышелъ, какъ и вошелъ, тихо ступая и не-

слышно отворяя и затворяя двери. Я увѣрился, что онъ изъ моей кельи отправился прямо къ себѣ.

Легко себѣ представить, въ какомъ состояніи я находился въ продолженіе этой ужасной сцены. Я горячо возблагодарилъ Провидѣніе за свое спасеніе отъ неминуемой смерти, но волненіе мое было такъ сильно, что я всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро я призвалъ къ себѣ монаха-лунатика и просилъ его рассказать мнѣ, что ему снилось въ эту ночь.

При этомъ вопросъ онъ страшно смутился. «Отче», отвѣтилъ онъ: «мнѣ приснилось нѣчто очень странное, я, право, затрудняюсь передать вамъ содержаніе моего сна, который, вѣроятно, слѣдуетъ приписать дьявольскому навожденію...». — «Я вамъ приказываю рассказать мнѣ содержаніе вашего сна», возразилъ я: «сонъ не зависитъ отъ нашей воли и есть только иллюзія. Говорите искренно!» — «Какъ только я заснулъ, мнѣ приснилось, что вы убили мою мать; ея кровавая тѣнь предстала предо мною, требуя мщенія. При этомъ мной овладѣла такая ярость, что я, какъ бѣшеный, побѣжалъ въ вашу келью и пронзилъ васъ ножомъ. Затѣмъ я проснулся, весь въ поту, проклиная свой поступокъ. Пришедши въ себя, я возблагодарилъ Бога за то, что преступленіе не было совершено». — «На самомъ дѣлѣ случилось однако нѣчто, очень похожее на вашъ сонъ», — сказалъ я спокойно и серьезно. Я рассказалъ ему все случившееся и показалъ ему слѣды его ударовъ.

Это его страшно поразило. Онъ бросился предо мною на колѣни и, обливаясь слезами, умолялъ меня назначить ему очень строгое наказаніе.

«Нѣтъ, нѣтъ! — возразилъ я: «я васъ не накажу за поступокъ, который вы совершили вполне независимо отъ вашей воли. Но съ этихъ поръ я васъ освобождаю отъ ночной

службы и предупреждаю васъ, что ваша келья будетъ заперта извнѣ» *).

Если-бы настоятель монастыря былъ убитъ монахомъ — кто знаетъ? — можетъ быть послѣдній былъ бы судимъ и наказанъ!

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ общественное мнѣніе въ Англіи было сильно возбуждено процессомъ, представляющимъ и для насъ извѣстный интересъ:

9-го апрѣля 1878 года нѣкій Фрэзеръ, владѣлецъ лѣсопильни, человѣкъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, убилъ своего сына. Въ дѣтствѣ способности его были среднія, нѣкоторое время онъ страдалъ непроизвольнымъ мочеиспусканіемъ. Его отецъ и мать страдали падучей болѣзью и умерли во время припадка. Его сестра и племянникъ были душевно больными. Одно изъ его дѣтей умерло отъ конвульсій; убитый имъ сынъ также имѣлъ конвульсивные припадки за полгода до смерти. Сонъ Фрэзера былъ постоянно очень тревоженъ, онъ часто просыпался отъ давленія кошмара и нерѣдко подвергался припадкамъ, имѣвшимъ чрезвычайное сходство съ припадками сомнамбулизма.

Докторъ Vellowlees, бывшій неоднократно свидѣтелемъ его припадковъ, рассказываетъ, что Фрэзеръ, находясь во снѣ, часто внезапно вставалъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. То ему казалось, что домъ стоитъ въ огнѣ, то, что стѣны рушатся. Затѣмъ слѣдовало обыкновенно появленіе страшнаго животнаго, противъ котораго онъ защищался, бросая въ него всѣ предметы, попадавшіеся ему подъ руки. Иногда онъ принимался душить своего сосѣда по комнатѣ, въ которомъ онъ видѣлъ это страшное животное. Всѣ свои дѣйствія онъ сопровождалъ страшными криками. Бѣшенство его доходило до

*) Цитировано у Gilles de la Tourette и Liégeois.

того, что послѣ такого припадка онъ самъ оказывался раненымъ.

Во время одного такого припадка онъ убилъ своего сына. Въ этотъ разъ ему показалось, что по комнатѣ летаетъ большое бѣлое животное, которое, наконецъ, спустилось за кровать его сына. Съ цѣлью защитить послѣдняго, онъ схватилъ его и ударилъ имъ о стѣну, желая попасть въ животное. Крики его жены привели его въ себя и онъ выразилъ сильное отчаяніе.

Присяжные вынесли ему оправдательный приговоръ, принявъ во вниманіе, что преступленіе было совершено во время припадка сомнамбулизма *).

Присяжные отвѣтили отрицательно на вопросъ председателя о томъ, слѣдуетъ-ли признать Фрэзера помѣшаннымъ. Но они нашли, что и у нормальнаго человѣка могутъ быть моменты, въ продолженіе которыхъ онъ совершаетъ поступки также безсознательно, также независимо отъ воли, какъ и помѣшанный.

Примѣромъ обвиненій, очень часто возбуждаемыхъ противъ лунатиковъ, можетъ служить слѣдующій случай.

«У доктора Жиро была служанка, легко впадавшая въ гипнозъ и усваивавшая внушенія. Вслѣдствіе этого ее часто гипнотизировали для произведенія различныхъ опытовъ. Однажды—я былъ тогда тюремнымъ врачомъ—я узналъ среди представившихся мнѣ больныхъ арестантовъ эту дѣвушку. На мои разспросы она отвѣтила, что въ послѣднее время она служила уже не у Жиро, а у одной дамы, которая обвинила ее въ кражѣ. По этому обвиненію она и была арестована.

*) Gilles de la Tourette, „L'hypnotisme etc.“, стр. 206.

«Молодая дѣвушка съ плачемъ увѣряла меня въ своей невинности. Такъ какъ мнѣ часто приходилось видѣть лунатиковъ, прячущихъ во время своихъ припадковъ вещи, которыя онѣ потомъ считали потерянными, то я спросилъ служанку, не стала-ли она подвергаться, подъ вліяніемъ частыхъ гипнотизацій, припадкамъ сомнамбулизма. Она не могла мнѣ сказать на этотъ счетъ ничего положительнаго, но монахиня, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, сказала, что служанка съ тѣхъ поръ, какъ находится въ тюрьмѣ, каждую ночь одѣвается, расхаживаетъ по дортуару и затѣмъ ложится опять спать.

«Для изслѣдованія вопроса о виновности этой дѣвушки я ее погрузилъ въ гипнозъ и спросилъ ее о кражѣ. Она отвѣтила, что она и не думала красть что либо, но во время одного припадка ей пришла мысль, что вещи ея хозяйки будутъ лучше въ сохранности, если она ихъ спрячетъ въ другое мѣсто. Она это и сдѣлала, намѣреваясь извѣстить объ этомъ впослѣдствіи хозяйку. Но такъ какъ воспоминаніе о томъ, что совершается во время припадка, совершенно исчезаетъ по пробужденіи и такъ какъ съ другой стороны хозяйка не имѣла никакого понятія о ночныхъ припадкахъ своей служанки, то исчезновеніе вещей послужило поводомъ къ обвиненію несчастной.

«Я тотчасъ-же передалъ результатъ моего допроса судебному слѣдователю, который выслушалъ меня съ нѣсколько недовѣрчивой улыбкой. Тѣмъ не менѣе онъ на слѣдующій день согласился сопровождать меня въ тюрьму. Я снова загипнотизировалъ служанку и она повторила сказанное ею наканунѣ. Слѣдователь внимательно выслушалъ ея рассказъ и заставилъ ее дать подробное описаніе дома, комнаты и шкафа, въ которомъ должны были находиться украденныя вещи.

«Затѣмъ онъ тотчасъ-же отправился въ указанный домъ, направился прямо къ обозначенному шкафу и, къ великому удивленію обокраденной хозяйки, вынулъ оттуда пропавшія вещи. Невинность служанки была такимъ образомъ ясно обнаружена, и хозяйка сама отправилась въ тюрьму извиняться передъ невинно заподозрѣнной» *).

При преступленіяхъ, совершаемыхъ лунатиками, психологическіе моменты совершенно тѣ-же, что при разсмотрѣнныхъ нами выше гипнотическихъ преступленіяхъ. Поэтому и юридическая оцѣнка обоихъ родовъ преступленій должна быть одинакова. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что тогда какъ въ гипнотическихъ преступленіяхъ отвѣтственность падаетъ на внушителя, въ сомнамбулистическихъ преступленіяхъ правосудію некого преслѣдовать. Последнее, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто и при преступленіяхъ, совершенныхъ въ гипнозѣ, если эти преступленія совершены подъ вліяніемъ самовнушенія или подъ вліяніемъ внушенной галлюцинаціи. Мы видѣли раньше, что такіе случаи возможны.

Въ заключеніе приведемъ тутъ установленную въ положительныхъ законодательствахъ формулу невмѣняемости, подъ которую, безсомнѣнно, подходит и гипнотическое или послѣгипнотическое состояніе.

Наше уложеніе не даетъ общей формулы невмѣняемости, а ограничивается (въ ст. 92) перечисленіемъ тѣхъ состояній, которыя исключаютъ уголовную отвѣтственность. Въ числѣ этихъ состояній указаны: безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство. Впрочемъ уложеніе даетъ и руководящія указанія относительно основаній невмѣняемости.

*) Сообщено сенаторомъ докторомъ Dufaу и цитировано у Liègeois.

Именно въ ст. 92 указывается, что преступленіе не вмѣняется въ вину, когда учинившій преступленіе по состоянію своему во время учиненія преступленія *не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія*. Такимъ образомъ наше уложеніе считаетъ критеріемъ невмѣняемости отсутствіе *познавательной способности*.

Проектъ новаго уложенія предлагаетъ общее опредѣленіе невмѣняемости, которое признается образцовою формулою, такъ какъ она обнимаетъ собою всѣ возможные случаи невмѣняемости. Именно: не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостаточности умственныхъ способностей, по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности или по безсознательному состоянію, не могло во время учиненія дѣянія понимать свойства и значенія совершаемаго или руководить своими поступками (§ 33).

Германское имперское уложеніе, дѣйствующее съ 1872 г., даетъ общее опредѣленіе невмѣняемости, признающее критеріемъ ея отсутствіе свободнаго волеопредѣленія. § 51 гласитъ: «Дѣяніе не наказуемо, если виновникъ его находился во время учиненія его въ состояніи безсознательности или болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, которое исключаетъ свободное его волеопредѣленіе. (... sich in einem Zustande von Bewusstlosigkeit oder Krankhafter Störung der Geistesthätigkeit befand, durch welchen seine freie Willensbestimmung ausgeschlossen war).

Подобное же опредѣленіе невмѣняемости даетъ венгерскій кодексъ 1880 г. Французскій Code pénal 1810 г. знаетъ только одно состояніе, исключющее отвѣтственность — душевную олѣзнь (démence, art. 65). Въ законѣ, однако, нѣтъ опредѣленія понятія умопомѣшательства, но практика не стѣсняется подводить подъ него и безсознательное состояніе и разнообразныя виды душевнаго разстройства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преступленія, направленные противъ гипнотизированныхъ.

Изъ краткаго обзора гипнотическихъ явленій, сдѣланнаго въ введеніи, ясно, что гипнотизированные находятся въ такомъ состояніи, при которомъ они лишены возможности защищаться отъ покушеній, направленныхъ противъ ихъ личности. Эта беззащитность обусловливается безчувственностью и неподвижностью гипнотизированныхъ. Если мы будемъ слѣдовать схемѣ Шарко, то мы можемъ сказать, что въ летаргической и каталептической стадіяхъ гипнотизированные отличаются безчувственностью и отсутствіемъ произвольныхъ движеній. Въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма субъектъ можетъ ощущать и двигаться, но соотвѣтственнымъ внушеніемъ у него можетъ быть вызвана еще болѣе полная безчувственность и неподвижность, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ стадіяхъ. Простого увѣренія экспериментатора, что гипнотизированный не въ состояніи двигаться, видѣть, слышать, достаточно для того, что-бы эти явленія порознь или вмѣстѣ, смотря по волѣ экспериментатора, моментально наступали. Гипнотизированный вдыхаетъ аммоніакъ, не выражая ни малѣйшаго ощущенія, и слизистая оболочка носа не оказываетъ никакой реакціи. Безчувственность доходитъ до того, что надъ гипнотизированнымъ можно производить сложнѣйшія хирургическія операціи безъ всякой боли для паціента. Извѣстно

нѣсколько случаевъ, гдѣ женщины рождали въ гипнозѣ, не чувствуя при этомъ никакой боли.

Само собою разумѣется, что гипнотизированные, лишены всякихъ средствъ къ оборонѣ, легко могутъ сдѣлаться жертвами преступленій. Число достовѣрно извѣстныхъ преступленій, направленныхъ противъ лицъ, находившихся въ гипнозѣ, довольно значительно уже и теперь, когда знаніе явленій гипноза еще очень мало распространено. Мы приведемъ тутъ нѣсколько «классическихъ» случаевъ, возбуждавшихъ въ свое время всеобщее вниманіе и обсуждавшихся въ продолженіе довольно долгаго времени въ юридическихъ и медицинскихъ журналахъ.

31-го марта 1865 года около шести часовъ вечера къ обитателю одного изъ домовъ общины Soiliés-Farlide, жившему тамъ со своимъ 15-лѣтнимъ сыномъ и своей 26-лѣтней дочерью Жозефиной, явился плохо одѣтый человѣкъ съ безобразнымъ лицомъ, запущенной бородой и длинными нечесанными волосами, хромавшій на одной ногѣ. Этотъ пришлецъ, которому на видъ можно было дать лѣтъ 25, назывался Тимоѣемъ Кастеляномъ, былъ прежде рѣзчикомъ пробскъ, теперь-же бродяжничалъ, выдавая себя то за знахаря, то за магнетизера. Въ Soiliés-Farlide онъ притворился глухонѣмымъ и знаками просилъ пищи и пристанища. Отецъ Жозефины принялъ его, и уже во время ужина бродяга возбудилъ вниманіе хозяина своимъ страннымъ поведеніемъ. Такъ напр., онъ наполнялъ свой стаканъ непременно тремя приемами и выпивалъ свое вино, дѣлая непрерывно знаки креста. Впродолженіе вечера явилось нѣсколько любопытныхъ сосѣдей и помощью карандаша и бумаги началась бесѣда. При этомъ Кастелянъ между прочимъ написалъ: «Я сынъ Бога, я прихожу съ неба и имя мнѣ—Исусъ Христосъ; теперь вы ви-

дите мои малыя чудеса, скоро вы увидите великія. Но не бойтесь меня, потому что я посланъ самимъ Богомъ». Одной женщиной онъ предложилъ свои услуги для уничтоженія родимаго пятна; онъ утверждалъ, что будущее передъ нимъ открыто и пророчествовалъ, что черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ война. Это странное поведеніе произвело на всѣхъ присутствующихъ очень сильное впечатлѣніе. Жозефина казалась испуганной; изъ боязни передъ нищимъ она спала одѣтая. Кастелянъ провелъ ночь на сѣновалѣ и на завтра тотчасъ-же послѣ завтрака ушелъ. Вскорѣ онъ однако вернулся назадъ и, убѣдившись, что Жозефина остается впродолженіи цѣлаго дня одна дома, онъ также остался. Нѣкоторые изъ сосѣдей приходили съ тѣмъ, чтобы принести чужому человѣку, который считался святымъ, нѣсколько яицъ. Одинъ изъ нихъ, приходившій два раза, въ свой первый приходъ ничего особеннаго не замѣтилъ: Жозефина жаловалась только на сильную головную боль. Когда онъ пришелъ во второй разъ, незадолго до обѣда, онъ замѣтилъ, что Кастелянъ описывалъ рукою странные круги позади молодой дѣвушки, наклонившейся надъ горшкомъ. Жозефина, повидимому, чувствовала себя нехорошо: ея глаза выражали безпокойство, лицо ея было красно, присутствіе третьяго лица ей было пріятно; видно было, что она очень неохотно остается одна съ Кастеляномъ. Послѣ обѣда посѣщенія прекратились, и о томъ, что совершилось отъ обѣда до четырехъ часовъ, извѣстно только по нѣсколькимъ неопредѣленнымъ показаніямъ Жозефины, которымъ Кастелянъ противорѣчилъ. По рассказамъ Жозефины, Кастелянъ во время обѣда, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она подносила ко рту ложку супа, сдѣлать движеніе рукою, какъ бы бросая что-то въ ложку. Жозефина однако не видѣла, чтобы что нибудь дѣйствительно попало въ ложку. Въ

этотъ моментъ она впадала въ обморокъ. Кастелянъ помощью холодной воды привелъ ее въ чувство. Она хотѣла выдти изъ комнаты, но не могла этого сдѣлать, такъ какъ она вторично лишилась чувствъ. Тогда Кастелянъ понесъ ее въ ея комнату, положилъ на постель и изнасиловалъ ее. При этомъ онъ, неизвѣстно для чего, билъ ее. Жозефина ощущала все, но не могла оказать никакого сопротивленія, она не была даже въ состояніи постучать о стѣну, чтобы привлечь вниманіе сосѣдей. Въ это время одна изъ ея родственницъ постучала въ дверь. Жозефина узнала ея голосъ, но не была въ состояніи отвѣтить ей. Жозефина не могла сказать навѣрное, приказалъ-ли ей Кастелянъ сопровождать его, но неодолимая сила заставляла ее слѣдовать за своимъ мучителемъ. Фактъ тотъ, что они въ 4 часа послѣ обѣда вмѣстѣ вышли изъ дома. Сосѣдямъ бросилось въ глаза тревожное выраженіе лица Жозефины. Она была въ своей обыкновенной будничной одеждѣ, произносила безсвязныя слова, увѣряла, что она слѣдуетъ за Господомъ Богомъ и т. д. Слѣдующую ночь Кастелянъ провелъ съ Жозефиной на одномъ сѣновалѣ. На слѣдующій день они отправились въ Collobrières, и Жозефина провела ночь у нѣкоей Rautegon, мужъ которой встрѣтилъ Кастеляна и его жертву въ лѣсу и забралъ ихъ съ собою. Кастелянъ разсказалъ ему, что онъ увезъ дѣвушку, пользуясь ея расположеніемъ. Жозефина также разсказала ему о своемъ несчастіи, прибавляя, что она хотѣла утопиться съ отчаянія. Она разсказала, что въ продолженіе дня она два раза впадала въ обморокъ подъ вліяніемъ таинственныхъ дѣйствій Кастеляна. На третій день они пришли въ Carpelude къ супругамъ Condroyer. Въ продолженіе дня Жозефина попеременно находилась то въ страшномъ возбужденіи, то въ относительномъ спокойствіи. То она осыпала Кастеляна знаками страстной

привязанности, сопровождая свои ласки безсвязной рѣчью, въ которой безпрестанно повторялись слова: цвѣты, души, Господь Богъ и пр., то наоборотъ она его отталкивала и выказывала сильный страхъ передъ нимъ. Все время ее сильно занимала мысль, что ее могутъ считать развратной проституткой. Нѣсколько разъ она повторяла: «вліянію Кастеляна не могла-бы противиться и самая сильная женщина». Она опасалась новыхъ покушеній съ его стороны и желала провести ночь въ другомъ домѣ. Кастелянъ не хотѣлъ ее отпускать, а для преодоленія ея сопротивленія онъ сдѣлалъ нѣкоторые странные знаки: по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, онъ слегка дотронулся до лба и бедра Жозефины. Тотчасъ-же она лишилась чувствъ и пролежала три четверти часа безъ движенія. Хотя она и послѣ этого еще не пришла въ себя, однако Кастелянъ заставилъ ее подняться по лѣстницѣ, причемъ онъ поддерживалъ ея плечи руками и поднималъ ея ноги помощью своихъ колѣнъ. «Хотите, чтобы я заставилъ ее смѣяться?» — спросилъ тогда Кастелянъ, и тотчасъ-же Жозефина залилась громкимъ, безумнымъ хохотомъ. Одинъ изъ сосѣдей помогаль ей раздѣваться и, изумленный неподвижностью ея членовъ, началъ сильно шекотать ея пятки, что однако не оказало на Жозефину никакого дѣйствія. Чтобы разбудить ее, Кастелянъ нанесъ ей три сильныхъ пощечины. Жозефина немедленно пришла въ себя и не только не чувствовала никакой боли, но находилась, повидимому, въ очень пріятномъ состояніи. Ночью изъ комнаты, занимаемой Кастеляномъ и Жозефиной, слышался сильный шумъ; хозяинъ, вооруженный палкой, направился туда и потребовалъ, чтобы Кастелянъ немедленно удалился. Жозефина, не смотря на приказанія Кастеляна, отказалась сопровождать его. Все слѣдующее утро Жозефина находилась въ страшномъ возбужденіи,

граничившемъ съ безуміемъ. Она произносила безсвязныя слова, безпрестанно призывала Бога и Святую Дѣву, дѣлала разныя безсмысленныя движенія. Такъ она брала нитку и проводила ею нѣсколько разъ по глазамъ одного изъ присутствующихъ, чтобы, какъ она говорила, излѣчить его слѣпоту. Затѣмъ явился Кастелянъ и желая показать силу своего вліянія надъ Жозефиной, заставилъ ее ползать по полу. Это возмутило присутствующихъ и они его выгнали изъ комнаты. Но какъ только онъ удалился, съ Жозефиной случился новый припадокъ, прекратившійся только тогда, когда Кастелянъ опять вошелъ въ комнату, наклонился надъ ней и сказалъ ей какія то таинственныя слова. Онъ ее привелъ въ чувство, нанеся ей три пощечины. При этомъ у него вырвалось слѣдующее интересное признаніе: «это не первая дѣвушка, которую я привелъ къ паденію; уже 22 года тому назадъ мой отецъ совершилъ тоже самое съ моей матерью, которая отъ этого сильно страдала». Остальная часть дня прошла также, какъ и предыдущіе дни. Жозефина то произносила безсвязныя слова, то оплакивала свое положеніе, просила окружающихъ не оставлять ее и съ ужасомъ отталкивала Кастеляна. На вопросъ, что она чувствуетъ во время своихъ припадковъ, она отвѣтила, что она сильно страдаетъ: она видитъ и слышитъ все происходящее вокругъ нея, но чувствуетъ, что воля ея парализована. Простого прикосновенія Кастеляна иногда достаточно для того, чтобы она почувствовала сильную боль, иногда-же наоборотъ, его прикосновеніе успокаиваетъ ее. Жозефина предлагала всегда Кастеляну отпивать отъ вина, которое ей предлагалось; точно также она ѣла только тотъ хлѣбъ, отъ котораго Кастелянъ откусывалъ кусочекъ. Когда они на слѣдующее утро опять отправились въ путь, Кастелянъ по дорогѣ былъ задержанъ, а Жозефина бѣгомъ вернулась къ

Condroyer и попросила, чтобы ее спрятали отъ Кастеляна, отъ котораго она, къ своей великой радости, успѣла убѣжать. Днемъ ее привели обратно домой. По дорогѣ она опять впала въ состояніе крайняго возбужденія, въ которомъ она испускала непонятные звуки и ругала всѣхъ прохожихъ. Это состояніе продолжалось нѣсколько дней. Призванный врачъ констатировалъ лихорадку и сильное нервное возбужденіе, вызванное конечно воспоминаніемъ о потерянной дѣвичьей чести. Кровопусканіе снова возстановило ея здоровье *).

Liégeois дѣлаетъ попытку возстановить догадкой всѣ фазы этого нѣсколько загадочнаго происшествія. По его мнѣнію, Кастелянъ употребилъ гипнотическое внушеніе. Всѣ загадочныя слова, которыя произносила Жозефина, могутъ быть объяснены слѣдующимъ внушеніемъ, которое Ліежуа приписываетъ Кастеляну: «Ты будешь имѣть ко мнѣ абсолютное довѣріе: я сынъ Бога и владѣю даромъ совершать чудеса; я силой своей воли могу создать цвѣты; хочешь, чтобы я это тебѣ доказалъ? Вотъ розы и маргаритки растутъ предъ тобой: тебѣ стоитъ только наклониться и ты можешь ихъ рвать, сколько тебѣ угодно. Подобно Богу, я могу читать въ душѣ людей. Я и тебя знаю лучше, чѣмъ ты себя знаешь. Ты думаешь, что ты меня ненавидишь, потому что ты меня считаешь безобразнымъ нищимъ, но на самомъ дѣлѣ ты питаешь ко мнѣ безграничную любовь, такъ что ты мнѣ ни въ чемъ не сумѣешь отказать; твоя судьба съ этихъ поръ неразрывно связана съ моей; куда я пойду, туда пойдешь и ты; ты оставишь отца и мать, чтобы слѣдовать за мной; мы будемъ жить, какъ мужъ и жена; ты захочешь пить изъ моего стакана и ѣсть хлѣбъ, отъ котораго я ѣлъ; когда я дотронусь

*) Цитировано у Gilles de la Tourette, стр. 345, и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

до такой-то части твоего тѣла, ты заснешь, какъ теперь; ты сдѣлаешь все, что я тебѣ прикажу; если меня захотятъ разлучить съ тобой, то ты въ ту минуту, когда я уйду, лишишься чувствъ, такъ что нужно будетъ призвать меня обратно; ты проснешься, если я тебѣ дамъ три пощечины и т. д.».

При судебномъ разбирательствѣ Кастелянъ выказалъ хладнокровіе, граничащее съ нахальствомъ. Онъ въ особенности хвасталъ своими магнетизерскими способностями.

Такъ, онъ имѣлъ дерзость предложить предсѣдателю суда испытать на себѣ его искусство. Въ продолженіе обвинительной рѣчи прокурора онъ устремилъ пристальный взглядъ на этого чиновника и желалъ его этимъ магнетизировать, такъ что тотъ принужденъ былъ опустить глаза.

Три врача—Neriart, Paulet и Théus были приглашены къ судебному разбирательству и должны были разъяснить присяжнымъ дѣйствіе магнетизма. Они подтвердили заключенія, къ которымъ пришли составители судебно-медицинскаго рапорта къ этому процессу, тулонскіе доктора Auban и Roux. Кастелянъ былъ присужденъ къ двѣнадцати лѣтъ каторжной работы.

Обвиненія въ изнасилованіи помощью гипнотизма очень часто возбуждались противъ врачей, въ особенности противъ врачей магнетизеровъ.

«Въ ноябрѣ 1857-го года восемнадцатилѣтняя Маргарита А., считавшая себя больной, ходила въ сопровожденіи своей младшей сестры лѣчиться къ С., пользовавшемуся въ Марсели репутаціей искуснаго магнетизера. Въ началѣ апрѣля 1858 года она почувствовала себя беременной и подала жалобу на С., котораго она обвиняла въ изнасилованіи. Судъ обратился къ докторамъ Cost и Brosuier съ запросомъ: возможно-ли лишить женщину дѣвственности въ магнетическомъ снѣ

такъ чтобы она объ этомъ ничего не знала? Врачи отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно» *).

Въ 1878-мъ году въ Руанѣ разбирался процессъ Леви, получившій въ послѣдствіи большую извѣстность. Нѣкая В., прачка изъ Руана, обвиняла зубного врача Леви въ томъ, что онъ изнасиловалъ ея дочь, Бертю В., лѣчившуюся у него отъ зубныхъ болей. Нѣкоторыя детали, сообщенныя обвинительницей, отнимали, казалось, у обвиненія всякую тѣнь правоподобія. Такъ, она рассказывала, что она сама присутствовала при сеансахъ ея дочери у Леви, и что какъ она, такъ и ея дочь не замѣтили ничего подозрительнаго до тѣхъ поръ, пока самъ Леви не сообщилъ имъ о совершенномъ имъ преступленіи. Не смотря на всю невѣроятность этого показанія, фактъ преступленія былъ очень скоро установленъ слѣдствіемъ. Въ присутствіи слѣдственнаго судьи, Леви сдѣлалъ Бертѣ В... слѣдующее признаніе:

«Да, вы были чисты, вы были дѣвственницей. Въ вашей простотѣ вы думали, что все, совершаемое мною, необходимо для вашего здоровья, и вы не сопротивлялись. Спасите меня, спасите мою жену и моихъ дѣтей, скажите, что я не употреблялъ насилія, и я вамъ отдамъ все, что я имѣю».

Фактъ былъ такимъ образомъ установленъ. Леви имѣлъ половыя сношенія съ В... въ присутствіи ея матери. Оставалось объяснить, какимъ образомъ дѣвушка не чувствовала совершаемаго акта. Многіе факты говорили за то, что наркотическія средства не были употреблены. При разслѣдованіи оказалось, что Леви сажалъ Бертю В... на операціонный стулъ такимъ образомъ, что ея туловище и голова оказывались опрокинутыми назадъ, такъ что она находилась въ почти гори-

*) Gilles de la Tourette, стр. 326.

зонтальномъ положеніи. Затѣмъ она, по указанію Леви, приподымала двумя пальцами верхнюю губу и плотно прижимала ее къ носовымъ отверстіямъ. Послѣ этой процедуры она обыкновенно теряла сознаніе. Берта В... оказалась очень нервной особой, чрезвычайно расположенной къ гипнозу и аналогичнымъ состояніямъ. Приходится такимъ образомъ думать, что предписанными Леви манипуляціями Берта В... впадала въ гипнотическую летаргію *).

Во всѣхъ трехъ приведенныхъ нами случаяхъ преступленіе состояло въ изнасилованіи гипнотизированныхъ женщинъ. Изнасилованія въ дѣйствительности составляютъ громадное большинство всѣхъ преступленій, совершаемыхъ надъ гипнотизированными. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что гипнотическіе опыты совершаются главнымъ образомъ надъ женщинами и половое чувство въ гипнотизерѣ мужчинъ сильнѣе другихъ побужденій. Очень часто гипнотизированіе совершается съ вполне чистыми намѣреніями, половое чувство возбуждается лишь во время процедуръ, ведущихъ къ гипнотическому сну, подъ вліяніемъ близости и прикосновеній гипнотизера къ гипнотизируемой. Затѣмъ возможность осуществленія половыхъ сношеній сравнительно легче, чѣмъ возможность кражи или другихъ преступленій. Тѣмъ не менѣе изнасилованіе не является единственнымъ преступленіемъ, направленнымъ противъ гипнотизированныхъ.

Сюда относятся часто встрѣчающіяся, въ особенности въ Индіи, кражи дѣтей. Существуютъ наблюденія, заставляющія предполагать участіе гипнотизма въ этихъ преступленіяхъ. Дѣти слѣдуютъ повидимому добровольно за своими похитителями. Если случайно встрѣтившійся знакомый ихъ освободитъ, они остаются еще долго съ страннымъ тупымъ выраженіемъ

*) Цитировано у Gilles de la Tourette, стр. 330.

въ лицѣ и не могутъ приходить въ себя. Этихъ дѣтей отда-
ютъ для излѣченія жрецамъ, которые обыкновенно излѣчива-
ютъ ихъ молитвами и разными другими священнодѣйствіями.
Суевѣрія, въ которыхъ дѣти воспитываются въ Индіи, ихъ
страхъ передъ волшебниками, вѣра во всемогущество раз-
ныхъ чудовищъ—все это предрасполагаетъ ихъ къ гипно-
тизаціи. Страхъ парализуетъ ихъ волю. Похититель поль-
зуется этимъ состояніемъ парализованности и заставляетъ дѣ-
тей слѣдовать за собою.

Du Rotet въ своемъ сочиненіи «*Traité de magnetisme ani-
mal*» цитируетъ слѣдующій рассказъ индійскаго врача:

«Въ началѣ іюня 1845 года я проходилъ черезъ базаръ
Hooghly и замѣтилъ довольно значительное скопленіе народа
передъ зданіемъ полицейскаго управленія. Я спросилъ, что
случилось, и мнѣ отвѣтили, что только что былъ арестованъ
человѣкъ, уличенный въ кражѣ ребенка. Я вошелъ въ бюро
и увидѣлъ ребенка, лѣтъ 10—12, сидящаго на колѣняхъ у
человѣка, который, какъ мнѣ сказали, былъ его освободите-
лемъ. Лицо ребенка носило выраженіе ошеломленности, одинъ
глазъ его опухъ, вслѣдствіе чего я приказалъ отвести его въ
больницу. Мнѣ показали также обвиняемаго. Онъ выдавалъ
себя за цирюльника и въ доказательство этого показывалъ
ящикъ съ инструментами, нужными для этого ремесла. Я очень
внимательно осмотрѣлъ этотъ ящикъ, но не нашелъ въ немъ
ничего необыкновеннаго.

«Мальчикъ вскорѣ пришелъ въ себя и рассказалъ мнѣ
безъ всякаго колебанія и съ видомъ полнѣйшей искренности
все, что съ нимъ случилось. Онъ рассказывалъ впослѣдствіи
то же самое нѣсколько разъ чиновникамъ и судьямъ и никогда
ни въ чемъ не измѣнялъ своего рассказа.

«Онъ, по его словамъ, вышелъ утромъ въ сосѣднее поле

и замѣтилъ чужого человѣка, направившагося къ нему съ большой дороги. Произнося разныя заклинанія, этотъ человѣкъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и другой рукой провелъ по его глазамъ, послѣ чего мальчикъ потерялъ сознаніе. Онъ помнитъ только, что чужой человѣкъ увелъ его, не употребляя однако насилій. Мальчикъ чувствовалъ, что онъ принужденъ слѣдовать за чужимъ человѣкомъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ былъ уже у воротъ Шандерангора, въ двухъ миляхъ отъ мѣста встрѣчи съ незнакомцемъ. Что затѣмъ послѣдовало, мальчикъ не могъ сказать.

«Мальчикъ не пилъ, не ѣлъ ничего и не курилъ съ незнакомцемъ. По отзыву всѣхъ знавшихъ его, онъ отличался хорошимъ поведеніемъ и хорошими способностями. За нимъ не примѣчали никакихъ нервныхъ припадковъ и онъ не былъ лунатикомъ.

«Я допросилъ также человѣка, освободившаго мальчика. Онъ разсказалъ, что, встрѣтивъ хорошо знакомаго ему мальчика, слѣдовавшаго за незнакомымъ человѣкомъ, онъ остановилъ его и спросилъ, куда онъ идетъ. Но мальчикъ имѣлъ видъ идіота и ничего не отвѣчалъ. Желая привести его въ чувство, разсказчикъ прыснулъ ему водой въ лицо. Тогда мальчикъ, допрошенный снова, объявилъ, что онъ не знаетъ, для чего онъ здѣсь, что онъ принужденъ былъ слѣдовать за незнакомцемъ. Разсказывая это, мальчикъ упалъ и повредилъ себѣ глазъ. Пользуясь этимъ, незнакомецъ попытался убѣжать, но былъ во время задержанъ и отправленъ въ Hooghly.

«Цирюльникъ при допросѣ разсказалъ, что онъ встрѣтилъ плачущаго ребенка, заблудившагося въ полѣ, и предложилъ ему слѣдовать за нимъ. Онъ, цирюльникъ, хотѣлъ привести ребенка къ бюро полиціи, гдѣ нашлись-бы люди, которые могли-бы его отвести домой. Противорѣчіе въ показаніяхъ и

странность факта привлекли мое вниманіе. Я заинтересовался вопросом, на чьей сторонѣ правда. Ремесло обвиняемаго говорило въ пользу его виновности. Я часто слыхалъ, что цирюльники въ Индіи нерѣдко усыпляли своихъ кліентовъ во время скучной операціи бритья и что они могли заставлятъ усыпленныхъ ими лицъ слѣдовать за собою. Я говорилъ себѣ, что цирюльники во всѣхъ странахъ отличаются наблюдательностью и ловкостью. Ихъ занятіе приводитъ ихъ въ крайне тѣсное прикосновеніе съ лицомъ, частью тѣла, наиболѣе подходящей для магнетизаціи. Очень возможно, что съ теченіемъ вѣковъ искусство магнетизаціи стало принадлежностью ремесла цирюльниковъ».

Esdaille (разсказчикъ предыдущаго) произвелъ тогда рядъ опытовъ, убѣдившихъ его въ томъ, что такое похищеніе дѣтей помощью магнетизма вполне возможно. Въ то время гипнотическія явленія еще были очень мало изучены и Esdail'ю приходилось изучать самому эти явленія на цѣломъ рядѣ больныхъ арестантовъ. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ онъ повторилъ передъ судомъ, который такимъ образомъ убѣдился, что похищеніе было возможно, и присудилъ цирюльнику къ девяти годамъ каторжныхъ работъ. Этотъ приговоръ былъ однако же смягченъ правительствомъ.

Въ Европѣ кража дѣтей практикуется, конечно, чрезвычайно рѣдко. Во первыхъ, въ странѣ съ хорошо организованной полиціей похитителямъ трудно на долго укрыть свою добычу, во вторыхъ, изъ похищеннаго ребенка у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можно сдѣлать выгодное употребленіе. Гораздо чаще странствующие шарлатаны практикуютъ похищенія молодыхъ дѣвушекъ, пригодныхъ для «магнетическихъ представленій». Гипнотизеръ встрѣчаетъ такихъ «хорошихъ медіумовъ» чаще всего среди истеричныхъ женщинъ. Если дѣвушка

имѣть длинныя волосы, голубые глаза и «интересное» лицо, она является для магнетизера подходящей добычей, которая уже отъ него не ускользнетъ. При случаѣ онъ предлагаетъ ей усыпить ее. Отчасти изъ любопытства, отчасти польщенная вниманіемъ, которое ей оказываетъ извѣстный магнетизеръ, она соглашается. Эти опыты повторяются нѣсколько разъ. Во время ея сна онъ внушаетъ ей желаніе путешествовать съ нимъ. При пробужденіи онъ повторяетъ предложеніе путешествовать съ нимъ въ качествѣ медиума, предлагаетъ ей деньги и подѣ влияніемъ произведеннаго гипнотическаго внушенія дѣвушка соглашается на его условія и становится въ буквальный смыслъ слова его рабой.

Обратимся теперь къ юридическому изслѣдованію разсмотрѣнныхъ преступленій.

Если какія нибудь дѣйствія, совершенныя надъ человѣкомъ, находящимся въ нормальномъ состояніи, не преслѣдуются закономъ, то эти дѣйствія, вообще говоря, не могутъ считаться преступными и тогда, когда лицо, надъ которымъ они совершаются, находится въ гипнотическомъ снѣ. Точно также, можно общимъ образомъ сказать, что преступленія противъ гипнотизированныхъ лицъ не должны наказываться строже, чѣмъ преступленія, направленныя противъ людей, находящихся въ нормальномъ состояніи. И дѣйствительно, никакой судья не присудитъ болѣе строгаго наказанія за воровство лишь потому, что это воровство совершено у лица, находившагося въ гипнозѣ. За побои, нанесенные загипнотизированному, наказаніе будетъ не строже, чѣмъ за побои, нанесенные человѣку въ нормальномъ состояніи. Въ этихъ случаяхъ законодательству вовсе не приходится считаться съ гипнотизмомъ *).

*) Тутъ мы имѣемъ въ виду лишь тѣ случаи, гдѣ преступникъ пользуется для совершенія преступленія уже готовымъ гипнозомъ.

представляется сложнѣе и для судебной практики гораздо затруднительнѣе, когда дѣло идетъ о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ, т. е. такихъ преступленіяхъ въ которыхъ важную роль играетъ моментъ согласія потерпѣвшей. Тутъ очень трудно бываетъ установить наличность этого момента и опредѣлить степень вліянія, которое гипнозъ оказываетъ на свободу рѣшенія и выраженія воли. Слѣдуетъ вообще различать преступленія противъ лицъ, погруженныхъ въ катаlepsію или летаргію, и преступленія противъ лицъ, находящихся въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма, у которыхъ воспріимчивость значительно усилена.

Въ первомъ случаѣ объектъ преступленія совершенно лишёнъ сознанія того, что съ нимъ совершается, и стало быть, не въ состояніи выражать ни согласія, ни протеста относительно чего-бы то ни было. Если половое сношеніе имѣло мѣсто съ женщиной, находящеюся въ этомъ состояніи, то не представляется никакихъ затрудненій относительно квалификаціи преступленія, такъ какъ тутъ отсутствуетъ моментъ согласія, который не возможенъ въ состояніи гипнотической летаргіи или катаlepsіи. Такое преступленіе вполне подходитъ подъ понятіе изнасилованія и представляетъ, какъ по нашему законодательству, такъ и по иностраннымъ, квалифицированный видъ изнасилованія. Именно по нашему законодательству «наказаніе возвышается одною степенью.... когда изнасилованіе учинено надъ лицомъ, приведеннымъ *въ состояніе безпамятства или неестественнаго сна* насилующимъ или по его распоряженію » *) (ст. 1526 ул. о нак.). Изъ приведенныхъ

Насколько актъ гипнотизированія самъ по себѣ преступенъ, будетъ разсмотрѣно въ особой главѣ.

*) Повышеніе наказанія, требуемое этою статьею, не находится въ противорѣчій съ нашимъ взглядомъ, по которому преступленія надъ гипнотизированными не должны быть наказуемы

нами выше примѣровъ сюда относится, вѣроятно случай Леви изъ Руана и случай магнетизера С. изъ Марсели.

Вопросъ становится, однако, гораздо сложнее, если женщина, съ которою совершенно совокупленіе, находилась въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма и была такимъ образомъ доступна гипнотическимъ внушеніямъ. Въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма человѣкъ владѣетъ сознаніемъ, онъ имѣетъ и свою волю; вопросъ лишь въ томъ, насколько эта воля свободна. Мы уже въ прошлой главѣ рѣшили этотъ вопросъ отрицательно, основываясь на многочисленныхъ наблюденіяхъ надъ гипнотизированными. Если у человѣка, находящагося въ стадіи сомнамбулизма, и имѣется воля, то эта воля, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, можетъ быть во всякое время поработана гипнотизеромъ-внушителемъ. Мы видѣли, что внушеніемъ можно побудить гипнотизированнаго къ *совершенно* поступковъ, которыхъ онъ въ нормальномъ состояніи ужаснулся-бы. Ясно, что пассивное поведеніе еще легче достижимо у гипнотизированнаго, чѣмъ активное дѣйствіе, а для совершенія совокупленія, со стороны женщины необходимо только первое. Усиленіе воспріимчивости, идущее рука объ руку съ гипнотизированіемъ, уничтожаетъ въ большинствѣ случаевъ всю индивидуальность гипнотизированной, лишаетъ ее свободы рѣшеній и дѣлаетъ столь-же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ гипнотизера, «какъ посохъ въ рукахъ странника». Внушеніемъ пользовался, вѣроятно, и Кастелянъ для изнасилованія Жозефины, и судъ своимъ приговоромъ

строже, чѣмъ преступленія, совершенныя надъ нормальн. людьми. Повышеніе наказанія должно быть отнесено къ факту *приведенія* въ гипнотическое состояніе. Ст. 1526 говоритъ не о насиліи надъ женщиной, *находящейся* въ такомъ то состояніи, а о женщинахъ, *приведенныхъ* въ это состояніе насилующимъ или по его распоряженію.

надъ нимъ сталъ на ту точку зрѣнія, что Жозефина, хотя и поддавала сознаниѣмъ, двигалась и говорила, однако находилась вполне въ рукахъ своего мучителя и не *могла* ему оказать никакого сопротивленія.

Все было-бы такимъ образомъ очень просто. Женщина, находящаяся въ стадіи гипнотическаго сомнамбулизма, имѣетъ не болѣе свободы воли, чѣмъ женщина, погруженная въ летаргію или каталепсію, и всякій, пользующійся ея состояніемъ для удовлетворенія своихъ прихотей, долженъ быть наказанъ, какъ виновный въ изнасилованіи. Но ясность при юридической оцѣнкѣ этого рода преступленій существуетъ только въ теоріи и мало можетъ служить судебной практикѣ. На практикѣ все дѣло значительно осложняется тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ невозможно будетъ рѣшить, имѣемъ-ли мы дѣло съ гипнотическимъ внушеніемъ или съ обыкновеннымъ обольщеніемъ—стараніемъ склонить женщину, уговариваніемъ, лестью и т. д. Въ сущности во всякомъ фактѣ паденія женщины, какъ результатъ обольщенія, мы имѣемъ дѣло съ внушеніемъ обольстителя. Если легкомысленная молодая дѣвушка, поддавшись на упрощиванія какого нибудь Донъ-Жуана, отдается ему въ недобрую минуту, то такого рода обольщеніе, конечно, не можетъ подлежать вѣдѣнію карательнаго закона, хотя бы обольститель вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ надъ обольщенной власть гипнотизера. Не надо при этомъ забывать, что женщина, легко поддающаяся въ гипнозъ, обыкновенно склонна къ преувеличеніямъ и находится уже помимо внушеній и гипнотизированій подъ очень сильнымъ вліяніемъ гипнотизера. Какъ разобрать въ подобныхъ случаяхъ—послѣдовало-ли согласіе женщины подъ вліяніемъ обыкновенныхъ увѣщаній со стороны искусителя, или-же это согласіе было вынуждено гипнотическимъ внушеніемъ? Приобрѣвшій большую извѣстность случай Кастеляна,

приведенный нами выше, всѣми объясняется такимъ образомъ, что Кастелянъ усыпилъ Жозефину и внушилъ ей склонность къ себѣ. Кастелянъ былъ хромой, безобразный и грязный нищій, которымъ никакая дѣвушка не могла-бы увлечься; онъ велъ себя крайне таинственно и прямо называлъ себя магнетизеромъ; онъ изобличилъ себя, заставляя Жозефину продолжать рядъ странныхъ дѣйствій, которыя всѣ присутствующіе должны были приписать неестественному состоянію, наведенному на нее незнакомцемъ. Въ этомъ случаѣ нетрудно было доказать всю преступность поведенія Кастеляна. Но представимъ себѣ, что Кастелянъ здоровый, красивый молодой человѣкъ, имѣющій успѣхъ у женщинъ, что онъ ведетъ себя самымъ обыкновеннымъ образомъ, не возбуждая никакихъ подозрѣній, — въ этомъ случаѣ всѣ считали бы паденіе Жозефины самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и виною всему оказалась бы легкомысленность дѣвушки, ея горячая кровь и т. д. Жозефинѣ самой тоже не пришло-бы на мысль обвинять Кастеляна въ чемъ либо преступномъ по закону.

Но не въ томъ тутъ дѣло, что Кастеляна нельзя было-бы *изобличить* въ совершенномъ имъ преступленіи — мы увидимъ ниже, какимъ путемъ можно устранить трудности подобныхъ изобличеній — дѣло въ томъ, что и при извѣстности всѣхъ фактовъ, трудно рѣшить, имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ обыкновеннымъ обольщеніемъ или съ гипнотическимъ внушеніемъ, въ особенности, если мы припомнимъ, что внушеніе можетъ быть произведено и на яву безъ всякихъ бросающихся въ глаза приготовленій. При обыкновенномъ обольщеніи обвиняемый будетъ пользоваться презрѣніемъ всѣхъ честныхъ людей, но будетъ находиться внѣ преслѣдованій закона; при гипнотическомъ внушеніи, онъ долженъ быть наказанъ за изнасилованіе. Фактъ тотъ, что пока обыкновенно

новенные обольстители молодых дѣвушекъ не наказываются закономъ, до тѣхъ поръ и большинство гипнотизеровъ, пользующихся своимъ искусствомъ для удовлетворенія своихъ прихотей, должны оставаться безнаказанными—въ виду большой трудности, часто даже невозможности установить наличность преступленія. *)

И теперь уже можно насчитать много случаевъ изъ судебной практики, въ которыхъ обвиняемые въ изнасилованіи гипнотизеры должны были быть оправданы, потому что участие гипнотизма при ослабленіи сопротивленія со стороны женщины не могло быть доказано. Для примѣра приведемъ слѣдующій случай, цитированный Лиліенталемъ въ его сочиненіи: «Der Hypnotismus und das Strafrecht» **).

«Въ іюлѣ 1881-го года къ нѣмецкому пастору въ Chaux de Fonds явилась молодая дѣвушка Марія Ф. изъ Цюриха, съ просьбой, чтобы, въ виду ея беременности, онъ похлопоталъ о принятіи ея въ бернское заведеніе для рожде-

*) Въ старинныхъ законодательствахъ, а также и по прежнимъ нашимъ законамъ, при существованіи формальной силы доказательствъ, для наличности обвиненія въ изнасилованіи требовались особыя доказательства насилія, составляющаго необходимый признакъ этого преступленія. Такъ, нашъ воинскій уставъ (арт. 166) требовалъ доказательствъ того, что жертва кричала и призывала на помощь, или чтобы насильственные дѣйствія оставили слѣды на тѣлѣ изнасилованной, причемъ толкованіе къ этому артикулу объясняетъ, что эти условія необходимы для того, чтобы не дать „сквернымъ женщинамъ, когда въ своихъ скверностяхъ иногда многія скверности учинять, обвинять людей въ томъ, что насильствомъ чести своей лишены и насильствованы“. Эти же правила о доказательствахъ насилія при изнасилованіи вошли и въ сводъ законовъ, изд. 1842 г. Нынѣ установленіе обстоятельствъ изнасилованія и опредѣленіе факта насилія представлено свободному усмотрѣнію суда. (Женщина въ правѣ, Я. Оровича, „Юридическая Библіотека“, № 4).

**) Стр. 76. Цитировано по Ladame: „La nevrose hypnotique devant la médecine légale“.

ницъ. Она рассказала, что въ ночь на Рождество 1880-го года Луи V., молодой человекъ, часто «магнетизировавший» ее, изнасиловалъ ее, предварительно погрузивъ ее въ магнетическій сонъ. «Магнетизированіе» было произведено на кухнѣ помимо ея согласія. По истеченіи нѣкотораго времени она пришла въ себя и замѣтила, что лежитъ на кровати вмѣстѣ съ V. Она попыталась оттолкнуть его, но у нея для этого не хватило силы. Когда V. замѣтилъ ея сопротивленіе, онъ ее усыпилъ еще разъ и на этотъ разъ еще глубже; она хотѣла кричать, но не могла. Dr. Ladame, который былъ выслушанъ слѣдователемъ въ качествѣ эксперта, высказался въ томъ смыслѣ, что показанія Ф. не противорѣчатъ тому, что извѣстно наукѣ о гипнотическомъ состояніи. По его мнѣнію гипнозъ уничтожаетъ всякую возможность сопротивленія. Ф. оказывается субъектомъ, очень легко впадающимъ въ гипнозъ. Насколько однако ея рассказъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, сказать трудно. Если воспоминаніе того, что совершается во время гипнотического сна, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и можетъ быть сохранено, то съ другой стороны, эти воспоминанія носятъ настолько смутный характеръ, что они не могутъ служить доказательствомъ виновности V. если даже показанія Ф. и сдѣланы вполне искренно. V. былъ оправданъ».

Если участіе гипнотизма при изнасилованіи и установлено, то для опредѣленія степени наказанія необходимо также знать, совершено-ли гипнотизированіе съ цѣлью изнасиловать гипнотизированную, или-же, какъ это часто случается, преступное намѣреніе возникло у гипнотизера лишь тогда, когда его жертва находилась уже въ гипнотическомъ снѣ. Что рѣшеніе этого вопроса въ большинствѣ случаевъ совершенно невозможно, понятно само собою.

Въ приведенномъ выше случаѣ, сообщенномъ д-ромъ Ла-

dam'омъ, обвиненіе было возбуждено жертвой насилія, сохранившей воспоминаніе о совершившемся во время гипнотического сна. Это однако возможно только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Большой частью гипнотизированные забываютъ все, происходившее во время гипнотического сна, и сами не въ состояніи указать виновнаго.

Въ такомъ-же положеніи находятся и женщины, подверженные припадкамъ естественнаго сомнамбулизма. Во время такихъ припадковъ женщины часто подвергаются насиліямъ, о которыхъ онѣ въ нормальномъ состояніи ничего не знаютъ. Gilles de la Tourette сообщаетъ слѣдующій случай:

«Марія С... страдала припадками естественнаго сомнамбулизма. Ея служанка, отличавшаяся крайней испорченностью, замѣтила, что молодая женщина, по своемъ пробужденіи, ничего не помнитъ о происшедшемъ во время припадковъ. Пользуясь этимъ, она привела во время припадка въ комнату Маріи С... знакомаго ей молодого человѣка, который обошелся съ ней самымъ звѣрскимъ, возмутительнымъ образомъ. По пробужденіи Марія С. ничего не знала о происшедшемъ, но нѣсколько дней спустя съ ней случился новый припадокъ сомнамбулизма, во время котораго она вспомнила ужасныя событія прошлаго припадка и рассказала обо всемъ своей матери» *).

Насиліе, употребленное надъ женщиной, находящейся въ припадкѣ сомнамбулизма, должно быть, конечно, наказуемо въ такой же мѣрѣ, какъ и преступленія, направленные противъ гипнотизированныхъ, при которыхъ гипнозъ не былъ вызванъ преступникомъ. Тѣ практическія затрудненія, о которыхъ была рѣчь выше, встрѣтятся намъ и здѣсь. Интересенъ въ этомъ от-

*) Gilles de la Tourette: «De l'hypnotisme etc.», стр. 368.

ношеніи слѣдующій случай, цитированный у Лиліенталя и у Gilles de la Tourette.

«M-lle L., дочь богатыхъ родителей, жившихъ на югѣ Франціи, присутствовала однажды, въ возрастѣ 21 года, при одной ужасной сценѣ, произведшей на нее столь сильное впечатлѣніе, что она начала страдать истерическими припадками, отличавшимися необыкновенной силою и продолжительностью и не поддававшимся никакому способу лѣченія. Молодой врачъ, д-ръ X. сталъ, наконецъ, лѣчить ее гипнотизмомъ, и ему удалось вылѣчить M-lle L. Она вышла въслѣдствіи замужъ за нелюбимаго человѣка, продолжавшаго и въ своей супружеской жизни развратный образъ жизни, который онъ велъ до брака. У молодой жены вернулись ея нервныя припадки, и она снова обратилась къ д-ру X., который опять сталъ лѣчить ее гипнотизмомъ. На этотъ разъ эта метода не сопровождалась такимъ успѣхомъ, какъ прежде, но д-ру X. удавалось превращать каждый истерическій припадокъ своей пациентки въ мирный и спокойный сомнамбулизмъ. Госпожа В. (урожденная L...) не помнила ничего изъ того, что совершалось во время ея припадковъ. Въ этомъ сомнамбулическомъ состояніи она полюбила д-ра X. и стала его любовницей. Во время долгаго отсутствія ея мужа она забеременѣла. Впродолженіе своихъ припадковъ она знала о своемъ состояніи и не особенно огорчалась имъ, но при пробужденіи она не могла объяснить себѣ произошедшей съ нею перемѣны и все просила у д-ра X. средствъ противъ своей мнимой болѣзни. Когда, наконецъ, ея положеніе ей стало ясно, она была настолько потрясена, что впала въ умопомѣшательство, увѣряла, что дьяволъ ее посѣщаетъ по ночамъ и заставляла стеречь ея комнату. Она родила ребенка, жившаго только нѣ-

сколько дней. Ее принуждены были отвести въ больницу, гдѣ ей все казалось, что она преслѣдуема злыми духами».

Поведеніе д-ра X, воспользовавшагося слабостью своей паціентки, конечно, крайне предосудительно, и онъ врядъ-ли въ комъ нибудь найдетъ защитника, но его нельзя будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, такъ какъ онъ совершилъ только то, что множество людей совершаютъ, оставаясь вполнѣ безнаказанными. Вся вина д-ра X. заключается въ томъ, что онъ не различалъ сомнамбулистическаго состоянія отъ обыкновеннаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гипнотизированные свидѣтели.

Мы уже упомянули выше, что въ гипнозѣ воспримчивость усилена до того, что гипнотизированный принимаетъ представленія, приходящія извнѣ, за ощущенія своихъ собственныхъ органовъ чувствъ. На этомъ основано вызываніе галлюцинацій у гипнотизированныхъ. «Въ этомъ отношеніи могущество гипнотизера превосходитъ все, что только можно себѣ вообразить. По мановенію его руки передъ гипнотизированнымъ проходятъ Богъ, ангелы, святые, умершія или отсутствующія лица. По желанію гипнотизера, гипнотизированный видитъ рай или адъ, слышитъ небесную музыку или присутствуетъ при адскомъ концертѣ, видитъ себя перенесеннымъ на какой угодно пунктъ земли и даже какой нибудь другой планеты. За самыми пріятными видѣніями могутъ внезапно слѣдовать самыя страшныя галлюцинаціи. Цвѣтущій садъ съ тѣнистыми аллеями, роскошною зеленью, журчащими фонтанами какъ-бы по мановенію волшебной палочки превращается въ грозный ландшафтъ горныхъ вершинъ. Всѣ условія времени и мѣста исчезаютъ для пораженнаго гипнотизированнаго» *).

Онъ видитъ вещи, которыя на самомъ дѣлѣ въ данный моментъ не существуютъ, или замѣчаетъ явленія,

*) Liégeois: „de la suggestion“, стр. 42.

которыя въ дѣйствительности не происходятъ, (*положительныя* галлюцинаціи). Или, наоборотъ, *не видитъ* вещей, находящихся предъ нимъ, и не замѣчаетъ явленій, происходящихъ вокругъ него (*отрицательныя* галлюцинаціи). Тѣ и другія можно вызвать двоякимъ образомъ: 1) давая тѣлу гипнотизированнаго извѣстныя положенія, 2) словеснымъ внушеніемъ.

Если человѣку, находящемуся въ гипнозѣ, придать положеніе молящагося, то онъ вообразить себя въ церкви и обычною ассоціаціею представленій онъ увидитъ также молящуюся толпу, услышитъ звуки органа, пѣніе церковнаго хора или проповѣдь священника. Если придать его рукѣ такое положеніе, какое рука обыкновенно принимаетъ, когда она держитъ птицу, то онъ увидитъ птицу и почувствуетъ ее въ своей рукѣ. Придавая тѣлу гипнотизированнаго положеніе плавающего человѣка, можно вызвать въ немъ представленіе, что онъ купается. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ галлюцинаціи будутъ относительно просты, т. е. не будутъ распространяться на цѣлый комплексъ явленій, которыя желалъ-бы вызвать экспериментаторъ.

Несравненно совершеннѣе тѣ галлюцинаціи, которыя вызваны словеснымъ внушеніемъ. Здѣсь власть экспериментатора неограничена. *Fogel* говоритъ: «Посредствомъ внушенія можно произвести всѣ извѣстныя намъ субъективныя явленія человеческой души и большую часть объективно извѣстныхъ функций нервной системы; можно на нихъ вліять, ихъ устранять, задержать, измѣнять, парализовать, возбудить».

Нѣтъ почти ни одной области явленій, которыя были бы совершенно недоступны вліянію внушенія. Внушеніе можетъ измѣнять существующія склонности и желанія, симпатіи и антипатіи, нравственные чувства, черты характера, настрое-

ніе духа. Внушеніе можетъ вліять на увеличеніе разсудочныхъ способностей, на обостреніе и усиленіе умственныхъ функцій и функцій органовъ чувствъ.

Въ особенности замѣчательно *измѣненіе личности* (*objectivation des types*), производимое внушеніемъ. Гипнотику внушаютъ, что вмѣсто него другое лицо—старикъ, ребенокъ, особа другого пола, животное, историческая личность, неодушевленный предметъ. Гипнотикъ входитъ вполне въ роль замѣняющаго его личность лица и чувствуетъ, и говоритъ, и думаетъ, и вообще ведетъ себя такъ, какъ долженъ былъ бы себя вести то лицо, въ которое его превратили, дополняя такимъ образомъ внушеніе цѣлымъ рядомъ весьма сложныхъ и разнообразныхъ чувствъ и дѣйствій, отвѣчающихъ образу, который ему внушенъ. Такъ, будучи превращенъ въ священника, гипнотикъ начинаетъ молиться, воображая что у него въ рукахъ молитвенникъ; будучи превращенъ въ дѣвушку, начинаетъ шить иголкой, воображая, что у него въ рукахъ матерія; будучи обращенъ въ собаку, становится на четвереньки, подражаетъ собачьему лаю и т. д. Воспроизводя такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ и словахъ образъ внушеннаго лица, гипнотикъ часто обнаруживаетъ большую наблюдательность, остроуміе, настоящій художественный талантъ. Разумѣется, степень художественной вѣрности при воспроизведеніи внушеннаго типа будетъ зависѣть отъ способностей и качествъ субъекта.

Возможно внушить гипнотику не чуждую личность, а его собственную въ извѣстный періодъ его прошлой жизни. Ріегге Jouetъ рассказываетъ интересный случай. Одной истеричной женщины въ 1889 г. внушили, что теперь 1886 годъ. Съ нею начинаются галлюцинаціи, она жалуется, что ей дурно, что ей тяжело ходить, и животъ ея начинаетъ вздуваться. Ока-

вызывается, что въ 1886 г. она была беременна и внушеніемъ вызвана полная картина ея тогдашняго состоянія посредствомъ галлюцинацій беременности, выразившейся и въ тимпатическомъ вздутіи живота отъ внезапно развившагося истерическаго метеоризма.

Примѣромъ положительной галлюцинаціи, достигнутой посредствомъ словеснаго внушенія, можетъ служить слѣдующій интересный опытъ, произведенный въ Salpêtrière и сообщенный Gilles de la Tourette *):

«Мы беремъ десять листовъ бѣлой бумаги, настолько сходныхъ между собою, что нѣтъ никакой возможности отличить одинъ отъ другого. Мы выбираемъ одинъ листъ и, чтобы узнать его въ послѣдствіи, отмѣчаемъ его знакомъ, незамѣтнымъ для С., которая служитъ намъ субъектомъ въ нашихъ опытахъ. Затѣмъ мы ей показываемъ этотъ листъ и говоримъ ей: «Вотъ вамъ портретъ господина Х., знакомаго вамъ; онъ одѣтъ такъ-то; я вамъ даю этотъ портретъ и вы должны его узнать и по пробужденіи». Мы настаиваемъ на продолженіи галлюцинаціи, потому что въ противномъ случаѣ внушеніе могло-бы дѣйствовать только во время сна. Затѣмъ мы смѣшиваемъ всѣ 10 листовъ и будимъ С. Опытъ каждый разъ оканчивается одинаково удачно: С. постоянно выбираетъ тотъ листъ, который она считаетъ за портретъ господина Х., затѣмъ она тщательно прячетъ воображаемый портретъ, говоря: «я давно уже хотѣла имѣть этотъ портретъ; надѣюсь, что вы мнѣ его дарите».

«Замѣтимъ при этомъ, что галлюцинація можетъ продолжаться почти безконечно долго. W., напр., истеричная больная изъ отдѣленія Шарко, собираетъ такимъ образомъ цѣлую коллекцію портретовъ, которые она отъ времени до времени разсматриваетъ съ большимъ удовольствіемъ».

*) Gilles de la Tourette: „De l'hypnotisme etc.„ стр. 124.

«Намъ очень легко замѣнить портретъ господина Х. самимъ оригиналомъ. Мы говоримъ С.: «При вашемъ пробужденіи вы увидите возлѣ себя господина Х., вы можете говорить съ нимъ, онъ васъ будетъ сопровождать, когда вы выйдете изъ комнаты». Затѣмъ мы ее будимъ. «Господинъ Х.,— говоритъ она,— какъ вы поживаете»? Х., разумѣется, не отвѣчаетъ. «Почему вы ничего не отвѣчаете? Обыкновенно вы гораздо любезнѣе». Молчаніе. «Но отвѣчайте же мнѣ наконецъ!» Она начинаетъ сердиться. «Что это сегодня съ господиномъ Х.? Онъ ничего не говоритъ. Вѣдь не онѣмѣлъ-же онъ? Мнѣ это впрочемъ безразлично, я уйду; съ какой стати я буду любезна къ нему, когда онъ такъ неприлично ведетъ себя!» Она уходитъ. Внушеніе, конечно, продолжаетъ дѣйствовать, и она видитъ Х., слѣдующаго за ней. Она начинаетъ волноваться, обращается къ Х. въ грубыхъ выраженіяхъ, ея лицо выражаетъ изумленіе и испугъ. Образъ Х. дѣйствуетъ на нее, какъ постоянный кошмаръ, и чтобы избѣжать истерическаго припадка, которымъ эта сцена легко могла-бы закончиться, мы ее снова усыпляемъ и освобождаемъ ее отъ непріятнаго внушенія».

Интереснымъ примѣромъ отрицательной галлюцинаціи можетъ служить слѣдующій опытъ, произведенный Бине и Ферэ *).

«Мы говоримъ больной, находящейся въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма, что она по своемъ пробужденіи не съумѣетъ видѣть господина Ф., но будетъ слышать его голосъ. По ея пробужденіи Ф. становится прямо передъ ней, но она его не видитъ. Онъ протягиваетъ ей руку, она не шевелится. Она спокойно сидитъ въ креслѣ, въ которомъ она проснулась, мы сидимъ недалеко отъ нея и ждемъ, что бу-

*) Цитировано по Липіенталю: „Der Hypnotismus und das Strafrecht“ стр. 24.

доть. Черезъ нѣсколько времени больная выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что она не видитъ господина Ф., который сію минуту до того еще находился въ лабораторіи, и спрашиваетъ, что съ нимъ случилось. Мы отвѣчаемъ, что Ф. вышелъ и говоримъ ей, что она можетъ вернуться въ свою палату. Въ это время Ф. становится передъ дверью. Больная поднимается, прощается съ нами и направляется къ двери. Въ то мгновеніе, когда она хочетъ взяться за ручку, она наталкивается на невидимое тѣло Ф. Этотъ неожиданный толчекъ заставляетъ ее содрогнуться, она снова пытается по-двинуться впередъ, но, встрѣчая опять невидимое и непонятное сопротивленіе, приходитъ въ ужасъ и ни за что не хочетъ подойти снова къ двери.

«Мы беремъ со стола шляпу и показываемъ ее больной; она видитъ ее, конечно, очень ясно и убѣждается еще къ тому осязаніемъ, что это дѣйствительный предметъ, затѣмъ мы надѣваемъ эту шляпу на господина Ф. Больная видитъ шляпу какъ-бы висящей въ воздухѣ. Трудно передать ту степень изумленія, которое рисуется на ея лицѣ при видѣ этого необыкновеннаго явленія. Это изумленіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда Ф. снимаетъ шляпу и нѣсколько разъ кланяется больной. При видѣ этого она объявляетъ, что тутъ кроется фокусъ и шляпа виситъ вѣроятно на ниткѣ. Она становится на стулъ, чтобы ощупать нитку, которой она, конечно, не находитъ. Мы беремъ затѣмъ пальто и даемъ его Ф., который его надѣваетъ на себя. Больная, рассматривающая внимательно пальто, замѣчаетъ, что оно самостоятельно движется въ воздухѣ и принимаетъ форму человѣка. «Это,—говоритъ она,—кукла, пустая изнутри». По данному нами сигналу мебель начинаетъ двигаться и съ шумомъ перекатывается изъ одного угла комнаты въ другой (ихъ дви-

гаеть, разумѣется, невидимый господинъ Ф). Стулья и столы падаютъ, сами собою, затѣмъ за хаосомъ слѣдуетъ порядокъ: каждая вещь становится опять на надлежащее мѣсто. Разрозненные кости черепа, разсыпанные по землѣ, соединяются въ должномъ порядкѣ и затѣмъ снова летятъ по комнатѣ; кошелекъ открывается самъ собою и оттуда медленно вылетаютъ золотыя и серебряныя монеты.

«Мы просимъ больную сѣсть снова на свой стулъ, мы садимся подлѣ нея и предпринимаемъ опыты болѣе мирнаго характера: мы хотимъ видѣть, какимъ образомъ больная станетъ объяснять нѣкоторыя явленія, проистекающія отъ невидимости господина Ф. Онъ становится позади ея стула и въ то время, когда она спокойно говоритъ съ нами, дотрагивается къ ея лбу, носу, щекамъ и подбородку. Каждый разъ больная спокойно, безъ малѣйшаго выраженія испуга подноситъ руку къ лицу. Когда мы ее спрашиваемъ, для чего она это дѣлаетъ, она отвѣчаетъ, что она чувствуетъ чесотку и боль. Мы просимъ ее сильно ударить кулакомъ по воздуху. Въ тотъ моментъ, когда она поднимаетъ руку, чтобы размахнуться, Ф. схватываетъ эту руку и крѣпко держать ее. «Что съ вами?» — спрашиваемъ мы. — «Судорога», отвѣчаетъ она. Такимъ образомъ она всегда находитъ отвѣтъ. Она объясняетъ все, объясняетъ во чтобы то ни стало. Эта потребность объяснять непонятныя явленія, существующая и въ нормальномъ состояніи, достигаетъ крайнихъ предѣловъ при опытахъ, касающихся гипнотическихъ внушеній».

Мы знаемъ, что человѣку, находящемуся въ гипнозѣ, можно внушить поступокъ, который тотъ долженъ совершить не во время гипнотическаго сна и не тотчасъ по пробужденіи, а лишь по прошествіи опредѣленнаго, иногда довольно значительнаго промежутка времени. Такое внушеніе на срокъ мо-

жетъ быть сдѣлано и по отношенію къ галлюцинаціямъ. Можно внушить человѣку, что онъ по прошествіи извѣстнаго времени долженъ увидѣть такіе-то предметы, услышать такіе-то звуки и т. д. Это интересное явленіе, упомянутое уже нами мимоходомъ въ первой главѣ, было внимательно изучено разными наблюдателями.

Бернгеймъ сообщаетъ слѣдующее наблюденіе *).

«Въ августѣ 1883-го года я спрашиваю отставного сержанта Р., находившагося въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма, въ какой день первой октябрьской недѣли онъ свободенъ. Онъ отвѣчаетъ: «въ среду». — «Хорошо, слушайте теперь внимательно. Въ среду первой октябрьской недѣли вы отправитесь къ д-ру Ліебо, тамъ вы найдете президента республики, который вамъ дастъ медаль и пенсію». — «Я буду тамъ», отвѣчаетъ сержантъ. Мы объ этомъ больше не говоримъ и при пробужденіи онъ не помнитъ ничего. Послѣ этого онъ приходилъ еще нѣсколько разъ ко мнѣ, я вызывалъ у него новыя галлюцинаціи, не напоминая ему ничѣмъ августовскаго внушенія. 3-го октября (63 дня послѣ произведенія внушенія) я получаю отъ д-ра Ліебо слѣдующее письмо: «Сержантъ С. явился ко мнѣ сегодня въ 10 часовъ и 50 минутъ. Поклонившись при входѣ господину Ф., стоявшему ему по дорогѣ, онъ направился къ лѣвой сторонѣ моей библіотеки, не обращая никакого вниманія на присутствовавшихъ въ комнатѣ лицъ. Тамъ онъ остановился, почтительно поклонился, и я услышалъ слова: «ваше превосходительство!» Такъ какъ онъ говорилъ очень тихо, то я подошелъ къ нему ближе; въ эту минуту онъ протянулъ правую руку и проговорилъ: «благодарю, ваше превосходительство!» Я его спросилъ, съ кѣмъ

*) Bernheim: „De la suggestion“ стр. 48.

онъ разговариваетъ. «Разумѣется, съ г. президентомъ республики», отвѣтилъ онъ мнѣ. Передъ нимъ, конечно, никого не было. Онъ еще разъ обратился къ библіотекѣ и поклонился на прощаніе. Затѣмъ онъ опять прошелъ мимо господина Ф. Свидѣтели этой странной сцены спросили меня, конечно, по уходѣ сержанта, кто былъ этотъ помѣшанный. Я отвѣтилъ имъ, что человѣкъ, котораго они видѣли, настолько-же владѣетъ своимъ умомъ, какъ мы всѣ, но что въ немъ дѣйствовало чуждое ему существо».

«Р. увѣрялъ меня впоследствии, что мысль отправиться къ Ліебо явилась ему внезапно 3-го октября утромъ, въ 10 часовъ, что за день до того онъ еще не имѣлъ понятія о предстоящей ему сценѣ, и что даже по пути къ Ліебо онъ еще ничего не зналъ о томъ, кого онъ тамъ долженъ встрѣтить».

Объ опытѣ съ еще болѣе значительнымъ промежуткомъ времени между внушеніемъ и галлюцинаціей сообщаетъ Бонисъ *).

«14-го іюля 1884-го года, послѣ обѣда, я привелъ m-Ne А. Е. въ состояніе гипнотическаго сна и сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе (я привожу замѣтку, сдѣланную мною въ моей тетради):

«1-го января 1885-го года, въ десять часовъ утра, вы меня увидите; я приду поздравить васъ съ новымъ годомъ; пожелавши вамъ всего хорошаго, я уйду».

1-го января 1885-го года я находился въ Парижѣ (m-Ne А. Е. живетъ въ Нанси). Я никому ничего не говорилъ о сдѣланномъ мною внушеніи.

М-Ne А. Е. рассказала одной изъ своихъ подругъ въ тотъ-же день, а впоследствии мнѣ, д-ру Ліебо и другимъ лицамъ слѣдующее:

*) Приложение къ „Somnambulisme provoqué“.

1-го января въ 10 часовъ утра она находилась въ своей комнатѣ и услыхала стукъ въ дверь. Она сказала: «войдите!»—и къ своему большому удивленію увидѣла меня, входящимъ въ ея комнату. Я громко поздравилъ ее съ новымъ годомъ и тотчасъ-же ушелъ. Хотя она подошла къ окну, чтобы видѣть меня уходящимъ, она, однако, никого не замѣтила. Ее чрезвычайно удивило также, что я, въ это время года, носилъ лѣтнюю одежду (это была та одежда, которую я носилъ въ день произведенія опыта).

Напрасно ее увѣряли, что я въ день новаго года находился въ Парижѣ и не могъ, стало быть, явиться къ ней съ поздравленіемъ: она продолжала настаивать на своемъ, и до сихъ поръ она, не смотря на мои увѣренія, убѣждена, что я былъ у нея.

Такимъ образомъ внушеніе, данное мною, было выполнено 172 дня спустя со всѣми подробностями. Я съ своей стороны нисколько не сомнѣваюсь, что внушенія могутъ удаваться и спустя болѣе долгое время».

Вѣрность этого предположенія Бониса блестяще доказана слѣдующимъ интереснымъ опытомъ Ліежуа, въ которомъ галлюцинація наступила спустя годъ послѣ внушенія:

«12-го октября 1885 года Ліежуа усыпилъ Р. Н. и сказалъ ему слѣдующее: «12-го октября 1886-го года вы должны отправиться къ господину Ліебо, гдѣ вы найдете и меня; вы намъ скажете, что ваше зрѣніе уже цѣлый годъ настолько удовлетворительно, что вы чувствуете потребность поблагодарить насъ. Вы выразите намъ благодарность и попросите позволенія обнять насъ, что вамъ охотно будетъ разрѣшено.

«Вслѣдъ за тѣмъ вы увидите, что въ комнату доктора войдетъ дрессированная собака и дрессированная обезьяна, одна верхомъ на другой. Онѣ будутъ продѣлывать рядъ фокусовъ

и прыжковъ, которые вамъ доставятъ много удовольствія. Пять минутъ спустя въ комнату войдетъ цыганъ, ведя за собою ученаго медвѣдя. Онъ выкажетъ большую радость при видѣ своей обезьяны и своей собаки, которыя отъ него убѣжали. Чтобы доставить удовольствіе присутствующимъ, онъ заставитъ своего ручного медвѣдя плясать. Медвѣдь будетъ сѣрый, американской породы, но вы его не испугаетесь. Когда цыганъ захочетъ уйти, вы попросите для него у меня десять сантимовъ, которые вы-же ему и передадите».

«12-го октября 1886-го года Ліежуа около девяти часовъ отправился къ доктору Ліебо; когда въ 9¹/₂ часовъ никто не являлся, онъ отправился къ себѣ домой, думая, что сдѣланное въ прошломъ году внушеніе не удалось. Но въ 10 часовъ 10 мин. Р. Н. явился къ Ліебо. Онъ поблагодарилъ д-ра Ліебо въ предписанныхъ ему за годъ до того выраженіяхъ и спросилъ, не придетъ-ли господинъ Ліежуа. Послѣдній былъ увѣдомленъ слугой и поспѣшно отправился снова въ клинику врача.

«Какъ только онъ вошелъ въ комнату Ліебо, Р. Н. поднялся и поблагодарилъ его въ тѣхъ-же выраженіяхъ, въ которыхъ онъ раньше благодарилъ Ліебо. Затѣмъ внушенная галлюцинація, задержанная отсутствіемъ Ліежуа, наступила въ предназначенномъ въ внушеніи порядкѣ. Н. видитъ дрессированныхъ животныхъ, продѣлывающихъ свои фокусы, и забавляется ихъ выходками. По окончаніи этого зрѣлища онъ видитъ собаку, обходящую зрителей съ чашкой во рту; онъ одалживаетъ у Ліежуа десять сантимовъ и даетъ ихъ воображаемой собакѣ. Затѣмъ онъ замѣчаетъ цыгана, уводящаго собаку и обезьяну. Медвѣдь не появляется. Р. Н. не думаетъ обнимать Ліебо и Ліежуа. Въ остальныхъ пунктахъ внушеніе было реализовано.

Это случилось въ присутствіи д-ра Ліебо, профессора

Ліежуа, инженера Д., капитана Д. и 15—20 другихъ лицъ, больныхъ, зрителей и т. д.

«По окончаніи опыта Н. жалуется на усталость. Чтобы его успокоить, Ліежуа погружаетъ его въ гипнотическій сонъ. Впродолженіе этого сна онъ его спрашиваетъ: «какимъ это образомъ вы видѣли собаку и обезьяну»?—«Потому что вы мнѣ дали 12 октября 1885 года соотвѣтствующее внушеніе».—«Не ошиблись-ли вы во времени? Мнѣ кажется, что вамъ было внушено явиться ровно въ 9 часовъ утра».—«Нѣтъ, вы ошибаетесь; вы меня усыпили не на этой скамейкѣ, а на скамьѣ, находящейся противъ насъ. Затѣмъ вы повели меня въ садъ и велѣли явиться ровно черезъ годъ въ это-же время. Тогда было 10 часовъ и 10 минутъ, и я явился ровно въ 10 ч. и 10 мин.»—«Но почему вы не видѣли медвѣдя и не просили позволенія обнять насъ»?—«Потому что вы эту часть внушенія мнѣ передали только одинъ разъ, тогда какъ все остальное вы повторили два раза».

«Ліебо и Ліежуа были подобно всѣмъ присутствующимъ изумлены ясностью и точностью отвѣтовъ, и экспериментаторъ сознался, что Р. Н. гораздо яснѣе сохранилъ воспоминаніе совершившагося въ прошломъ году, чѣмъ онъ самъ.

«Черезъ 10—15 минутъ Р. Н. былъ разбуженъ. Онъ чувствовалъ себя очень хорошо и забылъ рѣшительно все, что онъ видѣлъ и совершилъ подъ вліяніемъ прошлогодняго внушенія. Точно также онъ не помнилъ и того, что онъ сказалъ за нѣсколько минутъ до этого въ гипнотическомъ снѣ».

Еще болѣе интересны внушенія галлюцинацій, сдѣланныя на задній срокъ. Гипнотизированному можно внушить, что столько-то времени тому назадъ онъ видѣлъ извѣстныя вещи или присутствовалъ при такихъ-то происшествіяхъ. Насколько это явленіе, извѣстное подъ названіемъ *ретроактивныхъ*

галлюцинацій, важно съ юридической точки зрѣнія, показываютъ слѣдующіе интересные опыты Бернгейма у Ліежуа.

«Однажды я справился у Маріи Г., очень интеллигентной женщины, которую я часто гипнотизировалъ, въ какомъ домѣ она живетъ и кто ея сосѣди. Она рассказала мнѣ между прочимъ, что въ первомъ этажѣ обитаемаго ею дома живетъ семейство, состоящее изъ отца, матери, нѣсколькихъ дѣвочекъ и одного стараго холостяка, нанимающаго у нихъ комнату. Основываясь на этомъ описаніи, я ей говорю слѣдующее: «3-го августа (т. е. 4^{1/2} мѣсяца тому назадъ) вы пришли домой въ три часа послѣ обѣда. Проходя первый этажъ, вы услышали крикъ и чтобы увидѣть, что совершается въ квартирѣ, вы приложили глазъ къ замочной скважинѣ. Вы увидѣли, что старый холостякъ намѣревался пнуть младшаго ребенка. Дѣвочка защищалась, но злодѣй заткнулъ ей чѣмъ-то ротъ. Вы были настолько поражены всѣмъ видѣннымъ, что отправились къ себѣ, не смѣя сказать кому нибудь что либо про совершившееся насиліе. Когда вы теперь проснетесь, вы не должны думать объ этомъ. Все, что вы теперь знаете, сказано не мною, это не сонъ, не иллюзія, которую я у васъ вызываю во время вашего гипнотическаго сна; это дѣйствительность. Если позже явится судъ и начнетъ слѣдствіе по поводу этого преступленія, то вы скажете всю правду». Послѣ этихъ словъ я стараюсь измѣнить ходъ ея представленій, вызываю болѣе веселыя внушенія и по ея пробужденіи не говорю съ ней объ этомъ происшествіи. Три дня спустя я прошу моего друга Грильона, отличнаго адвоката, допросить госпожу Г. такъ, какъ бы онъ былъ слѣдственнымъ судьей. Въ мое отсутствіе она рассказываетъ ему о выдуманномъ мною происшествіи со всѣми подробностями, называетъ имена жертвы и преступника и опредѣляетъ точно

часть, въ который было совершено преступленіе. Она прекрасно сознаетъ все значеніе своего показанія и готова повторить его передъ присяжными. Она очень не охотно согласилась-бы фигурировать предъ судомъ, но если это необходимо, то она готова явиться туда и сказать правду и подтвердить свое показаніе присягой передъ Богомъ и людьми. Послѣ того какъ она окончила свое показаніе, я подошелъ къ ея кровати; адвокатъ, игравшій роль слѣдователя, заставилъ больную повторить еще разъ все сказанное. Я спросилъ ее тогда, вѣрно-ли все то, что она передавала, не снилось-ли это ей, не было-ли все это одной изъ тѣхъ иллюзій, которыя я такъ часто вызывалъ у нея во время ея гипнотическаго сна. Она искреннимъ, убѣжденнымъ тономъ отвѣтила, что все, рассказанное ею, есть сущая правда.

«Послѣ этого я ее снова усыпилъ, чтобы взять обратно сдѣланное внушеніе. «Все, что вы рассказывали слѣдователю,—сказалъ я ей,—выдуманно. Вы нечего не видѣли 3-го августа, ничего не помните, не помните и того, что вы вообще говорили съ слѣдователемъ; онъ васъ ни о чемъ не спрашивалъ, вы ему ничего не сказали». По ея пробужденіи я ее спрашиваю: «Что такое вы рассказывали этому господину?» — «Я ничего не рассказывала.» — «Какъ, вы мнѣ ничего не сказали!» — восклицаетъ чиновникъ: «вѣдь вы мнѣ только что рассказали про преступленіе, совершенное въ вашемъ домѣ 3-го августа! Вы вѣдь говорили, что вы видѣли, какъ Х. и т. д.» Марія Г. страшно поражена: извѣстіе о совершенномъ преступленіи ее сильно взволновало, она ничего подобнаго не подозрѣвала. Когда Грильонъ ей рассказалъ, что это она первая сообщила объ этомъ преступленіи, она его не понимала; когда она услышала, что она должна явиться свидѣтельницей передъ судомъ, она пришла въ сильное волненіе. Чтобы успокоить больную,

я принужденъ былъ ее снова усыпить и вычеркнуть изъ ея памяти все, касающееся этого внушенія. При ея пробужденіи все происшествіе было дѣйствительно забыто ею, и когда я на слѣдующій день нарочно завелъ разговоръ о ея сосѣдахъ, она говорила о нихъ такъ просто, какъ будто, между нами объ этомъ никогда и рѣчи не было» *).

Аналогичный опытъ произвелъ также Liégeois: «Въ концѣ января 1884-го года я произвелъ слѣдующій опытъ въ присутствіи господина Р., желавшаго лично убѣдиться въ силѣ внушеній, о которыхъ я ему раньше рассказывалъ. Онъ привелъ также съ собою господина Р., одного изъ своихъ друзей. Оба они пожилые чиновники, бывшіе председатели суда присяжныхъ. Ихъ присутствіе гарантировало строгій и серьезный контроль опыта.

Въ прошлое воскресенье въ Нанси былъ большой пожаръ, разрушившій домъ, принадлежавшій господину К. и находившійся въ rue du Moulet. Это происшествіе послужило подкладкой моему внушенію.

Я усыпляю госпожу Т. и въ то время, когда она еще находится въ гипнотическомъ снѣ, я ей говорю, что она утромъ того-же дня слышала и видѣла слѣдующее:

«Сегодня утромъ, идя сюда, вы замѣтили возлѣ церкви Bon - Secours двухъ человѣкъ, ходившихъ впереди васъ, вы такимъ образомъ могли, помимо вашей воли, слышать большую часть того, что они говорили. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый человѣкъ, который недавно предлагалъ вамъ купить у него акціи по дешевой цѣнѣ **), другой-же былъ вамъ незнакомъ. Знакомый вамъ человѣкъ сказалъ своему това-

*) Bernheim: De la suggestion etc.

**) См. слѣдующій опытъ. Рѣчь идетъ о сдѣланномъ раньше внушеніи.

ришу: «Это я поджегъ домъ господина К.» — «Зачѣмъ-же вы устроили подобную штуку?» спросилъ тотъ. — «Я недавно приходилъ въ тотъ домъ просить милостыни и мнѣ ничего не дали. Я подумалъ: хорошо-же, за это я вамъ подожгу вашъ домъ. При этомъ я воспользовался суматохой при пожарѣ и укралъ 500 франковъ золотомъ, вотъ они». — «Такъ ты, мой милый,» — сказалъ тогда незнакомецъ, — мнѣ дашь сейчасъ изъ нихъ 100 франковъ, не то я отправлюсь въ полицію и донесу на тебя». Воръ отказывался исполнить это требованіе. Тогда оба начали драться, и вы убѣжали. При вашемъ пробужденіи вы увидите господина Р., предсѣдателя суда присяжныхъ, онъ васъ допроситъ и вы ему расскажете безъ колебанія все, что вы знаете; такимъ образомъ можно будетъ преслѣдовать и наказать преступниковъ».

По пробужденіи госпожи Т. она была допрошена господиномъ Р. внимательно и серьезно, какъ-бы дѣло шло о дѣйствительно совершенномъ преступленіи. Внушенное представленіе, вызванная картина запечатлѣлись въ мозгу свидѣтельницы съ чрезвычайной силой и ясностью. Госпожа Т. принесла присягу въ томъ, что она скажетъ правду, всю правду и только правду. Она рассказала подробно то, что, какъ она говорила, ей пришлось подслушать утромъ того-же дня, и объявила себя готовой повторить свои показанія въ бюро полиціи.

Господинъ Р. отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ: «Дополните, пожалуйста, этотъ опытъ. Покажите, что вы можете заставить эту даму также забыть все, что она намъ только что рассказывала». Я возвращаюсь тогда къ Т. и, смотря на нее въ упоръ, говорю ей: «Вы сегодня ничего не видѣли и ничего не слышали, вы не давали этому чиновнику никакихъ показаній». Допрошенная снова, г-жа Т. самымъ

искреннимъ тономъ объявляетъ, что она ничего не говорила и не знаетъ, о чемъ ее спрашиваютъ» *).

Съ этою-же госпожею T. Liégeois произвелъ слѣдующій опытъ.

«Во время ея гипнотическаго сна я ей говорю: «При вашемъ пробужденіи вы увидите, что въ комнату войдетъ человѣкъ крайне подозрительной наружности; онъ будетъ увѣрять, что онъ пришелъ лѣчиться, но это для него будетъ служить только предлогомъ: на самомъ дѣлѣ онъ придетъ затѣмъ, чтобы выкинуть какую нибудь дурную штуку. Этотъ человѣкъ подойдетъ къ вамъ и предложитъ купить у него по низкой цѣнѣ купоны государственныхъ облигацій. Купоны эти украдены у г-жи А. Вы съ негодованіемъ отвергнете эту сдѣлку и станете угрожать вашему собесѣднику полиціей. Тогда онъ вамъ скажетъ: «Если никто не хочетъ брать купоновъ, такъ чертъ съ ними!» Съ этими словами онъ броситъ купоны на полъ и уйдетъ. Вы подымете ихъ, но изъ боязни, чтобы васъ не обвинили въ соучастіи въ кражѣ, вы мнѣ ихъ передадите на сохраненіе въ присутствіи свидѣтелей. Въ тотъ-же день вы сдѣлаете объ этомъ заявленіе въ полицейскомъ бюро».

Галлюцинація совершилась, дѣйствительно, по набросанной программѣ.

«Около 4-хъ часовъ послѣ обѣда того-же дня я отправился къ полицейскому комиссару. Отъ него и его служащихъ я узналъ, что г-жа T. была въ полицейскомъ бюро и сдѣлала заявленіе объ украденныхъ купонахъ. Ничто въ наружности и поведеніи не внушало подозрѣній относительно ея состоянія» **).

*) Liégeois: „De la suggestion etc“ стр. 26.

**) Liégeois: „De la suggestion etc.“ стр. 25.

Юридическая важность этихъ явленій очевидна. Помощью гипнотическаго внушенія можно *приготовить* отличныхъ свидѣтелей всякаго существовавшаго или несуществовавшаго происшествія, можно доказать какое угодно алиби, можно обвинять невиннаго и снять всякое подозрѣнiе съ виновнаго. Эти свидѣтели опасны убѣжденностью и искренностью, съ которою они будутъ давать свои показанія.

«Я предполагаю, говоритъ Liégéois, что совершенно какое нибудь преступленіе, что гдѣ нибудь убили, напримѣръ, человека. Я навожу справки относительно всѣхъ главныхъ и побочныхъ обстоятельствъ этого происшествія, и произвожу соотвѣтственное внушеніе одному изъ больныхъ, приходящихъ ежедневно въ клинику д-ра Лиебо. Я заставляю ихъ *видѣть* послѣдовательно всѣ акты драмы, они *видѣтъ* убійцу, подстерегающаго свою жертву; они присутствуютъ при происходящей борьбѣ; они слышатъ крики: отчаянный зовъ и восклицанія ужаса; они поражены сценой, которую я вызываю передъ ихъ глазами; но самое главное тутъ заключается въ томъ, что я имъ показываю преступника при совершеніи злодѣянiя, и *этими преступникомъ окажется то лицо, которое мнѣ угодно будетъ имъ указать!* И всѣ эти гипнотизированные явятся свидѣтелями предъ судомъ, они дадутъ подробный разсказъ о событіи, они подъ присягой будутъ увѣрять, что они говорятъ чистую правду и сдѣлаютъ все это съ чистою совѣстью, такъ какъ все, что они разскажутъ, они дѣйствительно *слышали* и *видѣли*. Какъ ужасно положеніе человека, противъ котораго будутъ направлены подобныя показанія, если онъ по той или другой причинѣ не сумѣетъ представить убѣдительныя доказательства противнаго!»

Къ сожалѣнію, область, на которой разыгрываются подобныя сцены, не ограничивается предѣлами стѣнъ лаборато-

рій. Серьезность опасеній, высказываемых Liègeois, подтверждается и дѣйствительностью. Можно насчитать не мало случаевъ, гдѣ обвинительный приговоръ былъ произнесенъ, благодаря показаніямъ свидѣтелей, которыя были кѣмъ либо внушены. Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ обвинительныя показанія были сдѣланы самими обвиняемыми:

«6-го ноября 1868 года предъ судомъ исправительной полиціи въ Віс предстала Адель В., обвинявшаяся въ убійствѣ своего ребенка, котораго она родила въ октябрѣ того-же года. Адель сначала не признавала себя виновной, но полицейскій комиссаръ, ведшій слѣдствіе, спросилъ ее, не положила ли она свое дитя въ свиной хлѣвъ, стоявшій возлѣ обитаемаго ею дома. Адель сильно колебалась, но кончила тѣмъ, что отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно. Передъ тѣмъ акушерка Ф. поставила обвиняемой тотъ же вопросъ и также получила утвердительный отвѣтъ. Передъ слѣдователемъ Адель повторила тоже показаніе «Я взяла свое дитя, открыла дверь хлѣва и бросила его туда. Мнѣ кажется, что онъ не кричалъ, и я не видѣла, чтобы онъ шевелился». Ей присудили мѣсяць тюремнаго заключенія.

«Но когда она нѣсколько времени спустя явилась въ Віс, чтобы отсидѣть свое наказаніе, то оказалось, что она находится въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, и стало быть, не могла ни родить въ октябрѣ, ни быть виновной въ преступленіи, за которое она должна была отбыть наказаніе. Допрошенная снова, она сказала, что ея родные и акушерка побудили ее признаться въ ея мнимой винѣ. Разными уговорами впечатлительная Адель была *убѣждена* въ своей виновности» *).

Liebault рассказываетъ слѣдующее:

*) Liegeois, De la suggestion etc. стр. 662.

«Станиславъ W..., 17 лѣтъ, страдаетъ неправильнымъ мочеиспусканіемъ. Мнѣ приводятъ его для того, чтобы я его вылѣчилъ и, если возможно, возбудилъ-бы нѣсколько его интеллектуальныя способности, которыя у него слабо развиты. W. умѣетъ читать и писать. Мнѣ показали одно его письмо: въ немъ много ошибокъ, стиль чисто дѣтскій.

W. легко поддается гипнотизированію и отлично усваиваетъ внушенія.

Послѣ 23-го сеанса онъ вполне излѣченъ отъ своей болѣзни, но его умственныя способности, не смотря на многочисленные внушенія, произведенныя мною, остаются въ прежнемъ состояніи.

Такъ какъ онъ часто по своей неловкости ломаетъ посуду, то однажды, когда нашли одну тарелку разбитой, заподозрили его. Сначала W. клялся всѣми святыми, что тарелка разбита не имъ. Но одинъ изъ его братьевъ, калѣка, злой и хитрый мальчикъ, который самъ разбилъ тарелку, увѣрилъ родителей, что Станиславъ вретъ, что онъ, калѣка, самъ видѣлъ, какъ Станиславъ разбилъ тарелку. При такомъ категоричномъ увѣреніи родители удваиваютъ свои упреки. Увѣренность Станислава въ своей невинности слабѣетъ, и, наконецъ, онъ признается, что это дѣйствительно онъ разбилъ тарелку. Рассказывая мнѣ объ этомъ сознаніи въ несовершенномъ проступкѣ, братъ Станислава прибавилъ, что Станиславъ остался такимъ же дуракомъ, какимъ и былъ. Но для меня было ясно, что тутъ глупость не причемъ, что Станиславъ, легко усваивавшій внушенія, сталъ вѣрить въ свою виновность».

У многихъ вѣроятно еще сохранился въ памяти знаменитый Тисса-Эсларскій процессъ. Одна молодая дѣвушка, четырнадцати лѣтъ, протестантка, исчезла изъ мѣстечка Тисса-Эсларъ (въ Венгріи), въ которомъ между прочими жило 19

еврейскихъ семействъ. Это было наканунѣ праздника Пасхи и тотчасъ-же распространился слухъ, что дѣвушка была убита евреями, которымъ нужна была христіанская кровь для опрѣсниковъ. Трупъ, вытасченный изъ Тиссы, былъ признанъ шестью свидѣтелями тѣломъ убитой, но мать послѣдней и свидѣтели, выбранные ею, отрицали всякое сходство найденнаго тѣла съ пропавшей дѣвушкой. Тѣмъ не менѣе антисемитическія страсти сдѣлали свое. Предвзятое мнѣніе было составлено, и 13 евреевъ были арестованы. Слѣдователь, большой врагъ Израиля, съ ожесточеніемъ работалъ для подтвержденія подозрѣнія, возникшаго подъ вліяніемъ его слѣпой вражды. Служитель синагоги имѣлъ тринадцатилѣтняго сына, который былъ призванъ къ слѣдователю. Мальчикъ ничего не зналъ и ничего не могъ сказать про убійство. Но слѣдователь, желая установить во чтобы то ни стало то, что ему подсказывало его предубѣжденіе, ввѣрилъ мальчика полицейскому комиссару, который считался докой по части вымогательства показаній. Коммиссаръ отвелъ мальчика къ себѣ домой. Спустя нѣсколько часовъ мальчикъ, приведенный обратно къ слѣдователю, показалъ слѣдующее: Его отецъ, служитель синагоги, завлекъ дѣвушку къ себѣ, и затѣмъ послалъ ее въ синагогу. Морицъ—имя мальчика—услышавъ крикъ, вышелъ изъ дому и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ синагогальной двери. Онъ увидѣлъ Эстеръ (пропавшую дѣвушку) распростертой на землѣ и придерживаемой тремя евреями; мясникъ разрѣзалъ ей горло и собиралъ кровь въ двѣ тарелки. Заключение въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ подъ охраной особаго сторожа мальчикъ при слѣдующихъ допросахъ подтверждалъ свое показаніе. Видъ его несчастнаго отца и его двѣнадцати единовѣрцевъ, которымъ угрожала висѣлица, самыя горячія мольбы, слезы и проклятія — ничто его не трогаетъ. Онъ повторяетъ

постоянно однѣ и тѣ же вещи одними и тѣми же словами. Онъ продолжалъ настаивать на томъ, что онъ видѣлъ рисуемую имъ сцену.

Берпгеймъ старается объяснить поведеніе этого мальчика, показаніе котораго въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, было признано ложнымъ. Онъ говоритъ слѣдующее:

«Какъ объяснить себѣ странныя показанія этого мальчика? Можно допустить двѣ гипотезы.

«Страхъ, насиліе, угрозы могли вынудить ложное показаніе, и всѣ знаютъ, на сколько у дѣтей настаиваніе на разсказанной лжи можетъ быть упорно. Эта привычка приобрѣтается постояннымъ лганьемъ, продолжающимся, иногда по необходимости, цѣлыя недѣли. Если еще прибавить къ тому лѣсть, сопровождающую угрозы, обѣщаніе доставить жизнь, усыпанную розами при условіи настойчивости на извѣстномъ показаніи, то это объясненіе становится не невѣроятнымъ. Тѣмъ не менѣе трудно допустить такую чудовищную нравственную извращенность у мальчика, у котораго до сихъ поръ не замѣчалось скверныхъ инстинктовъ.

«Что страхъ можетъ вынудить у слабохарактерныхъ людей ложное показаніе это въ порядкѣ вещей. Но чтобы ребенокъ, поставленный лицомъ къ лицу со страдающимъ и умоляющимъ отцомъ, оставался глухимъ ко всѣмъ мольбамъ, чтобы онъ, зная, что отца ждетъ смертная казнь, хладнокровно продолжалъ рассказывать свою вымышленную исторію — для этого нужна нравственная извращенность, превышающая степень вѣроятности.

Но есть еще и другая гипотеза: мальчика привели къ слѣдователю; робкій и приниженный въ бѣдной средѣ, въ которой онъ выросъ, онъ дрожитъ передъ лицомъ, олицетворяющимъ для него силу и справедливость. Одинъ, лицомъ къ

лицу съ могущественнымъ комиссаромъ, онъ терроризованъ. Тотъ ему убѣжденно внушаетъ, что жида проклятая раса, у которыхъ пролитіе христіанской крови считается дѣломъ благочестія, такъ какъ они примѣшиваютъ эту кровь къ своей мацѣ. Онъ говоритъ ему, что это уже не первый процессъ въ такомъ родѣ. Яркимъ и убѣжденнымъ языкомъ онъ ему рисуется самымъ подробнымъ образомъ аналогичныя сцены. Воображеніе нервнаго ребенка, объятаго ужасомъ, живо поражено; онъ весь слухъ, весь зрѣніе; его умственные способности парализованы волненіемъ. Слова производятъ впечатлѣніе на его слабый умъ, впечатлѣнія становятся образами; подъ вліяніемъ этого сильнаго внушенія мозгъ ребенка воспроизводитъ во всѣхъ подробностяхъ сцену, нарисованную комиссаромъ. Все тутъ на лицо: ребенокъ видитъ жертву распростертой на полу, три человѣка ее придерживаютъ, кровь течетъ. Ребенокъ все видѣлъ; ретроактивная галлюцинація создана, какъ ее создаютъ при опытахъ въ глубокомъ снѣ. Воспоминаніе фиктивного происшествія такъ сильно, что оно не можетъ быть разсѣяно въ ребенкѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, мы не находимъ гипнотическаго внушенія, сдѣланнаго по правиламъ искусства. Здѣсь внушители сами не знаютъ о силѣ, присущей имъ, и большей частью не имѣютъ преступнаго умысла. Зло совершается, но правосудію негдѣ искать виноватаго. Тѣмъ не менѣе приведенные нами случаи заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія юристовъ. Невѣроятныя показанія, которыя давали обвиняемые въ средневѣковыхъ процессахъ вѣдьмъ, могутъ быть отчасти объяснены внушеніемъ, произведеннымъ допрашивавшимъ судьей или палачемъ при устрашающей обстановкѣ, поражающей воображеніе суевѣрной и, можетъ быть, болѣзненной женщины.

Что до сихъ поръ неизвѣстенъ ни одинъ случай лжесвидѣтельствующаго, сдѣланнаго подъ вліяніемъ гипнотизера по профессіи, — это объясняется тѣми-же причинами, которыми мы объяснили въ предыдущихъ главахъ сравнительную рѣдкость гипнотическихъ преступленій вообще. Но возможность подобныхъ свидѣтельствующихъ вполнѣ доказана, и правосудіе должно быть насторожѣ, такъ какъ, если не сегодня, то завтра, оно можетъ имѣть дѣло съ этими явленіями.

Ложныя свидѣтельствующія въ родѣ тѣхъ, которыя описаны нами на предыдущихъ страницахъ, могутъ быть слѣдствіемъ не только гипнотическаго внушенія, но и *самовнушенія*. Внутренній процессъ, которымъ совершается въ этомъ случаѣ внушеніе, тотъ-же, что и въ гипнозѣ, съ той только разницей, что внушителемъ тутъ является собственная фантазія свидѣтеля. Существуютъ несомнѣнныя указанія на то, что содержаніе вопросовъ, предлагаемыхъ на судѣ свидѣтелямъ, и тонъ, которымъ они предлагаются, можетъ въ известной степени вліять на ихъ отвѣты, и съ помощью «внушенія на яву» подавать поводъ къ ложнымъ показаніямъ, хотя свидѣтель убѣжденъ въ томъ, что онъ рассказываетъ лишь то, что самъ слышалъ или видѣлъ. Если, какъ мы видѣли на многочисленныхъ примѣрахъ, вообще весьма сильно вліяніе внушенія на яву и многіе ему подчиняются столь же легко какъ и при гипнотическомъ внушеніи, то тѣмъ сильнѣе и глубже оно должно дѣйствовать въ торжественной обстановкѣ суда, при естественномъ возбужденіи и волненіи допрашиваемаго, при страхѣ и благоговѣніи, вызываемомъ авторитетомъ говорящаго устами судей закона. Въ особенности вліяніе внушенія должно сказываться на субъектахъ съ слабымъ, пассивнымъ характеромъ, съ болѣзненно развитымъ воображеніемъ, съ слабою силою критическаго анализа.

Особенно часто подобныя самовнушенія встрѣчаются у истеричныхъ женщинъ. «Истеричныя женщины, говоритъ Liégeois, могутъ стать бичомъ для окружающихъ и настоящей опасностью для общества, среди котораго онѣ живутъ. Не представляя признаковъ умопомѣшательства—что могло-бы быть предохранительнымъ признакомъ—онѣ однако поддаются непреодолимому влеченію компрометировать честь и даже жизнь родныхъ и чужихъ людей, побуждаемыя къ тому то галлюцинаціями, то какими то таинственными голосами, возвѣщающими имъ разныя преступленія, то страшными преслѣдованіями, цѣлью которыхъ онѣ будто-бы служатъ. Самыя странныя представленія гнѣздятся въ ихъ головахъ, онѣ способны выдумать самыя страшныя исторіи, и все это безъ малѣйшаго повода, безъ всякой видимой причины. Часто выраженіе ихъ лицъ настолько искренно, ихъ намѣренія такъ ловко скрыты, что лучшіе умы впадаютъ въ обманъ, судьи ошибочно рѣшаютъ дѣла, и невинные обвиняются за проступки, которые существуютъ только въ больномъ воображеніи ихъ преслѣдовательницъ» *).

Характернымъ примѣромъ подобной маніи обвиненія можетъ служить слѣдующій случай, цитируемый Liégeois по Chaubrun, («Thèse de Paris»).

«Нѣкая m-He A. de M..., восемнадцати лѣтъ, обратилась къ генеральному прокурору съ заявленіемъ, что она была жертвой большаго числа насилій, совершенныхъ надъ нею священниками.

Такъ, заявила она, однажды вечеромъ, она молилась въ церкви и въ усердіи молитвы не замѣтила ухода людей. Къ ней подошелъ аббатъ X. и сказалъ, что двери церкви запер-

*) Liégeois: de la suggestion etc.

ты, но что онъ можетъ ее пропустить черезъ алтарь. Она слѣдуетъ за нимъ. Но какъ только она вошла въ алтарь, аббатъ ей началъ говорить о своей сильной страсти къ ней. Онъ предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ въ Америку и въ яркихъ краскахъ изображаетъ предстоящее имъ счастье. Она не хочетъ ничего слушать, и оказываетъ ему сопротивленіе. Аббатъ беретъ тогда кинжалъ и наноситъ ей два удара въ грудь; кровь течетъ и дѣвушка падаетъ въ обморокъ. Когда она очнулась, насиліе уже было совершено. Аббатъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, вымаливая себѣ прощеніе. Когда ему въ этомъ было отказано, онъ совершилъ новое насиліе. Затѣмъ, по рассказамъ дѣвушки, ея кузина отвела ее въ монастырь и тамъ сестры выдали ее на цѣлую ночь священникамъ, которые совершили надъ нею безчисленное множество насилій. Слѣдователь призвалъ къ себѣ обвиняемыхъ и многочисленными показаніями была установлена фактическая невозможность преступленія. Обвинительница превратилась такимъ образомъ въ обвиняемую. Она, однако, продолжала настаивать на своихъ обвиненіяхъ, но, изслѣдованная д-рами Эсторъ и Кавалье, была признана *отвѣтственной*.

Какъ правосудіе должно относиться къ такимъ обвиненіямъ, если ложность ихъ открыта? Слѣдуетъ-ли преслѣдовать обвинительницу за клевету? Послѣ всего, сказаннаго въ предыдущихъ главахъ о невмѣняемости лицъ, усвоившихъ гипнотическое внушеніе, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Истеричныя женщины являются такимъ-же слѣпымъ орудіемъ своей больной фантазіи, какимъ является гипнотизированный въ рукахъ гипнотизера. Онѣ дѣйствительно переживаютъ тѣ преступленія, въ которыхъ онѣ обвиняютъ разныхъ лицъ, и онѣ не лгутъ, рассказывая о томъ, что онѣ видѣли или переживали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гипнотизмъ въ гражданскомъ правѣ.

Всякое дѣйствіе предполагаетъ присутствіе воли, его производящей. Въ юридическомъ дѣйствіи, т. е. такомъ дѣйствіи, которое право принимаетъ подъ свое вѣдѣніе, моментъ воли составляетъ существенное условіе дѣйствительности его. Но воля есть психологическій феноменъ, скрытый въ тайникахъ души дѣятеля. Право можетъ распознать волю только во внѣшнемъ ея проявленіи, лишь послѣ того какъ она выразилась во внѣ въ какомъ либо фактѣ. Проявленія воли, оставшіяся въ сознаніи, въ видѣ намѣренія, желанія, помысла, хотя и могутъ составлять сами по себѣ акты весьма сложной психической дѣятельности личности, но области права не подлежатъ; право знаетъ только акты воли, появившейся во внѣ, и считается только съ фактами, въ которыхъ она выразилась.

Творческое значеніе воли, въ смыслѣ юридической дѣйствительности произведенныхъ ею дѣйствій, въ особенности значительно въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ. Гражданское право основано исключительно на принципѣ индивидуалистическаго проявленія частныхъ волей. Всякая гражданская сдѣлка есть изъявленіе воли, ведущее къ тѣмъ юридическимъ послѣдствіямъ, какихъ желаютъ стороны, и постольку, поскольку онѣ этого желаютъ. На этомъ основаніи въ юриспруденціи установился взглядъ, рассматривающій гражданско - правовыя отношенія, какъ неотъемлемое достояніе личности, свободное

отъ вмѣшательства общественной власти. Всякая юридическая сдѣлка имѣетъ силу закона, и судъ въ спорахъ между сторонами не можетъ вносить ничего новаго, а долженъ ограничиться лишь *толкованіемъ* воли сторонъ, выразившейся въ актѣ сдѣлки, точно также какъ онъ толкуетъ волю законодателя, выразившуюся въ законахъ.

Но возникаетъ вопросъ: чему слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе при обсужденіи юридическихъ сдѣлокъ — *воля* или ея *выраженію*? Т. е., слѣдуетъ ли принимать во вниманіе лишь внѣшній фактъ изъявленія воли, безразлично, была ли эта воля выражена свободно, сознательно, при полномъ желаніи и возможности дѣятеля именно такъ выразить свою волю, или она выражена по принужденію (физическому или психическому), по обману, по невѣдѣнію и т. д.? Или для оцѣнки юридической сдѣлки имѣетъ существенное значеніе субъективная сторона воли — ея внутреннее состояніе при выраженіи во внѣ? Если, напр., сдѣлка — договоръ, завѣщаніе и т. п. совершена подъ вліяніемъ аффекта, или въ болѣзненномъ состояніи, или по принужденію, или по невѣдѣнію истиннаго смысла сдѣлки — должна ли считаться сдѣлка дѣйствительной въ силу того, что воля все таки выражена, или ничтожной въ виду отсутствія подлинной, истинной воли въ данной сдѣлкѣ?

Римская юриспруденція, возрѣнія которой на существо гражданско-правовыхъ отношеній въ общемъ господствуютъ и въ современномъ правѣ, разрѣшали этотъ вопросъ въ смыслѣ дѣйствительности всякой сдѣлки, разъ она составляетъ фактъ. Римскіе юристы говорили: *quamvis in-coactus noluissem, tamen coactus volui* (хотя будучи не принужденъ, я не пожелалъ бы даннаго юридическаго результата, однако будучи принужденъ, я все-таки пожелалъ). Такимъ образомъ по догмѣ римскаго права рѣшающее значеніе при обсужденіи юридическихъ сдѣ-

докъ придается одному внѣшнему факту изъявленія дѣтелемъ воли, а не самой волѣ, т. е. сдѣлка оцѣнивается по буквальному смыслу, по внѣшней формѣ, въ которой воля выразилась, безразлично къ ея внутреннему состоянію.

На этомъ принципѣ въ сущности стоятъ и современныя законодательства, хотя *фактически* на практикѣ формализмъ римской точки зрѣнія значительно смягченъ. Крайность римскаго принципа оправдывается психологическимъ характеромъ воли, скрытой отъ постороннихъ, недоступной распознаванію и неподдающейся провѣркѣ до факта своего обнаруженія во внѣ. Придавать рѣшающее значеніе не факту проявленія воли, а самой волѣ, т. е. толковать юридическую сдѣлку съ точки зрѣнія внутренняго состоянія воли, на основаніи предположеній о неувимыхъ, недоступныхъ констатированію желаніяхъ, намѣреніяхъ, мотивахъ лица, выразившаго волю — представляло бы другую крайность, еще болѣе вредную потому, что это значило бы основать гражданскій оборотъ на шаткой почвѣ и лишить его устойчивости, что могло бы весьма вредно отзываться на всемъ хозяйственномъ и юридическомъ строѣ. Въ гражданскомъ оборотѣ взаимно связаны интересы многихъ людей. Дѣйствительность или ничтожность юридической сдѣлки можетъ имѣть послѣдствія не только для контрагентовъ, непосредственно связанныхъ договоромъ, но и для третьихъ лицъ, которые связали свой интересъ съ данной сдѣлкой и заинтересованы въ ней.

Затѣмъ субъективная сторона воли, имѣющая столь важное значеніе въ уголовномъ правѣ при оцѣнкѣ «*винны*» дѣателя, не можетъ имѣть этого значенія въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ — для погашенія гражданскихъ послѣдствій совершеннаго дѣйствія. Напр., нѣкто совершаетъ сдѣлку подъ вліяніемъ аффекта или въ состояніи опьяненія. Является ли

онъ отвѣтственнымъ за эту сдѣлку, должна ли она считаться юридически дѣйствительной? Если тутъ не было воли лица на совершеніе самой сдѣлки, то самое опьяненіе было результатомъ его воли, и поэтому онъ долженъ отвѣчать за дѣйствія, которыя онъ учинилъ, доведши себя добровольно до безсознательнаго состоянія. Также дѣйствіе, совершенное подъ вліяніемъ принужденія, все-таки можетъ считаться произведеніемъ воли, потому что человѣкъ съ твердымъ характеромъ можетъ остаться непоколебимымъ, какъ-бы сильно ни было принужденіе. Самое *принужденіе* можно считать ни чѣмъ инымъ, какъ мотивомъ, опредѣлившимъ его волю, и такъ какъ вообще при каждомъ дѣйствіи на волю вліяютъ различные мотивы, какъ надежды, опасенія и т. д., которые и опредѣляютъ ее къ тому или другому акту, причемъ этимъ не уничтожается сама воля, то и принужденіе въ качествѣ такого мотива не уничтожаетъ волю лица, производившаго дѣйствіе. На опредѣленіе воли всегда имѣетъ вліяніе какое нибудь обстоятельство, дѣйствующее принудительнымъ образомъ, напр. извѣстные расчеты, опасенія, соображенія о необходимости поступить такъ, а не иначе и т. д. Если послѣдовательно проводить принципъ, придающій значеніе *воли*, а не факту проявленія воли, то всякое дѣйствіе можетъ быть легко опорочено и представлено въ видѣ дѣйствія, совершеннаго подъ вліяніемъ аффекта, принужденія, ошибки и т. д.

Такимъ образомъ догма *воли* приводитъ къ двумъ крайностямъ—къ крайнему формализму римской точки зрѣнія или къ крайнему субъективизму противоположной точки зрѣнія. Какъ мы уже выше упомянули, современные законодательства, и между прочимъ наше, построены на этой догмѣ. Теорія и судебная практика колеблется между этими крайними точками зрѣнія, подчиняясь то той, то другой изъ нихъ.

Въ виду неувимости момента воли, среди новѣйшихъ юристовъ замѣчается стремленіе совершенно отказаться отъ оцѣнки юридическихъ дѣлокъ съ точки зрѣнія момента воли и придавать рѣшающее значеніе не волѣ или ея выраженію, а моменту *добросовѣстности*, обнаруженному въ каждой данной дѣлкѣ авторами ея и оцѣняемому свободнымъ усмотрѣніемъ судьи. Такимъ взглядомъ проникнута новѣйшая англійская юриспруденція.

Такова постановка вопроса въ современной теоріи и практикѣ. Сдѣлавъ эти предварительныя указанія, обратимся теперь къ нашему предмету—къ явленіямъ гипноза, значеніе которыхъ для гражданскаго права самымъ тѣснымъ образомъ связано съ указанными воззрѣніями на моментъ воли въ гражданско-правовыхъ отношеніяхъ.

Въ какомъ соотношеніи находятся между собою эти воззрѣнія и дѣйствія съ юридическимъ характеромъ, произведенныя въ состояніи гипноза или подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія? Должны ли эти дѣйствія считаться ничтожными въ виду отсутствія въ нихъ подлинной воли загипнотизированныхъ дѣятелей, или въ интересѣ устойчивости гражданскаго оборота должны быть тѣсно ограничены предѣлы юридической ничтожности подобныхъ дѣлокъ?

Обратимся къ фактамъ, установленнымъ наблюденіями въ этой сферѣ.

Liégeois увѣренъ, что онъ могъ бы привести загипнотизированнаго къ нотаріусу и заставить его, вслѣдствіе предварительно вынужденнаго внушенія, заключать всякія дѣлки, какія ему, гипнотизеру, только заблагоразсудятся. Къ сожалѣнію, нотаріусъ, къ которому Liégeois обратился съ просьбой участвовать въ такомъ опытѣ, отказалъ въ этой просьбѣ, находя подобное экспериментированіе несовмѣстнымъ съ его офиціальнымъ званіемъ. Опытъ такимъ образомъ не былъ произведенъ, но по

аналогіи съ другими производившимися опытами можно быть увѣреннымъ, что онъ удался-бы. Легко себѣ представить, съ какими цѣлями могутъ быть произведены подобныя внушенія. Если гипнотизеру и не легко удастся заставлятъ гипнотизированнаго заключать дарственные записи, совершать очень невыгодныя купли или продажи, не возбуждая подозрѣній, то дѣло обстоитъ иначе относительно совершенія завѣщаній. Гипнотизеръ можетъ легко внушить гипнотизированному умирающему составить завѣщаніе въ пользу подкупившаго его, гипнотизера, лица. Если это послѣднее лицо было достаточно близко умершему, то послѣ смерти завѣщателя ни въ комъ и не возникнетъ подозрѣній относительно дѣйствительности завѣщанія, а если даже такія подозрѣнія и возникнутъ, то основательность ихъ въ большинствѣ случаевъ невозможно будетъ доказать.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишетъ Liégeois, въ Нанси разбирался очень интересный процессъ, касавшійся завѣщанія умершаго священника. Этотъ священникъ на старости находился всецѣло подъ вліяніемъ своей экономки. Хотя слабый старикъ ни въ чемъ не могъ противорѣчить своей домоправительницѣ, онъ, однако, не соглашался составить завѣщаніе въ ея пользу. Тогда она прибѣгла къ «видѣнію». Ея сообщникъ явился старику въ роли святаго Іосифа и въ качествѣ Божьяго посланника диктовалъ ему отдѣльные пункты завѣщанія». «Но это только зачатки искусства, прибавляетъ Liégeois,—нѣтъ ничего легче, какъ заставить гипнотизированнаго *видѣть*, я говорю, дѣйствительно видѣть Бога, святыхъ, мертвецовъ и пр. Ему можно будетъ давать какія угодно приказанія, можно будетъ запечатлѣвать въ его мозгъ такія убѣжденія, что никакія уговариванія, никакія свидѣтельствванія ихъ не вытѣснятъ» *).

*) Liégeois „De la suggestion etc.“ стр. 45.

Возможность употребленія гипнотизма въ качествѣ средства къ вымогательству доказана слѣдующими интересными опытами, сообщенными Liégeois.

«М-ле Е. воспринимаетъ и исполняетъ очень легко всякаго рода внушенія. Я ей говорю: «Вы вѣдь знаете, что я вамъ одолжилъ пятьсотъ франковъ: вы мнѣ напишите росписку въ обезпеченіе этихъ денегъ». — «Но помилуйте, я вамъ ничего не должна, вы мнѣ ничего не одолжили!» — «Ваша память вамъ измѣняетъ, сударыня; я вамъ напому подробности этого обстоятельства. Вы у меня просили эту сумму, я охотно согласился одолжить вамъ эти деньги и передалъ вамъ вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ, свертокъ, заключавшій эту сумму въ двадцати-франковыхъ монетахъ». Подъ вліяніемъ моего взгляда, моихъ увѣреній, сдѣланныхъ въ очень искреннемъ тонѣ, М-ле Е. начинаетъ колебаться. Она ищетъ въ своей памяти, и та, послушная моему внушенію, напоминаетъ ей фактъ, воспоминаніе о которомъ я только что вызвалъ въ ней. Это выдуманное событіе принимаетъ въ глазахъ М-ле Е. характеръ реальности; она признаетъ свой долгъ и пишетъ росписку слѣдующаго содержанія.

Je reconnais devoir à M. E. la somme de cinq cents francs, qu'il m'a prêtée, et promets de la lui rembourser le 1-er janvier 1884.

Nancy, le 30 novembre 1883.

Bon pour cinq cents francs.

Signé: E.

М-ле Е. совершеннолѣтняя; Bon pour писано ею собственноручно, согласно ст. 1326 гражданскаго кодекса. Форма векселя соотвѣтствуетъ требованіямъ закона, и если-бы я предъ-

явилъ этотъ вексель ко взысканію, то взысканіе шло-бы обыкновеннымъ путемъ.

М-ме Е., мать М-ле Е., говоритъ своей дочери: «Ты мнѣ ничего не говорила объ этомъ займѣ. Что ты сдѣлала съ этими деньгами, которыя ты получила»? М-ле Е. смотритъ въ затрудненіи на меня. «Очень просто,—отвѣчаетъ она,—вы внесли эти деньги въ сберегательную кассу; этотъ вкладъ засвидѣтельствованъ выданной вамъ книжкой за №.... М-ле передаетъ своей матери внушенный мною отвѣтъ, который для нея сталъ выраженіемъ истины».

«М-ме О. очень интеллигентная молодая женщина, получившая отличное воспитаніе. Она оказываетъ сначала энергичное сопротивленіе всякому внушенію, ставящему ее внѣ дѣйствительности; но затѣмъ, начинается мало по малу колебаніе и въ концѣ концовъ внушенная идея все-таки овладѣваетъ ея ослабѣвшею волею. Я ей внушаю мысль, что она мнѣ должна тысячу франковъ и прибавляю, что я желалъ-бы имѣть соотвѣтственную росписку. Она энергично протестуетъ: я ей никогда ничего не одалживалъ и никогда она не согласится признать такой несуществующій долгъ. Я однако настаиваю. Начинается колебаніе, а затѣмъ устанавливается и убѣжденіе. Память возвращается къ М-ме О., она признаетъ передъ свидѣтелями реальность долга и даетъ слѣдующую росписку:

«Au 1-er janvier prochain, je paierai à M. L. ou à son ordre, la somme de mille francs, valeur reçue comptant.

Nancy, le 19 décembre 1883.

Bon pour mille francs.

Signé: O.

«Въ другой разъ я увѣряю М-ме О., производящую на всѣхъ присутствующихъ, въ числѣ которыхъ находится и ея

мужъ, впечатлѣніе человѣка, находящагося въ вполнѣ нормальномъ состояніи, — что она поручилась за сумму въ сто тысячъ франковъ, которую ея мужъ мнѣ долженъ. Опять тѣ-же колебанія съ одной стороны, то-же настаиваніе съ другой и наконецъ побѣжденная M-me O. пишетъ подѣ диктовку Liégeois:

«Je declare cautionner la dette de cent mille francs contractée par mon mari, le 15 juillet 1883, envers M. L.

Bon pour cent mille francs.

Signé: E. O.» *).

Такъ какъ всѣ подобные векселя, завѣщанія, дарственные записи и пр. не служатъ выраженіемъ воли лицъ, писавшихъ эти документы, и послѣдніе составлены этими лицами автоматически, подѣ вліяніемъ чуждой имъ и неодолимой для нихъ силы, то эти документы, само собою разумѣется, лишены всякаго юридическаго значенія.

Но лица, находящіеся въ гипнозѣ, могутъ иногда совершать нѣкоторыя дѣйствія повидимому самостоятельно, безѣ внушенія. Возможно такимъ образомъ, что гипнотизированный, не получившій никакого внушенія, совершаетъ въ гипнозѣ акты купли-продажи, составляетъ дарственные записи, подписываетъ векселя и т. д. Спрашивается, насколько такіе поступки должны быть признаны дѣйствительными, ведущими за собою обыкновенныя правовыя послѣдствія?

Мы знаемъ, что существуютъ цѣлыя категоріи лицъ, поступки которыхъ уже à priori, вслѣдствіе особенностей духовнаго состоянія ихъ авторовъ, считаются лишенными юридической силы. Въ самомъ дѣлѣ, если въ современномъ обществѣ, каждый человѣкъ признается носителемъ правъ и обязанностей, то подѣ этимъ подразумѣвается человѣкъ съ извѣстными способностями, съ извѣстной степенью развитія и съ извѣст-

*) Liégeois: De la suggest. hypnotique, стр. 32.

нымъ запасомъ опыта. Если эти способности, этотъ запасъ опыта почему либо отсутствуютъ у человѣка, то такой человѣкъ не удовлетворяетъ требованіямъ право- и дѣеспособнаго лица и не имѣетъ ни правъ, ни обязанностей. Правоспособное лицо должно понимать значеніе совершаемаго поступка и его послѣдствій, должно умѣть судить о выгодности, степени цѣлесообразности поступка, и если оно убѣждается въ невыгодности или нецѣлесообразности предстоящаго ему дѣйствія, оно должно имѣть достаточно силы воли, чтобы удержаться отъ его совершенія. Такъ, поступки маніяка, поскольку они относятся къ его маніи, не могутъ быть признаны дѣйствительными, еслибы даже маніякъ и признавалъ значеніе совершаемаго имъ.

Посмотримъ, насколько условія, которымъ должно удовлетворять право- и дѣеспособное лицо, еуществуютъ въ гипнозѣ.

Дѣйствія человѣка зависятъ отъ его сужденій о происходящихъ передъ нимъ явленіяхъ. Какое сужденіе объ этихъ явленіяхъ можетъ имѣть загипнотизированный? Мы знаемъ, что въ гипнозѣ очень часто вызываются галлюцинаціи и притомъ не только по внушенію, но иногда безъ всякаго видимаго повода. Примѣромъ подобныхъ галлюцинацій можетъ служить слѣдующее наблюденіе Бернгейма:

«Въ маѣ прошлаго года ко мнѣ явился человѣкъ, страдавшій гастральгіей (нервными болями въ желудкѣ). Я его гипнотизировалъ 5 разъ; онъ засыпаетъ по внушенію, соверчая въ продолженіе двухъ минутъ мой палецъ.

Если я на одно мгновеніе перестаю имъ управлять, у него появляются самостоятельныя галлюцинаціи. Такъ однажды онъ во время гипнотическаго сна вдругъ какъ-бы остолебѣлъ, затѣмъ началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, причемъ лицо его выражало сильный испугъ. «Онъ приходитъ! Вотъ онъ!» —

кричалъ онъ. — «Да кто приходитъ»? — «Тигръ! смотрите, вотъ онъ тамъ»! — Онъ воображаетъ себя въ пустынь и видитъ идущаго на него тигра. Въ другой разъ онъ видитъ себя въ Bar-le-Duc, у своего брата, торговца дровами; онъ сопровождаетъ своего брата въ дровяной складъ и тамъ разговариваетъ съ нимъ о дѣлахъ. Или я ему говорю, что онъ въ Нанси. Тогда онъ самъ начинаетъ рисовать тѣ мѣста Нанси, по которымъ онъ ходитъ и рассказываетъ мнѣ все, что онъ видитъ во время своей воображаемой прогулки» *).

Одинъ изъ загипнотизированныхъ внезапно вскакиваетъ и объявляетъ, что онъ видѣлъ бѣшенную собаку. Причиной этой галлюцинаціи оказывается скрипъ сапога одного изъ присутствующихъ. **).

Такихъ наблюденій существуетъ безчисленное множество. Легко можетъ случиться, такимъ образомъ, что гипнотизированный подъ вліяніемъ той или другой галлюцинаціи рѣшится на какой нибудь поступокъ, о значеніи котораго онъ не можетъ судить уже по той простой причинѣ, что онъ не въ состояніи имѣть ясное понятіе о фактѣ, служившемъ побужденіемъ къ этому поступку. Возможность появленія галлюцинацій исключаетъ такимъ образомъ условіе, которому должно удовлетворять авторъ юридической сдѣлки:

Но и безъ галлюцинацій гипнотическое состояніе должно считаться состояніемъ неправоиспособности. Представимъ себѣ человѣка, находящагося въ гипнозѣ. Его активное вниманіе отсутствуетъ. Дѣйствительность для него не существуетъ. Всѣ понятія о долгѣ, о законности, объ опасности и т. д. у него исчезли. Въ такомъ состояніи человѣкъ долженъ повиноваться всякому мгновенному порыву. И въ нормальномъ состояніи у насъ

*) Bernheim: De la suggestion dans l'état hypnotique, стр. 42.

**) Bontivegni: Die Hypnose etc., стр. 48.

часто возникают разные желанія, но они исчезают такъ-же быстро, какъ они появились. Мы часто въ силахъ реализовать эти желанія и если мы этого не дѣлаемъ, то потому, что насъ удерживаютъ разные опасенія и соображенія. У гипнотизированнаго этихъ соображеній и опасеній нѣтъ. Такъ какъ онъ потерялъ всякую способность къ ассоцірованію представленій подъ руководствомъ активного вниманія, то онъ видитъ только свои желанія и не находитъ въ своемъ сознаніи никакихъ препятствій къ ихъ осуществленію. Гипнотизированный такимъ образомъ не можетъ судить о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ и въ этомъ отношеніи опять таки не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя ставятся право- и дѣеспособному лицу.

Въ гипнозѣ возможны также самовнушенія. Результаты этихъ самовнушеній въ юридическомъ отношеніи нисколько не отличаются отъ результатовъ внушеній, полученныхъ извнѣ. Относительно всякаго дѣйствія, совершеннаго въ гипнозѣ, мы можемъ, такимъ образомъ, подозрѣвать, что оно совершено подъ вліяніемъ самовнушенія, и что оно, слѣдовательно, не служитъ выраженіемъ воли совершившаго это дѣйствіе.

Для оцѣнки степени правоспособности гипнотизированнаго интересенъ тотъ фактъ, что гипнотизированные могутъ быть легко приведены въ состояніе такихъ лицъ, которыя признаны закономъ неправоспособными. Шарль Рише публиковалъ въ *Revue philosophique* за 1883 г. соотвѣтственные наблюденія.

«Нѣтъ ничего легче, какъ внушить С. самыя странныя иллюзіи относительно его личности. Я ему говорю: «тебѣ теперь шесть лѣтъ, ты еще дитя, ступай играть съ мальчишками!» Онъ вскакиваетъ и начинаетъ прыгать по комнатѣ. Онъ играетъ въ горѣлки и разные другія дѣтскія игры. Онъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе значительные прыжки, перепрыгивая черезъ

одного или двухъ своихъ воображаемыхъ товарищей съ такою легкостью, которая, при его болѣзненности, была-бы невозможна въ нормальномъ состояніи.

Я могу его преобразовать въ животное. Я ему говорю: «вы собака!». Онъ сейчасъ становится на четверенкахъ, лаетъ, дѣлаетъ попытки кусаться и не покидаетъ своей роли до тѣхъ поръ, пока я ему не возвращаю сознанія его настоящаго существа.

Я ему говорю: «вы молодая дѣвушка!». Онъ скромно склоняетъ свою голову, подходитъ къ комоду, вынимаетъ изъ него салфетку и принимается дѣлать жесты вышиванія. Послѣ этого онъ подходитъ къ столу и начинаетъ стучать по нему пальцами, подражая игрѣ на фортепіано *).

Выше мы уже говорили о различныхъ явленіяхъ *измѣненія* личности (*objectivation des types*) и привели нѣсколько относящихся сюда интересныхъ опытовъ. Прибавимъ тутъ указаніе на тотъ интересный фактъ, что при такихъ внушеніяхъ съ измѣненіемъ личности, мѣняется также *почеркъ*, причемъ онъ дѣлается старческимъ или дѣтскимъ, смотря потому, превращенъ ли субъектъ въ старика или ребенка. При превращеніи субъекта въ какую либо опредѣленную личность, напр. историческую, если почеркъ этой внушенной личности загипнотизированному знакомъ, возможно вполне вѣрное подраженіе этому почерку. Хотя до сихъ поръ еще неизвѣстенъ ни одинъ случай подлога, основаннаго на этой способности гипнотика къ воспроизведенію почерка внушенной личности, но нѣтъ надобности указывать, въ какой мѣрѣ это интересное явленіе представляется важнымъ съ точки зрѣнія юридической.

Заключеніе, къ которому мы приходимъ, оказывается рѣ-

*) Цитировано у Бернгейма: *De la suggestion* стр. 36.

шительно тѣмъ-же, что и въ уголовныхъ процессахъ. Тѣ-же причины, которыя снимаютъ съ гипнотизированнаго отвѣтственность за совершенныя имъ преступленія, служатъ также основаніями недействительности заключенныхъ имъ всякаго рода сдѣлокъ. Дѣйствіе, совершенное въ гипнозѣ, не можетъ считаться поступкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается въ юриспруденціи. Это дѣйствіе не ведетъ за собою, стало быть, и правовыхъ послѣдствій, — все равно, относятся ли послѣднія къ правамъ или къ обязанностямъ лица, совершившаго это дѣйствіе.

Въ заключеніе остановимся на постановленіяхъ нашего законодательства, относящихся къ вліянію аффекта и принужденія на значеніе юридическихъ дѣйствій. Въ русскомъ законѣ нѣтъ постановленій, которыя давали бы прямой отвѣтъ на вопросъ о томъ, дѣйствительны ли сдѣлки, заключенныя подъ вліяніемъ аффекта или благодаря психическому принужденію. Но общія начала договорныхъ отношеній по русскому законодательству дѣлаютъ моментъ *воли* исходной точкой зрѣнія при толкованіи дѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ (ст. 700 и 701 т. X ч. I). Въ силу этого судебная практика основывается при оцѣнкѣ договоровъ на понятіи *непринужденности*, требуя въ каждомъ случаѣ наличности подлинной, истинной воли сторонъ. Это начало приводится, однако, далеко не послѣдовательно, и какъ въ законѣ (ст. 1536 и 1538 т. X ч. I), такъ и въ судебной практикѣ и въ литературѣ встрѣчается противоположное начало, отдающее первенствующее значеніе при оцѣнкѣ юридическихъ сдѣлокъ внѣшнимъ моментамъ выраженія воли.

Также относительно состоянія аффекта наши гражданскіе законы не заключаютъ никакихъ положительныхъ опредѣленій. Уголовное законодательство наше обращаетъ вниманіе на эти состоянія и включаетъ ихъ въ число обстоятельствъ, уменьшающихъ

вину. Впрочемъ одно изъ этихъ состояній—состояніе опьяненія является иногда, напротивъ, обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и съ тѣмъ вмѣстѣ мѣру наказанія, именно въ томъ случаѣ, когда лицо умышленно напивается съ цѣлью придать себѣ болѣе смѣлости для совершенія преступленія (ст. 106 улож. о нак.). Для нашего гражданскаго закона опьяненіе и другія состоянія аффекта являются совершенно безразличными въ смыслѣ дѣйствительности сдѣлокъ, въ виду отсутствія въ законѣ какихъ либо опредѣленій на этотъ счетъ. Поэтому нѣкоторые юристы полагаютъ, что всякое гражданское дѣйствіе, совершенное подъ вліяніемъ аффекта или опьяненія, должно быть признано продуктомъ воли и считаться юридическимъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Гипнотическія преступленія въ области судо-производства.

Изъ всего изложеннаго можно вывести заключеніе, что юридическая оцѣнка гипнотическихъ преступленій, фактическія данныя которыхъ достаточно выяснены, не могутъ представлять въ судебной практикѣ слишкомъ большихъ затрудненій. Все сводится къ установленнымъ въ законѣ началамъ отвѣтственности, къ которымъ судъ долженъ подводить каждый данный случай и которыми онъ долженъ руководствоваться. Но трудность заключается главнымъ образомъ въ томъ, что фактическія данныя такихъ преступленій, въ которыхъ гипнотизмъ играетъ значительную роль, въ большинствѣ случаевъ очень нелегко установить.

Можно себѣ представить, какому злоупотребленію безпре-станно будетъ подвергаться понятіе гипнотизма, разъ юридическое значеніе его будетъ признано судебной практикой. Преступники будутъ утверждать, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, или что обвиняющимъ ихъ свидѣтелямъ была внушена галлюцинація преступленія. Клеветники будутъ считать себя въ полнѣйшей безопасности, такъ какъ въ случаѣ, если лживость ихъ утвержденій и будетъ обнаружена, они могутъ увѣрять, что они ошиблись, принимая за дѣйствительность видѣніе, внушенное имъ какимъ нибудь злоумышленникомъ. Женщина, которая пожелаетъ развестись

съ мужемъ, будетъ увѣрять, что ея согласіе на бракъ было вынуждено гипнотическимъ внушеніемъ. Подобныхъ примѣровъ можно было-бы насчитать множество. Уже и теперь, не смотря на новостъ методы гипнотизированія, извѣстны случаи злоупотребленія гипнотизмомъ для ложныхъ обвиненій. Первыя попытки въ этомъ отношеніи оказались, конечно, очень наивными и кончились очень печально для обвинителей, но искусство обвиненія и защиты на почвѣ гипнотизма безъ сомнѣнія будетъ со временемъ все болѣе усовершенствоваться.

Должна-ли судебная практика для избѣжанія подобныхъ злоупотребленій упорно игнорировать юридическое значеніе гипнотизма? Такая политика не можетъ продолжаться слишкомъ долго. Факты всегда будутъ говорить за себя и никакой добросовѣстный судья не закроетъ глазъ передъ явленіями, которыя могутъ имѣть, во многихъ случаяхъ, рѣшающее значеніе на исходъ процесса. Никакой судья не рѣшится обвинить невиннаго изъ-за опасенія, что оправдательный приговоръ можетъ привести къ осложненіямъ въ будущей судебной практикѣ.

Но если гипнотизмъ, такимъ образомъ, не можетъ быть игнорированъ судебной практикой во всей цѣлости, то приходится искать средствъ, которыми можно было-бы бороться противъ злоупотребленій явленіями гипнотизма. Такія средства существуютъ.

Допустимъ, что гдѣ нибудь совершено преступленіе. Положимъ, что собрано достаточно уликъ, указывающихъ на то, что извѣстный Х. нанесъ ударъ кинжаломъ или убилъ выстрѣломъ изъ пистолета, или совершилъ поджогъ. Преступникъ такимъ образомъ найденъ, но онъ, не отрицая того, что убійство или поджогъ совершенъ имъ, утверждаетъ, что это преступленіе, судя по всѣмъ признакамъ, внушено было ему третьимъ лицомъ. Вслѣдствіе этого Х. считаетъ себя невиннымъ. Само-

собою разумѣется, что слѣдователь не можетъ повѣрить обвиняемому на слово: нужно имѣть способы для провѣрки его показаній.

Дѣло можетъ обстоять и такъ, что отсутствіе мотивовъ для преступленія, странное поведеніе арестованнаго, или какія-либо другія обстоятельства возбуждаютъ въ слѣдователѣ мысль, что онъ имѣетъ дѣло съ преступленіемъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія. Какъ ему убѣдиться въ степени основательности его предположенія?

Прежде всего въ такомъ случаѣ слѣдуетъ узнать, можно ли погрузить арестованнаго въ гипнотическій сонъ. Если арестованный не можетъ быть гипнотизированъ, то ясно, что онъ не могъ совершить преступленія подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія. Какъ узнать степень предрасположенія обвиняемаго къ гипнотизаціи?

Охоровичъ изобрѣлъ приборъ, помощью котораго, какъ онъ увѣряетъ, легко можно измѣрить степень предрасположенности извѣстнаго лица къ гипнотизаціи. Этотъ приборъ, носящій названіе *гипноскопа*, состоитъ изъ небольшого, но очень сильнаго магнита особенной формы, дѣйствіе котораго, по увѣренію Охоровича, чувствуется легко только гипнотизируемыми людьми. Это дѣйствіе состоитъ, смотря по степени предрасположенности субъекта къ гипнотизаціи, въ непроизвольныхъ движеніяхъ, въ нечувствительности, въ парализованности членовъ, въ конвульсивныхъ сокращеніяхъ мускуловъ и цѣлыхъ мускульныхъ группъ, въ субъективныхъ ощущеніяхъ (холода, теплоты, уколовъ, давленія, ползанія мурашекъ и пр.) и склонности ко сну. Сильнѣйшая степень склонности къ гипнотизаціи обнаруживается полной нечувствительностью, парализованностью и конвульсіями.

До сихъ поръ еще не установлено, насколько результаты,

добытые гипноскопомъ, могутъ считаться вѣрными. Если связь физическаго магнетизма съ гипнотизмомъ и признается всѣми наблюдателями, и многіе извѣстные ученые (въ томъ числѣ Рише) не оспариваютъ возможности существованія подобнаго прибора, то съ другой стороны доказано, что гипноскопъ Охорovichа даетъ во многихъ случаяхъ ошибочные результаты. Самымъ надежнымъ и простымъ средствомъ къ узнаванію степени склонности извѣстнаго лица къ гипнотизаціи оказывается все таки опытъ гипнотизированія этого лица.

Во взятомъ нами примѣрѣ, гдѣ преступникъ заинтересованъ положительнымъ исходомъ опыта, можно опасаться, что онъ, въ дѣйствительности не поддаваясь вліянію манипуляцій гипнотизера-эксперта, станетъ притворяться гипнотизированнымъ, чтобы ввести правосудіе въ обманъ. Но въ рукахъ экспертизы имѣется много способовъ, которыми его притворство легко будетъ обнаружено.

Мы знаемъ, что однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ гипноза является полнѣйшая нечувствительность гипнотика. Если подъ носомъ послѣдняго держать бутылку съ нашатыремъ, вдыханіе котораго вызвало-бы въ нормальномъ состояніи чрезвычайно сильную реакцію, у него мы не замѣтимъ ни малѣйшаго признака непріятнаго ощущенія: слизистая оболочка носа не реагируетъ. Точно также зрачекъ не сокращается подъ вліяніемъ вспыхивающаго свѣта. Нѣтъ никакой возможности, чтобы самый закаленный человѣкъ, будь онъ хитрѣй Улисса, могъ въ нормальномъ состояніи «притворяться» до такой степени нечувствительнымъ.

Въ каталептическомъ состояніи человѣкъ, какъ извѣстно, можетъ пребыть очень значительное время въ одномъ положеніи. Испытуемаго субъекта можно заставить вытянуть горизонтально руку, и если онъ «поддѣлываетъ» гипнозъ, то онъ

скоро выдасть себя тѣмъ, что принужденъ будетъ опустить руку.

Почти математическимъ методомъ пользовался Бернгеймъ для доказательства того, что извѣстное лицо находится въ гипнотическомъ снѣ. Онъ употреблялъ «сани» Дюбуа Реймона, приборъ, которымъ обыкновенно пользуются въ физиологическихъ лабораторіяхъ для изученія электрическихъ реакцій мускуловъ и нервовъ. Въ этомъ аппаратѣ сила реакцій зависитъ отъ разстоянія между его двумя составными частями, состоящими изъ цилиндровъ, на поверхности которыхъ спирально намотаны проволоки. Реакція тѣмъ значительнѣе, чѣмъ это разстояніе меньше. Человѣкъ въ нормальномъ состояніи, черезъ тѣло котораго пропущенъ индуктивный токъ этого аппарата, начинаетъ чувствовать боль, если разстояніе между цилиндрами равно пяти сантиметрамъ. При разстояніи въ $2\frac{1}{2}$ сантиметра боль становится нестерпимой. Въ опытахъ, которые Бернгеймъ продѣлывалъ надъ гипнотизированными, разстоянія между цилиндрами были минимальны, и аппаратъ тѣмъ не менѣе не вызывалъ абсолютно никакой реакціи: гипнотизированный не обнаруживалъ никакихъ признаковъ боли. «Притворство въ такомъ опытѣ было-бы еще болѣе непостижимымъ явленіемъ, чѣмъ гипнозъ самъ по себѣ», — говоритъ Бернгеймъ. Но даже и для попытки къ притворству уже необходимо основательное знаніе не только явленій гипнотизма, но и многихъ физиологическихъ законовъ. Трудно предположить, чтобы преступникъ, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ необразованный и во всякомъ случаѣ незнакомый съ физиологическими явленіями, могъ обмануть опытныхъ и ученыхъ экспертовъ.

Кромѣ указанныхъ нами физическихъ явленій, которыми легко можно обнаружить притворство испытуемаго лица, су-

ществуютъ еще психическіе признаки, дающіе возможность судить о томъ, дѣйствительно-ли это лицо гипнотизировано. Эти признаки доставляютъ внушенія. Мы видѣли выше, что чело-вѣка, находящагося въ гипнозѣ, можно заставить переживать все, что заблагоразсудится гипнотизеру—внушителю. Мы видѣли гипнотизированнаго, чувствующимъ себя то свидѣтелемъ, то виновникомъ, то жертвой убійствъ, насилій, поджоговъ и тому подобныхъ страшныхъ событій. Его можно заставлять совершать поступки, стоящіе ему страшной внутренней борьбы. Во всѣхъ этихъ драматическихъ сценахъ его чувства живо рисуются на его лицѣ, на которомъ попеременно отражается то страхъ, то радость, то ужасъ, то злорадство. Преступникъ долженъ по меньшей мѣрѣ быть актеромъ съ выходящими изъ ряду вонъ способностями, чтобы сѣумѣть хоть сколько нибудь естественно играть всѣ внушенныя ему роли.

Мы имѣемъ такимъ образомъ въ рукахъ вѣрныя средства, помощью которыхъ мы въ каждомъ данномъ случаѣ можемъ рѣшить, поддается-ли подозрѣваемый субъектъ гипнозу или нѣтъ. Если въ результатѣ изслѣдованія окажется, что подозрѣваемый преступникъ не можетъ быть гипнотизированъ, то можно считать доказаннымъ, что гипнотизмъ въ совершенномъ преступленіи не игралъ никакой роли. Наоборотъ, если подозрѣваемый оказывается поддающимся гипнозу, мы не можемъ все-таки категорически утверждать, что преступленіе совершено подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія. Изъ того факта, что извѣстное лицо можетъ быть гипнотизировано, еще не слѣдуетъ, что оно совершило данный поступокъ подъ вліяніемъ гипнотизма. Въ этомъ случаѣ слѣдствіе еще не закончено первымъ рядомъ опытовъ.

Чтобы понять затрудненія, представляющіяся экспертизѣ при дальнѣйшемъ веденіи слѣдствія, мы должны нѣсколько

обстоятельнѣе познакомиться съ состояніемъ памяти у гипнотизированныхъ. Бернгеймъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Большинство легко впадающихъ въ гипнозъ не сохраняютъ, при возвращеніи въ нормальное состояніе, никакого воспоминанія о совершившемся въ гипнозѣ. Нѣкоторые субъекты сохраняютъ смутное, не полное воспоминаніе; нѣкоторые факты у нихъ остаются въ памяти, другіе совершенно исчезаютъ; одни изъ нихъ слышали, что что-то говорилось, но не припоминаютъ содержанія сказаннаго; или-же они слышали что говорилъ гипнотизеръ, но не слышали того, что говорили другія лица». Если подозрѣваемый преступникъ, увѣряющій, что онъ былъ гипнотизированъ, можетъ вспомнить происходившее во время гипноза, то онъ долженъ также назвать и гипнотизера-внушителя, и его показанія послужать основаніемъ дальнѣйшему слѣдствію. Если-же, что чаще случается, онъ не въ состояніи сказать что либо о происходившемъ во время гипноза, то эксперты могутъ воспользоваться тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что воспоминаніе, обо всемъ случившемся во время гипноза, хотя и исчезаетъ у гипнотизированнаго въ нормальномъ состояніи, но возвращается, однако, при вторичной гипнотизаціи. Подозрѣваемое лицо должно быть загипнотизировано вторично и допрошено во время гипнотического сна: оно тогда расскажетъ всѣ обстоятельства, при которыхъ произошло внушеніе и поможетъ розыскать автора преступнаго внушенія. Основываясь на опытахъ Liègeois и Beaunis'a, приведенныхъ нами въ первой главѣ, мы можемъ предположить, что показаніе гипнотизированнаго будетъ соответствовать истинѣ. Слѣдовательно, впрочемъ, нѣтъ необходимости положиться всецѣло на показанія, добытыя путемъ гипноза. Изъ дальнѣйшаго слѣдствія видно будетъ, насколько эти показанія были сдѣланы искренно.

Но если авторъ внушенія хорошо знакомъ съ явленіями гипнотизма, то онъ можетъ значительно осложнить работу экспертизы. Мы сказали, что воспоминаніе о совершившемся во время одного сеанса, оживаетъ во время слѣдующаго сеанса. Но гипнотизеръ-преступникъ можетъ предвидѣть, насколько опасно для него это возстановленіе воспоминаній и можетъ помѣшать этому соотвѣтствующимъ внушеніемъ.

Внушеніемъ можно заставить человѣка забыть все, что угодно внушителю. Для этого послѣдній вызываетъ ретро-активные отрицательныя галлюцинаціи. Liégeois произвелъ въ этомъ отношеніи рядъ очень интересныхъ опытовъ:

«Я сначала допрашиваю испытуемое лицо относительно его имени, возраста, мѣста жительства и т. д., и оно отвѣчаетъ на эти вопросы очень хорошо. Затѣмъ я его увѣряю, что оно все забыло, что оно не знаетъ ни своего имени, ни своего мѣста жительства и т. д. Допрошенное снова, оно дѣйствительно болѣе не въ состояніи отвѣтить на предлагаемые вопросы.

«У нѣкоторыхъ лицъ мнѣ удалось вызвать такимъ образомъ полнѣйшее отсутствіе всякихъ воспоминаній.

«Я говорю госпожѣ Т: «Вы не помните ничего; вы не знаете, живы-ли вы теперь или мертвы, замужемъ-ли вы или нѣтъ, женщина-ли вы или мужчина и т. д.»

«Допрошенная затѣмъ нѣкоторыми изъ присутствующихъ, г-жа Т., лицо которой приняло тупое выраженіе, отвѣчаетъ всѣмъ; «я не знаю, я не знаю, я не знаю». Мозгъ ея на мгновеніе потерялъ всѣ представленія, всѣ впечатлѣнія, сохранявшіеся имъ. Осталась только страшная пустота».

Главныя фазы состоянія памяти у гипнотизированныхъ отлично схематизированы въ слѣдующемъ опытѣ Gilles de la Tourette.

«Матильда S., 23-хъ лѣтъ, истеричная, легко гипнотизируемая дѣвушка. (Опытъ 30 іюня 1885 года).

1) Когда М. S. подѣ вліяніемъ пристально устремленнаго на нее взгляда заснула, я ей говорю: «Когда вы проснетесь, вы возьмете чернильницу, стоящую на столѣ лабораторіи, и поставите ее въ углу комнаты». По пробужденіи она тотчасъ исполняетъ внушенное дѣйствіе. Тогда мы начинаемъ выражать наше удивленіе по поводу того, что на столѣ нѣтъ чернильницы; мы ищемъ ее, мы спрашиваемъ о ней присутствующихъ: мы обращаемся, наконецъ, прямо къ Матильдѣ и спрашиваемъ, не знаетъ-ли она, что стало съ чернильницей. Она увѣряетъ, что не трогала чернильницы и не знаетъ, гдѣ она.

Тогда мы ее снова усыпляемъ и допрашиваемъ насчетъ чернильницы. Она тотчасъ и безъ малѣйшаго колебанія объявляетъ, что она сама спрятала чернильницу. «Вѣдь вы сами же, прибавляетъ она, мнѣ велѣли поставить чернильницу въ тотъ уголъ».

2) Матильда снова усыплена и мы ей говоримъ: «Когда вы проснетесь, вы возьмете книгу, лежащую передъ вами на столѣ, и положите ее въ ящикъ другого стола, стоящаго въ задней части лабораторіи. Когда вы это сдѣлаете, вы забудете, что вы брали эту книгу, вы забудете и про то, что я вамъ теперь говорю, и если васъ позже будутъ объ этомъ допрашивать во снѣ или въ нормальномъ состояніи, вы не съумѣете ничего сказать относительно этого предмета».

Пробужденная вслѣдъ затѣмъ, Матильда беретъ указанную книгу, открываетъ ящикъ другого стола и кладетъ туда книгу. Мы повторяемъ прежнюю сцену и допрашиваемъ Матильду относительно исчезнувшей книги. Она отвѣчаетъ, какъ и прежде, что она книги не трогала и не знаетъ, гдѣ она.

Мы ее снова усыпляемъ и допрашиваемъ настойчиво, что она сдѣлала съ книгой. Она энергично утверждаетъ, что она даже не понимаетъ, о чемъ мы говоримъ. Мы ее спрашиваемъ: «А что вы только что положили въ ящикъ большого стола?».—«Ничего, я даже не открывала ящика».—«Я вѣдь самъ приказалъ вамъ положить книгу въ этотъ ящикъ.»—«Вы мнѣ никогда ничего подобнаго не говорили».—«Но посмотрите сами и вы увидите, что книга лежитъ въ ящикѣ стола.»

Она подходитъ къ столу, находитъ дѣйствительно книгу, но продолжаетъ самымъ энергичнымъ образомъ отрицать, что это она вложила книгу туда *).

Гипнотизеръ преступникъ можетъ такимъ образомъ внушить лицу, усваивающему и реализующему преступное внушеніе, чтобы онъ забылъ все, касающееся этого внушенія, чтобы онъ забылъ въ особенности участіе его, гипнотизера, въ имѣющемъ совершиться преступленіи. Если внушеніе совершенно какъ слѣдуетъ, то никакая сила не вырветъ у арестованнаго преступника имени внушителя.

Что остается сдѣлать въ такомъ случаѣ правосудію?

Liégeois предпринялъ рядъ опытовъ, цѣлью которыхъ было найти средство къ отысканію автора преступнаго внушенія. Въ результатѣ этихъ опытовъ оказалось, что существуютъ нѣкоторые средства къ отысканію виновнаго гипнотизера среди ряда лицъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе. Это дѣлается такимъ образомъ: Предположимъ, что нѣкій А., получившій преступное внушеніе отъ В., подъ вліяніемъ этого внушенія совершилъ преступленіе. А. арестованъ и подвергнутъ изслѣдованію. Онъ оказывается поддающимся гипнотизаціи, но вслѣдствіе внушенной ему потери воспоминаній онъ не можетъ указать на

*) Gilles dea Tourette: „L'hipnotisme etc" стр. 156.

В., какъ на автора внушенія. Тогда гипнотизеръ, ведущій слѣдствіе, дѣлаетъ А. слѣдующее внушеніе: «Какъ только вы увидите человѣка, внушившаго вамъ преступленіе, вы должны засмѣяться». Точно также можно приказать А. заснуть или сдѣлать извѣстное движеніе при видѣ преступника-гипнотизера. Затѣмъ передъ А. проводится цѣлый рядъ подозрѣваемыхъ лицъ, изъ которыхъ виновный будетъ узнавъ соотвѣтствующимъ жестомъ А. Гипнотизеръ, дающій преступное внушеніе, не въ состояніи предвидѣть всѣхъ знаковъ, которые будутъ внушены арестованному при судебномъ слѣдствіи.

При всѣхъ подобныхъ изысканіяхъ придется, конечно, обратиться къ опытному гипнотизеру, который съумѣлъ-бы усыпить арестованнаго и дать ему нужныя внушенія. Подобное исканіе помощи у не-юристовъ при веденіи слѣдствія не ново для правосудія. Затрудненія, представляющіяся экспертизѣ въ явленіяхъ гипнотизма, не превышаютъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются, когда приходится констатировать умопомѣшательство. Въ этомъ случаѣ также приходится часто подозрѣвать притворство, и въ большинствѣ случаевъ только продолжительное наблюденіе можетъ установить истину.

Мы можемъ такимъ образомъ вывести заключеніе, что если осложненія, возникающія для правосудія съ признаніемъ юридическаго значенія гипнотизма, и значительны, то они однако ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться непреодолимыми.

Нѣкоторые юристы затронули вопросъ, насколько позволительно употребленіе гипнотическаго внушенія въ качествѣ процессуальнаго средства, съ цѣлью обнаруженія истины, т. е. съ цѣлью добиться признанія подсудимаго, выдачи соучастниковъ, указанія слѣдовъ преступленія и т. д. Была даже сдѣлана въ этомъ отношеніи попытка: Въ 1881 г., парижская судебная палата разрѣшила Motet и Mosnet загипнотизировать въ залѣ

суда лицо, обвинявшееся въ проступкѣ противъ общественной нравственности. Почти всѣ ученые сходятся въ томъ, что гипнотизація подозрѣваемаго лица, съ цѣлью добиться отъ него доказательствъ его виновности, есть средство недостойное правосудія. По господствующимъ нынѣ правовымъ воззрѣніямъ никто не обязанъ давать показанія помимо своей воли, а такъ какъ въ состояніи гипноза о волѣ и рѣчи быть не можетъ, то этотъ способъ веденія слѣдствія долженъ быть отвергнутъ. Притомъ такой пріемъ изслѣдованія представлялъ бы серьезныя опасности для правосудія, въ виду отсутствія гарантіи правдивости и дѣйствительности тѣхъ данныхъ, которыя добыты путемъ гипнотическаго внушенія.

Были также сдѣланы попытки къ примѣненію гипнотическаго внушенія въ дѣятельности пенитенціарныхъ заведеній, въ видахъ достиженія цѣлей исправленія тюремныхъ сидѣльцевъ. Такъ, въ 1890 г. проф. Бернабеи изъ Флоренціи предложилъ италіанскому министру внутреннихъ дѣлъ устроить въ государственныхъ тюрьмахъ гипнотическіе кабинеты для изслѣдованія, посредствомъ внушенія, рецидивистовъ. Попытки эти, однако, оказываются преждевременными, въ виду того, что проблема гипноза вообще не можетъ еще считаться достаточно прочно установленной въ наукѣ экспериментальной психологіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опасности гипнотизма.

Опасность, которою может сопровождаться для общества распространение знаний гипнотических явлений, находится, конечно, въ прямой пропорціи къ числу лицъ, поддающихся гипнотизаціи. Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что склонность къ гипнозу далеко не одинакова у разныхъ лицъ. У однихъ эта склонность почти равна нулю, у другихъ она чуть замѣтна, у третьихъ, наконецъ, она очень велика. Не безъ основанія предполагаютъ также, что склонность къ гипнотизаціи различна у разныхъ народовъ. Этотъ фактъ не мало умаляетъ значеніе нижеприводимыхъ цифръ, которыя всѣ почти составлены по наблюденіямъ французовъ, сдѣланнымъ надъ французами-же. Впрочемъ, разница въ склонности къ гипнозу у разныхъ народовъ по всей вѣроятности не очень велика, какъ то доказываетъ успѣхъ странствующихъ гипнотизеровъ, вездѣ дающихъ свои представленія и вездѣ находящихъ среди публики лицъ, годныхъ для ихъ публичныхъ «опытовъ».

Мы уже выше упомянули, что большинство изслѣдователей гипнотическихъ явленій раздѣляется на два постоянно воюющихъ другъ съ другомъ лагеря. Одни изслѣдователи при-
мыкаютъ къ парижской школѣ, учителемъ которой является Шарко, другіе составляютъ нансійскую школу, во главѣ которой находятся профессора Нансійскаго университета: Liégeois (юрпестъ), Bernheim (медикъ), Beaunis (физіологъ) и др. Глав-

ный пунктъ, въ которомъ эти двѣ школы расходятся—это вопросъ о томъ, какія лица легко поддаются гипнозу. Шарко и его ученики утверждаютъ, что легко гипнотизированы могутъ быть только истеричныя особы и невропаты. Нансійская школа горячо оспариваетъ это положеніе. По увѣреніямъ приверженцевъ этой школы, истеричныя особы склонны къ гипнозу не болѣе, чѣмъ люди совершенно здоровые.

Если послѣднее утвержденіе и не подтверждается наблюденіями, сдѣланными въ Нанси *), то тѣмъ не менѣе фактъ, что въ гипнозъ легко впадаютъ и совершенно здоровые люди, можетъ считаться твердо установленнымъ. Иначе пришлось бы допустить, какъ мы увидимъ ниже, что число истеричныхъ одинаково среди мужчинъ и женщинъ, что противорѣчитъ дѣйствительности.

Первыя статистическія данныя относительно числа лицъ, способныхъ впасть въ гипнозъ, составлены нансійскимъ врачомъ д-ромъ Liebeault. Онъ различалъ слѣдующія степени гипноза: сонливость, легкій сонъ, глубокій сонъ, очень глубокій сонъ, сомнамбулизмъ (легкій и глубокій). Его цифры составляютъ результатъ наблюденій надъ 1014 лицами, среди которыхъ:

27	=	2,5%	не чувствовали никакого вліянія гипнотизаціи,
у 33	=	3,2%	замѣчалась глубокая сонливость,
100	=	9,8%	впадали въ легкій сонъ,
460	=	45,3%	» » тяжелый сонъ,
232	=	22,8%	» » очень тяжелый сонъ,
31	=	3,2%	» » легкій сомнамбулизмъ,
131	=	13,7%	» » тяжелый сомнамбулизмъ.

Въ *Revue de l'hypnotisme* находимъ слѣдующую таб-

*) Констатировано, что истеричныя особы почти всегда могутъ быть гипнотизированы.

лицу, содержащую результаты позднѣйшихъ наблюдений Liebeault (1884—1885):

Безъ всякаго вліянія у	7,9%
Сонливость	10,9%
Легкій сонъ	18,9%
Тяжелый сонъ	35,9%
Очень тяжелый сонъ	8,2%
Сомнамбулизмъ	18,7%

Слѣдующая таблица рисуеъ намъ склонность къ гипнозу по поламъ:

	Мужчины	%	Женщины	%	Всего.
Безъ вліянія	31	10,8	31	6,6	62
Сонливость	21	7,3	50	10,6	71
Легкій сонъ.	52	18,1	99	21,1	151
Тяжелый сонъ	108	37,6	163	34,8	271
Очень тяжелый сонъ.	21	7,3	34	2,2	55
Сомнамбулизмъ . . .	54	18,8	91	19,4	145
	287	100	468	100	755

Слѣдующая таблица опредѣляетъ склонность къ гипнозу этихъ-же лицъ, распределенныхъ по возрастамъ.

Возрасть.	Число лицъ.	Сомнамбу-лизмъ.	Очень глѣ-бокий сонъ.	Глубокій сонъ.	Легкій сонъ.	Сонливостъ.	Безъ влія-нія.
до 7 лѣтъ	23	6	1	3	12	1	0
7—14	65	36	5	15	9	0	0
14—21	87	22	5	39	5	7	9
21—28	98	13	5	36	18	17	9
28—35	84	19	5	29	15	11	5
35—42	85	9	10	30	24	5	7
42—49	106	23	5	31	24	10	13
49—56	68	5	10	24	19	7	3
56—63	69	5	6	26	13	9	10
63 и выше.	54	7	5	23	12	4	8
	744	145	57	256	151	71	64

Веауніс далъ результаты своихъ наблюденій въ слѣдую-щей таблицѣ:

Возрасть	Сомнам-булизмъ	Очень гл. сонъ	Глуб. сонъ	Легкій сонъ	Сонли-вость	Безъ вліянія
до 7 лѣтъ	6,52	4,3	13,0	52,1	4,3	0
7—14 »	55,3	7,6	23,0	13,8	0	0
14—21 »	25,2	5,7	44,8	5,7	8,0	10,3
21—28 »	13,2	5,1	36,7	18,3	17,3	9,1
28—35 »	22,6	5,9	34,5	17,8	13,0	5,9
35—42 »	10,5	11,7	35,2	28,2	5,8	8,2
42—49 »	21,6	4,7	29,2	22,6	9,4	12,2
49—56 »	7,3	14,7	35,2	27,9	10,2	4,4
56—63 »	7,3	8,6	37,6	18,8	13,0	14,4
63 и выше	11,8	8,4	38,9	20,3	6,7	13,5

Мы видимъ изъ этихъ таблицъ, что оба пола почти одинаково легко впадаютъ въ гипнотическое состояніе. Этотъ фактъ доказываетъ, что не однѣ истеричныя женщины, какъ то утверждаетъ Шарко, могутъ быть гипнотизированы. Далѣе, интересенъ тотъ фактъ, что дѣти въ возрастѣ отъ 7—14 лѣтъ легче всего впадаютъ въ сомнамбулистическую стадію гипноза.

Охоровичъ, дѣлавшій свои наблюденія помощью упомяну- таго выше гипноскопа, пришелъ къ другимъ результатамъ относительно числа лицъ, вовсе не поддающихся гипнотизиро- ванію: онъ находитъ, что только 30% чувствуютъ вліяніе гипноскопа. Найденное имъ число лицъ, впадающихъ въ сом- намбулизмъ, согласуется съ наблюденіями Beaunis'a и Liebeault.

Но во всякомъ случаѣ, если даже цифры Охоровича бли- же къ истинѣ, чѣмъ цифры Liebeault и Beaunis'a, ясно, что гипно- тическія явленія, вліянію которыхъ можетъ быть подвержена почти треть всѣхъ людей, должны имѣть важное значеніе для общества, и если мы взяли число лицъ, предрасположенныхъ ко впаденію въ гипнозъ, однимъ изъ мѣрилъ опасности, пред- ставляемой гипнотизмомъ, то эта опасность, послѣ приведен- ныхъ наблюденій, оказывается далеко не ничтожной

Въ чемъ собственно заключается вредъ гипнотизма?

Мы уже видѣли выше, что гипнотизмъ можетъ служить средствомъ къ преступленіямъ, направленнымъ какъ противъ самихъ гипнотизированныхъ, такъ и противъ другихъ лицъ. Но и помимо этого гипнотизированіе, совершенное даже безъ злого умысла, сопровождается вредными послѣдствіями для гипнотизированнаго.

Прежде всего повторенныя гипнотизаціи вредны тѣмъ, что онѣ дѣлаютъ гипнотизируемое лицо неспособнымъ къ сопротивленію вліянію гипнотизера. Повторенныя гипнотизаціи

образуютъ такъ называемое *гипнотическое воспитаніе*. Въ первый разъ опытъ гипнотизаціи рѣдко удается; все, что достигается первымъ опытомъ, заключается въ сонливости пациента; во второй или третій разъ пациентъ засыпаетъ; въ четвертый разъ у него замѣчаются признаки самнамбулизма, сначала легкаго, а затѣмъ болѣе глубокаго; внушенія начинаютъ удаваться, у пациента появляются галлюцинаціи. Послѣ этого лицо это уже не въ состояніи противиться вліянію всякаго, желающаго его гипнотизировать. У такихъ лицъ, получившихъ гипнотическое воспитаніе, гипнозъ часто наступаетъ самъ собою: внезапный шумъ, вспыхиваніе свѣта, испугъ и пр. вызываютъ у нихъ гипнотическій сонъ. У нихъ удаются очень легко внушенія, даже произведенныя на яву. Дѣло доходить, наконецъ, до того, что эти лица не могутъ быть оставлены одни, такъ какъ нужно всегда опасаться, чтобы они не впали сами собою въ гипнозъ, или чтобы надъ ними не было произведено внушенія какимъ нибудь злоумышленникомъ.

Другая опасность, которую представляетъ гипнотизированіе, заключается въ томъ, что гипнотизируемые становятся истеричными. Частыя внушенія поступковъ и галлюцинацій сопровождаются такими душевными потрясеніями, которыя рано или поздно должны окончательно разстроить нервную систему и усиливать до крайности предрасположеніе гипнотизируемаго къ истерикѣ и тому подобнымъ неврозамъ. Обыкновенные приемы, которыми гипнотизеры пользуются для усыпленія и которые состоятъ въ дѣйствіи сильнаго свѣта, внезапнаго шума, въ однообразныхъ движеніяхъ, въ пристальномъ фиксированіи какого нибудь блестящаго предмета, и т. д.—приводятъ иногда, вмѣсто гипнотическаго сна, къ истерическому припадку. Gilles de la Tourette сообщаетъ слѣдующій случай *):

*) Gilles de la Tourette; L'hypnotisme etc. стр. 307.

«М. de С., отставной военный, заинтересовался гипнотизмомъ. Желая на опытѣ видѣть дѣйствіе гипнотизма, онъ сталъ гипнотизировать свою дочь, хотя та ничѣмъ не страдала. Для этого онъ, не подозрѣвая опасности своихъ дѣйствій, проводилъ рукой по животу своей дочери. Послѣ нѣсколькихъ минутъ гипнотизаціи, пациентка почувствовала конвульсивныя движенія, которыя, однако, нисколько не испугали гипнотизера, а, наоборотъ, подѣйствовали на него ободряющимъ образомъ, побуждая его къ продолженію опыта. Но конвульсіи m-lle de С. все болѣе и болѣе усиливались, такъ что испуганный отецъ прекратилъ наконецъ гипнотизацію, чѣмъ онъ однако не достигъ облегченія ея состоянія, которое еще продолжалось послѣ этого цѣлыхъ восемь дней».

Другой случай, сообщенный тѣмъ же авторомъ, показываетъ, что гипнотическіе маневры, предпринимаемые врачами, также не всегда удачно оканчиваются.

«Одинъ врачъ привелъ свою пациентку въ состояніе сомнамбулизма, желая совершить надъ ней различные опыты. Съ каждымъ сеансомъ ея сонъ становился глубже, что вполне соответствовало желаніямъ экспериментатора. Къ сожалѣнію, присутствовавшіе при опытахъ зрители имѣли неосторожность рассказать этой женщинѣ о явленіяхъ, совершающихся во время ея сна. Эти рассказы ее сильно волновали и разстраивали. Когда она однажды была гипнотизирована въ такомъ состояніи энергичнѣе обыкновеннаго, у нея вдругъ появились сильныя конвульсивныя припадки. Это испугало гипнотизера, не привыкшаго къ подобнымъ явленіямъ. Чтобы остановить припадки, онъ прекратилъ гипнотизацію, чѣмъ онъ однако не достигъ своей цѣли. Два человѣка не въ состояніи были удержать больную на постели. Къ счастью, магнетизеру пришла

мысль погрузить снова больную въ состояніе магнетизма. Тогда больная успокоилась, но припадки еще повторялись въ послѣдствіи въ продолженіе двухъ недѣль».

Повторенныя гипнотизаціи часто ведутъ къ сомнамбулистическимъ припадкамъ, которые наступаютъ безъ всякаго вѣдимаго повода, подобно припадкамъ естественнаго сомнамбулизма. Gilles de la Tourette приводитъ случай, гдѣ подобные припадки наступили уже послѣ перваго сеанса гипнотизаціи.

«Докторъ Bremond, корабельный врачъ,, явившійся въ 1884 году въ Парижъ для представленія въ Société de biologie нѣкоторыхъ сообщеній, касавшихся гипнотизма, обратился къ доктору Берильону съ просьбой предоставить въ его распоряженіе годныхъ для производства опытовъ молодыхъ людей. Послѣдній ввелъ его въ кружокъ Diderot, засѣдавшій въ ресторанѣ Просоре. Кружокъ этотъ состоялъ изъ молодыхъ людей, отъ двадцати до двадцати-пятилѣтняго возраста, изъ которыхъ нѣсколько предоставило себя въ распоряженіе доктора Бремо. Изъ нихъ онъ выбралъ трехъ или четырехъ, надъ которыми онъ часто повторялъ опыты, послужившіе ему между прочимъ матеріаломъ для его сообщеній въ Société de biologie.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, Н., 22-хъ лѣтъ отъ роду, служившій бухгалтеромъ въ газовомъ обществѣ, оказался особенно чувствительнымъ къ этимъ опытамъ. Вслѣдствіе этого докторъ Бремо принялся вызывать у него попеременно всѣ стадіи гипнотизма съ соотвѣтствующими каждой изъ нихъ мускульными сокращеніями, желая этимъ путемъ доказать своимъ слушателямъ нѣкоторыя поддерживаемыя имъ положенія.

Въ состояніи сомнамбулизма онъ произвелъ у него цѣлый рядъ внушеній. Такимъ образомъ онъ внушилъ этому чиновнику, что онъ сталъ женщиной и кормить грудью своихъ дѣтей. Затѣмъ онъ ему внушилъ мысль украсть деньги изъ кассы

того учрежденія, при которомъ онъ состоялъ служащимъ. Н., человекъ испытанной честности, безъ колебанія исполнилъ внушеніе экспериментатора, къ большому изумленію его многочисленныхъ друзей.

По пробужденіи отъ гипнотическаго сна, Н. не сохранилъ никакого воспоминанія о многочисленныхъ опытахъ, совершенныхъ надъ нимъ, и возвратился домой, жалуясь только на мускульное утомленіе и легкую головную боль.

Нѣсколько дней спустя, мать молодого человека, не знавшая рѣшительно ничего о происшедшихъ опытахъ, рассказала доктору Берильону, что въ ночь, слѣдовавшую за гипнотическимъ сеансомъ, она проснулась, услышавши странный шумъ въ комнатѣ ея сына. Когда она одѣлась и вышла туда, то глазамъ ея представилась чрезвычайно странная картина.

Ея сынъ, находившійся въ припадкѣ сомнамбулизма, дѣлалъ жесты кормилицы, дающей ребенку грудь, затѣмъ онъ подошелъ къ шкафу и, казалось, вынималъ изъ него воображаемыя суммы. Однимъ словомъ, госпожа Н... присутствовала при точномъ повтореніи всѣхъ сценъ, которыя были вызваны въ этотъ-же вечеръ гипнотическими внушеніями доктора Бремо. Эти сцены повторились еще нѣсколько разъ въ продолженіе этой ночи, послѣ чего Н. опять легъ въ постель и заснулъ. По пробужденіи онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, но не помнилъ ничего изъ совершившагося во время его сна.

Докторъ Берильонъ заключилъ изъ этого, что опыты доктора Бремо создали у Н. склонность къ сомнамбулизму. И дѣйствительно сомнамбулистическіе припадки послѣ этого стали повторяться у Н. довольно часто *).

Вредныя послѣдствія гипнотизированія хорошо характе-

*) Gilles de la Tourette: „L'hypnotisme etc.“ стр. 314.

ризованы Ломброзо въ письмѣ, цитированномъ у Gilles de la Tourette. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о причинахъ за-
прещенія публичныхъ гипнотическихъ представленій въ Ту-
ринѣ:

«Одинъ артиллерійскій офицеръ, гипнотизированный на
одномъ изъ гипнотическихъ представленій, чуть не помѣшался.
При видѣ какого нибудь блестящаго вещества онъ самъ собою
впадаетъ въ гипнозъ: для этого достаточно, напримѣръ,
свѣтъ фонаря проѣзжающаго экипажа. Однажды вечеромъ онъ
остановился, пораженный свѣтомъ фонаря, и если-бы его во
время не отвелъ шедшій съ нимъ товарищъ, онъ былъ-бы
неминуемо раздавленъ экипажемъ. За этимъ послѣдовалъ силь-
ный припадокъ истерики, и несчастный принужденъ былъ
слечь. Два студента математики впали въ гипнозъ, рассмат-
ривая свои циркули, и не могли продолжать черченія.
Одинъ служащій на желѣзной дорогѣ, присутствовавшій,
при гипнотическомъ представленіи, впалъ въ бѣшенство,
отъ котораго онъ еще до сихъ поръ не излѣчился. Въ
Миланѣ и въ Туринѣ многіе изъ зрителей почувствовали
себя плохо послѣ представленій и страдали головной болью
и бессонницей, другіе засыпали внезапно въ залѣ. Всѣ
туринскіе врачи замѣтили значительное ухудшеніе въ состоя-
ніи здоровья у всѣхъ паціентовъ, страдающихъ нервнымъ и
болѣзнями, и присутствовавшихъ при гипнотическихъ пред-
ставленіяхъ *).

Правда, что вызванныя такимъ образомъ страданія и бо-
лѣзни часто могутъ быть излѣчимы помощью гипнотизма-же,
но если опасность этимъ и уменьшается, то она все-же не
исчезаетъ.

*) Gilles de la Tourette, стр. 445.

Можно ли гипнотизировать когонибудь противъ его воли? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ правильная оцѣнка опасности, представляемой гипнотизмомъ. Еслибы на этотъ вопросъ нужно было отвѣтить безусловно утвердительно, то значительная часть населенія должна была-бы находиться въ постоянномъ страхѣ. Тогда нельзя было-бы ѣздить по желѣзной дорогѣ, бывать въ театрахъ, сидѣть въ общественномъ саду, такъ какъ вездѣ нужно было-бы опасаться покушеній гипнотизеровъ, имѣющихъ дурные замыслы. Если при ближайшемъ разсмотрѣнii предмета эти страхи и окажутся сильно преувеличенными и для громаднаго большинства людей совершенно неосновательными, то тѣмъ не менѣе на поставленный нами вопросъ, къ сожалѣнiю, нельзя отвѣтить безусловно отрицательно.

Въ этомъ отношенiи приходится различать людей съ гипнотическимъ воспитанiемъ т. е. людей, уже неоднократно и съ успѣхомъ подвергавшихся гипнотизированiю, и людей, ни разу еще не находившихся въ гипнотическомъ состоянiи. Относительно лицъ втораго разряда мнѣнiя расходятся. Парижская школа, употребляющая при гипнотизаціи главнымъ образомъ физическіе приемы (вспыхиваніе огня, ударъ китайскаго ганга и пр.), при которыхъ воля гипнотизированнаго не принимается во вниманіе, утверждаетъ, что тѣ субъекты, которые поддаются гипнотизированiю, впадаютъ въ гипнозъ уже при первой попыткѣ гипнотизаціи и даже противъ воли. Нансiйская школа, пользующаяся при гипнотизированiи психическими приемами (уговариваніе, приказаніе, психическая подготовка и т. д.), утверждаетъ, что первая попытка гипнотизаціи почти никогда не удается и никогда не удастся, если субъектъ оказываетъ сопротивленіе.

Что касается лицъ съ гипнотическимъ воспитанiемъ,

то всё согласны въ тѣмъ, что ихъ можно гипнотизировать безъ ихъ согласія и иногда даже несмотря на ихъ сопротивленіе. Конечно, если лицо, которое должно быть гипнотизировано, встанетъ и уйдетъ, то попытка гипнотизаціи не удастся, но нравственное сопротивленіе, т. е. твердое желаніе не заснуть, не помѣшаетъ гипнотизаціи. Охоровичъ рассказываетъ слѣдующій случай *).

«Молодая дѣвушка, которую Охоровичъ уже усыплялъ разъ пять или шесть, не соглашалась участвовать въ дальнѣйшихъ опытахъ. Тогда начинается слѣдующій разговоръ: «И вы не боитесь, mademoiselle, что я васъ усыплю противъ вашей воли»? — «О нѣтъ, я просто не сяду возлѣ васъ»! По желанію родителей дѣлается попытка. Охоровичъ беретъ платокъ дѣвушки и бросаетъ его ей со словами: «Готово, черезъ пять минутъ вы заснете»! — «Это на меня нисколько не подействуетъ», — увѣряетъ она, но тѣмъ не менѣе уходитъ, чтобы избѣжать взглядовъ Охоровича. Черезъ полчаса она приходитъ обратно въ состояніи гипнотическаго сомнамбулизма».

Опасность увеличивается еще тѣмъ, что гипнотизированіе можетъ быть произведено во время сна субъекта: естественный сонъ переходитъ въ гипнотическій. Бернгейму часто случалось гипнотизировать спящихъ больныхъ и давать имъ внушенія, которыя они и выполняли по пробужденіи.

Изъ сказаннаго можно вывести заключеніе, что если опасность быть гипнотизированнымъ противъ воли и минимальна для лицъ безъ гипнотическаго воспитанія, то она все же довольно значительна для лицъ, бывавшихъ уже въ гипнотическомъ состояніи. «Безполезно, говоритъ Бонисъ, стараться смягчить въ глазахъ публики значеніе этого факта, будемъ

*) Цитировано по Lilienthal'ю: „Hypnotismus. und Strafrecht“ стр. 68.

лучше смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, а дѣйствительность, къ сожалѣнію, часто указываетъ неограниченную власть гипнотизера надъ человѣкомъ, котораго онъ выбралъ себѣ орудіемъ или жертвой».

Но если гипнотизмъ приноситъ съ собою такую значительную опасность для общества, то невольно возникнетъ вопросъ, не цѣлесообразнѣе-ли всего совершенно запретить всякое гипнотизированіе? При ближайшемъ разсмотрѣніи такое простое разрѣшеніе вопроса окажется непригоднымъ по многимъ причинамъ. Гипнотизмъ съ его опасностями представляетъ явленіе, постоянно повторяющееся въ исторіи движенія науки. Все новое, возникавшее въ области науки, приносило съ собою также и новыя опасности. Но никому не придетъ на мысль, что слѣдуетъ, напр., запретить приготовленіе стали по той причинѣ, что убійца можетъ воспользоваться стальнымъ кинжаломъ для убійства. Нельзя запретить изученіе электричества изъ-за того, что при устройствѣ нужныхъ для этого опытовъ могутъ происходить несчастные случаи. Гипнотизмъ раздѣляетъ судьбу почти всѣхъ лекарствъ, которыя оказываются почти всегда ядами, если они взяты не во время и не въ должномъ количествѣ. Терапевтическое значеніе гипнотизма уже теперь стоитъ впѣ въ якихъ сомнѣніяхъ, и примѣненіе его въ медицинѣ находитъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приверженцевъ. Но если примѣненіе гипнотизма въ медицинѣ признано раціональнымъ, то нельзя запретить и гипнотическихъ опытовъ, такъ какъ безъ свободнаго изслѣдованія немислимъ прогрессъ въ какой-бы то ни было области науки. Гипнотическіе опыты могутъ дать, кромѣ этого, важныя результаты и для экспериментальной психологіи, и ограничить въ этомъ отношеніи свободу изслѣдователей значило-бы ставить преграды наукѣ. Съ другой стороны, такое запрещеніе едва-ли

оказалось бы дѣйствительнымъ. Страхъ передъ наказаніемъ удержитъ не всякаго изслѣдователя отъ стремленія къ познаванію новыхъ явленій и новыхъ законовъ.

Само собою разумѣется, что совершеніе такихъ опасныхъ опытовъ должно сопровождаться всевозможными мѣрами предосторожности. Гипнотизеръ (даже не врачъ) можетъ иногда быть весьма полезнымъ для гипнотизируемаго. Такъ, онъ можетъ внушить послѣднему, чтобы онъ, гипнотизируемый, не поддавался попыткамъ гипнотизаціи, исходящимъ отъ чужихъ людей. Такое чрезвычайно благодѣтельное внушеніе сопровождается, по Бонису, почти всегда успѣхомъ. Далѣе, само собою разумѣется, что гипнотизированіе никогда не должно быть совершено безъ согласія гипнотизируемаго. Если такое гипнотизированіе, совершенное безъ согласія паціента, сопровождается вредными послѣдствіями для его здоровья, то оно должно быть наказано, подобно всякому другому изувѣченію. Если такого вреда для здоровья не послѣдовало, то гипнотизированіе противъ воли все-же должно быть наказано, какъ насильственное лишеніе свободы.

Что такое лишеніе свободы существуетъ, если гипнотизированный приведенъ въ состояніе летаргіи или каталепсіи, это ясно само собою, но и приведеніе гипнотизированнаго въ состояніе сомнамбулизма несомнѣнно подходитъ подъ понятіе лишенія свободы: жертва гипнотизера въ этомъ состояніи можетъ двигаться, но она лишена свободы руководства своими поступками; она еще менѣе свободна, чѣмъ если-бы она была связана по рукамъ и ногамъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она только не можетъ совершать того, что она хочетъ, тогда какъ въ состояніи сомнамбулизма она, кромѣ этого, должна еще совершить то, чего она не хочетъ.

Гипнотизированіе противъ воли гипнотизируемаго есть

насиліе и должно быть наказано подобно таковому. Подъ насиліемъ нужно подразумѣвать употребленіе превосходящей силы, (которая не должна необходимо быть физической), дѣйствующей во вредъ объекту на перекоръ его воли. Подъ это понятіе вполне подходит и насильственное гипнотизированіе.

Само собою разумѣется, что гипнотизированіе больныхъ съ терапевтической цѣлью въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ не можетъ быть испрошено согласія, также мало можетъ подходить подъ понятіе насилія, какъ хирургическая операція, не терпящая отлагательства, выполненная надъ человѣкомъ, потерявшимъ сознаніе. Важно, чтобы это гипнотизированіе было совершено *въ интересъ больного*. «Интересъ науки» тутъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ.

Если такимъ образомъ врачу и ученому гипнотизированіе вообще не можетъ быть запрещено, то дѣло обстоитъ иначе относительно публичныхъ гипнотическихъ представленій. Въ первомъ случаѣ, гдѣ опыты совершаются прямо или косвенно на пользу гипнотизируемаго, можно быть увѣреннымъ, что всѣ мѣры предосторожности будутъ приняты, что вредныя манипуляціи не будутъ употреблены, что въ случаѣ несчастія помощь будетъ на готовѣ. Не то при гипнотическихъ представленіяхъ, которыя устраиваются лишь для наполненія кошелька гипнотизера. Для послѣдней цѣли всѣ средства хороши. Гипнотизеру нужно во что-бы то ни стало удовлетворить толпу. Опыты должны удался, хотя-бы для этого пришлось употребить самыя насильственные средства, вредныя для здоровья гипнотизируемыхъ. Эти быющія на эффектъ представленія крайне опасны. потому, что обыкновенно они вызываютъ подражаніе среди публики. Присутствующіе на этихъ сеансахъ увлекаются этимъ зрѣлищемъ, какъ спортомъ, какъ интересной игрой, и многіе, видя, что довольно про-

стыми средствами можно добиться удивительных и во всякомъ случаѣ интересныхъ результатовъ, начинаютъ дѣлать попытки гипнотизаціи надъ своими знакомыми и распространяють такимъ образомъ «гипнотическое воспитаніе». Не невозможно также, что нѣкоторые изъ зрителей станутъ пользоваться своими новопріобрѣтенными познаніями для преступныхъ цѣлей.

Въ виду этого, надо пожелать, чтобы всѣ подобныя публичныя представленія были запрещены закономъ, какъ это уже сдѣлано въ нѣкоторыхъ государствахъ.

По русскому закону къ гипнотизаціи примѣнены тѣ же постановленія, какія предусматриваютъ употребленіе хлороформа и другихъ наркотическихъ средствъ (ст. 115 т. XIII Св. зак.). По нашему закону гипнотизировать имѣють право только врачи, причемъ требуется присутствіе при сеансѣ по крайней мѣрѣ двухъ врачей и обязательно согласіе самого субъекта или его опекуновъ, если онъ несовершеннолѣтній.
